

РЕЧЕ

1982

4

Вече

Независимый русский альманах

4

Редактируют: Евгений Вагин и Олег Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ, 1982

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1982

München

**Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
А. Солженицын. Главный урок	7
К ПРОСЛАВЛЕНИЮ НОВОМУЧЕНИКОВ РОССИЙСКИХ	
О прославлении	13
Архиеп. Венский и Австрийский Нафанаил. О прославлении Царя-Мученика	16
Ю. Миролюбов. Видение	20
Комитет Спасения Игоря Огурцова. Оповещение	27
ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ	
Э. Оганесян. О политическом терроре	28
Р. Плетнев. Мене, мене текел уфарсин	43
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ	
В. Ильин. Психоанализ „Бесов” Достоевского в багровых отсветах русской революции	63
ИСТОРИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ	
Н. А. Нефедов. Красные латышские стрелки	95
РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
В. Н. Беляев. Наша непримиримость	157
В. Песец. Новогоднее пожелание на 1982 год тем, кто еще не ушел в благобыт	165
Н. Сахновский. Открытое письмо соратникам и друзьям	169
Российское Национальное Объединение — Президенту США Рональду Рейгану	173
Трибуна „ВЕЧЕ”	
Леонид Барат-Баранов. О сепаратизме	177
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
Е. Вагин. „Правда об убийстве Царской Семьи”	187
П. П. Важный исторический документ	199
ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ „ВЕЧЕ”	
Нам пишут...	207

Христос Воскресе!
Воистину Воскресе!

*Сердечно поздравляем
подписчиков и друзей альманаха
«Вече»
со Светлым Праздником
Воскресения Христова!*

*Е. Вагин
О. Красовский*

ОТ РЕДАКЦИИ

В конце настоящего выпуска альманаха помещены выдержки из некоторых частных писем читателей „Вече“, большинство которых заканчивается оформлением подписки. Такого рода письма важны как живое свидетельство реальной поддержки российскими эмигрантами начатого нами дела. Так называемая „большая“ русско-язычная пресса Зарубежья, появление независимого русского альманаха не удостоила своим вниманием. Единственное исключение, пожалуй — публикация в парижской газете „Русская мысль“ небольшого объявления о выходе в свет альманаха. Публикация — на коммерческой основе, за которую „Русской мысли“ была уплачена сумма, превышающая стоимость двухгодичной подписки на эту газету... Практически, вся новейшая эмиграция из СССР, в руках которой и находится пресловутая „большая пресса“, резко противопоставила себя прежней, этнически русской в своем большинстве, эмиграции.

Но эта русская эмиграция, вопреки неумолимому закону бытия, еще жива. И те немногие, подлинно независимые, органы печати, представляющие зарубежную Россию, заметили „Вече“ и тепло встретили его появление. В обзоре первого номера альманаха „Вече“ газета „Русская Жизнь“ (Сан Франциско, 11.7.81) писала:

„Альманах „Вече“ нужен именно в наше время, когда по страницам других, не наших печатных органов, по страницам газет, журналов и книг растекается мутная волна русофобства. Судя по материалам первого номера, альманах „Вече“ и будет противостоять русофобству, что можно только приветствовать...”

А. Макриди, автор одной из рецензий на первый номер „Вече“ в газете „Наша страна“ (Буенос Айрес, 28.8.81), озаглавленной слишком уж лестно для нас — „Маяк снова засиял“ — считает:

„За границей русских изданий, точнее — изданий на русском языке, больше, чем нужно, потому что хороших все меньше, а плохих все больше. Этому трагическому факту содействует „третья волна“, как лопнувшая труба принявшаяся удобрять ниву эмигрантского просвещения для антирусских саженцев. Патриотические издания, сохранившие благородные традиции и дырявый карман, хиреют; издатели вымирают, не обеспечившись надежными преемниками. И вот, в обстановке все сгущающейся безнадежности, появление „Веча“, возглавленного молодыми, образованными, энергичными и целеустремленными последователями Осипова, успевшими, к тому же, завоевать лучшую репута-

цию в лучших кругах Зарубежья, воспринимается, как чудо! Радужному впечатлению способствуют безукоризненная грамотность содержания и непривычно грамотное художественное оформление. Получился настоящий, высококвалифицированный „толстый” журнал, не уступающий лучшим иностранным, какого мы с окончания последней войны и не видели. С первой до последней страницы, все продумано и подано с предельной добросовестностью...”

Были и другие одобрительные отзывы и положительные оценки, за которые мы искренне признательны.

Русская культура создается и сохраняется теми, кому прежде всего дорога Россия — национальная, историческая, вечная. Наши соотечественники на родине, почувствовавшие свои корни в прошлом, идущие по пути воскрешения традиционных духовных ценностей, для которых свято Православное предание — конечно, неизмеримо ближе нам, чем некоторым новейшим эмигрантским деятелям, самозванно вещающим от имени России. В этом смысле альманах „Вече” — как мы подчеркивали с самого начала — не есть издание только для эмигрантов, но для русских людей, как в рассеянии, так и на родине. Дошедшие до нас отклики с родины — лучшее тому доказательство.

Именно поэтому мы стремимся публиковать материалы самые разнообразные, которые могли бы дать возможно полное представление о переживаемом ныне русским национальным самосознанием историческом моменте. Русское Возрождение — процесс сложный и неровный, есть в нем и свои теневые стороны, — но и о них мы предпочитаем говорить открыто и прямо, считая, что атмосфера свободного обсуждения и объективного информирования читателей наилучшим образом способствует преодолению препятствий на пути к духовному объединению здоровых сил.

Нам хотелось бы, чтобы альманах „Вече” стал духовным центром объединения всех, кому дороги интересы России.

А. Солженицын

Главный урок

В чем главный урок декабрьских польских событий? За последние 65 лет этот самый урок преподан миру то более, то менее отчетливо — добрых 40 раз. И все 40 раз западные умы постарались не заметить его, не понять или изъяснить криво. Каких только не слышим мы и теперь истолкований: от наивного негодования, что Западу испортили Рождество (подобные вопросы я получил от одной английской газеты) до фантастического миража, что в Польше объявилась военная хунта южно-американского образца — и она оттеснила ослабевшую компартию.

Наверное, компартию, взявшую власть, оттеснишь! Кто, когда и где ее оттеснил?

А самое простое объяснение — внешняя сила, „Кремль заставил Ярузельского”. Но если „Кремль заставил” — достаточное объяснение, то ведь и советскую армию и даже советских чекистов тоже ведь „заставляют” — значит, они не виновны? Тогда и все мы, подсоветские люди, тоже ни в чем не виновны: нас всех тоже „заставил Кремль” еще с 1918 года, — ЧК, расстрелами, потоплениями барж с живыми людьми, концлагерями на многие миллионы людей, уничтожением населения в размерах, беспрецедентных в мировой истории. И мы тоже объективно укажем, что на первых порах „Кремль” охотно опирался и на внешнюю силу: сотни тысяч военнопленных, получивших право свирепствовать в чужой стране. Да, конечно, коммунизм никогда не побрезгует опереться на внешнюю силу — но не достойно и самообманно класть это в главное объяснение. Если коммунизм укрепился в России, на Кубе или в Абиссинии — то, значит, нашлось достаточно охотников из народа этой страны проводить его палаческие жестокости, а остальной народ — не сумел сопротивить-

ся. И виноваты — в с е, кроме тех, кто погиб, сопротивляясь.

„Кремль заставил”? Да. Но зачем же Ярузельский, и польская милиция, и польская армия, — зачем они подчинились? Как же могло сразу найтись исполнителей больше полумиллиона? Среди сорока предыдущих уроков польский тем особенно ярок, что перед нами — как никакая другая, цельная единая однородная нация, сплоченная своим религиозным и национальным чувством — как будто невозможно ее расколоть! — но вот из нее же находится нужное число коммунистических исполнителей. А среди тех поляков, кто сегодня негодует, может быть найдем и таких, кто в 1945 уничтожал Армию Краевую? (Как и среди жертв Праги 1968 найдем немало тех, кто с энтузиазмом устанавливал коммунизм в 1945 и издевался над беглецами из СССР.)

Вот и урок: что опасность человечеству XX века — не в отдельных странах, не в отдельных нациях, не в отдельных правителях — а в мировом зле коммунизма. Что коммунизм уже 65 лет победно и почти беспрепятственно идет по миру — и н е т такой нации в Европе, которая бы не готова была поставить ему нужное число палачей, а затем покориться и вся. Сегодняшняя ФРГ? — почти уже лежит плашмя перед коммунизмом, даже не надо звать кадры из ГДР. В сегодняшней Франции? — уже давно не скрывается миллионная партия, объявляющая о своей готовности поставить нужные кадры. И достаточно — больше, чем в Польше — найдется их в Италии, Испании и Великобритании.

Не в том новость, что „Кремль заставил”, а — человечество по сегодняшний день не подготовлено, слабо противостоять запредельному, умонеохватимому злу коммунизма, всегда застигается им врасплох. Не в том грозность, что „Кремль заставил”, а: мы все, человечество, по нашей духовной слабости даем себя вогнать в гроб коммунизма. Как легко сегодня выражать запоздалые сочувствия Польше и пламенные надежды, что поляки подымутся из-под ярма и тем загородят шествие

коммунизма по Европе, — но зачем же в 1946 году западные союзники так беспечно предали эту Польшу (и Болгарию, и Румынию) в пасть коммунизма? И какая новинка в оккупации Афганистана, если Троцкий на вершине власти так и писал, что „путь в Берлин лежит через Афганистан”, а Ленин еще в программу 1915 года в Швейцарии поставил: вторжение своей (еще не существовавшей) революционной армии в Индию!

Да, мировой коммунизм — всегда внешняя сила, по отношению ко всякому народу. В польском уроке то и выпукло, что даже Польша с ее вольнолюбием, с ее всенародным порывом к свободе, самая сплоченная нация в Европе — и вот терпит поражение. А ни в какой западноевропейской стране не накопилось и сравнительной силы сопротивления. От этого польский декабрь звучит похоронным маршем той Европе, которая от 1918 до 1981 так и не поняла степени опасности *себе самой*.

Стало модно усыплять себя, что „идеология коммунизма мертва”, потерпела катастрофу. О, она еще в достаточно багровом расцвете, чтобы подчинить себе весь мир, к тому и идет. Вместе с Брежневым и Ярузельским за нынешние события в Польше отвечает и Дэн Сяопин, и Пол Пот, и Кастро, и никарагуанские вожди, и Марше, и — да! — Берлингуэр и Карильо, как бы они ни изображали вслух протеста. По Польше давящей поступью идет *их* идеология, именно она! (И для гневно протестующих социалистов это тоже, признаться, родное: ведь идеология всякого социализма основана на насильственных государственных действиях. Не спутаем: „Солидарность” вдохновлялась вовсе не социализмом, а — христианством.)

„Идеология умерла”? Прежде чем она умрет — она еще успеет развалить и завоевать весь Запад и пососать его кровь. Коммунистическая идеология — это такая неестественная метафизическая сила, которая действует как бы вопреки законам физики, экономики и социологии. Вместо того чтобы неизбежно лопнуть — она

побеждает. Она побеждает — слабостью Запада. Идеология коммунизма еще может пережить и СССР, и коммунистический Китай: на Земле еще найдется для нее другой питательной почвы.

Уже 65 лет Запад — каждый год и каждый месяц — склоняет и свои весы в ту же сторону — чтобы пасть и подчиниться. Несколько поколений европейцев позволили себе отдалиться комфорту, когда к востоку от Буга убивали и вымаривали десятки миллионов. Так и сегодня духовно-потерянные европейские пацифисты спешат дать подножку Соединенным Штатам, намеренным, может быть, сопротивляться. В Европе господствует надежда не на самих себя, а только — на внешнее чудо, на успех туманных переговоров с коммунистами.

Но чудо — не приходит к потерянным душам. И никакие переговоры с коммунизмом никогда не были плодотворны для Запада, всегда — поражение. (Два видимых исключения: Австрия — личный жест Хрущева, и запрет воздушных ядерных испытаний — защитная реакция планеты.) Все переговоры — от Генуи (1922) через Ялту, Хельсинки и до сегодняшней Женева — все кончалось обманом Запада и выигрышем коммунистов. Тщетно надеяться и теперь. Западные демократии обеими руками держатся за иллюзии.

Слепота — верить в спасительные переговоры с бессердечным противником, когда Запад слаб в своей основе, в результате трехвекового развития самой Европы. Нынешнее общество Запада, как оно существует, все более в виде потребительского, разочарованного в труде, гедонистического, с разрушаемой семьей, наркоманского, атеистического и парализованного терроризмом, — исчерпало свою жизненную силу, потеряло духовное здоровье, — и в сегодняшнем виде не может выжить.

И социализм — не выход, а только другая форма той же болезни.

Да, покоренные народы то там, то здесь еще будут пытаться подыматься, и когда-то будут иметь успехи,

оплаченные кровью, — но гибелью Запада было бы только на это надеяться, как надеется он сегодня. Надежды всего живущего на Земле могут быть только внутренние: на укрепление *своего* духа и возвышение *своих* жизненных ценностей.

31.12.1981

„Уже до донышка доходит, уже всеобщая духовная гибель насунулась на всех нас, и физическая вот-вот запылает и сожжет и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему всё улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно:

— А чем же мы помешаем? У нас нет сил.

Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может в щелочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки.

Уж как долбили нам на политкружках, так в нас и вросло, удобно жить, на весь век хорошо: среда, социальные условия, из них не выскочишь, бытие определяет сознание, мы-то при чем? мы ничего не можем.

А мы можем — в с ё ! — но сами себе лжем, чтобы себя успокоить. Никакие не „они” во всем виноваты — м ы с а м ы, только мы!”

Александр Солженицын. „Жить не по лжи!” Собр. соч., т. 9, с. 168.

К ПРОСЛАВЛЕНИЮ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

О ПРОСЛАВЛЕНИИ

Начало церковному прославлению новых российских мучеников, исповедников и страстотерпцев было положено Всероссийским Церковным Собором 1917—1918 годов. Сразу же после бессудной расправы большевиков над Киевским и Галицким митрополитом Владимиром 7 февраля 1918 года, святейший патриарх Тихон дал указание отмечать память митрополита-мученика Владимира и всех других новых мучеников, исповедников и страстотерпцев российских, от безбожной власти пострадавших, по всей России ежегодной в воскресенье, ближайшее к 7 февраля (в пересчете на новый стиль). Сам патриарх Тихон совершил первое всенародное поминовение новых мучеников тогда же, в феврале 1918 года на Красной площади в Москве, куда пришли крестные ходы всех московских церквей — более миллиона человек.

В фильме к 60-летию восстановления патриаршества в Русской Церкви, выпущенном пропагандистами из современной московской патриархии, можно увидеть эти кадры, но подаются они как ликование народа по случаю того, что по милости советской власти, мол, было восстановлено патриаршество, и Церкви тем самым обеспечено светлое советское будущее.

Всероссийский Собор 1917—1918 года (большевики принудили его оборвать свою деятельность только в

конце лета 1918 года) восстановил забытое было в течение последних веков празднование „Недели всех святых, в Земле Российской просиявших”. Составленная в связи с этим заново „Служба всем святым, в Земле Российской просиявшим” может и должна рассматриваться как начало уже не поминовения новых мучеников и страстотерпцев и молитв об их упокоении, а как начало их прославления как святых, как угодников Божиих. В девятой, заключительной песне канона, Русская Церковь по благословию святейшего патриарха Тихона с 1918 года взывает:

„О новых страстотерпцев! Подвиг противу злобы убо претерпеша, веру Христову яко щит пред учении мира сего держаще, и нам образ терпения и злострадания достойно являюще”.

„О твердости и мужества полка мученик Христовых, за Христа убиенных! Тии бо Церковь Православную украсиша и в стране своей крови своя, яко семя веры даша, и купно со всеми святыми достойно да почтутся”.

„О величии наши отцы, именитии и безименнии, явлении и неявлении, небеснаго Сиона достигшии, и славу многу от Бога приимшии, утешение нам в скорби сущим испросите, страну нашу падшую возставите, и люди расточенныя соберите, от нас яко дар песнь благодарения приемлюще!”

Переводить этот славянский текст на современный русский язык не надо. Кто вчитается — без труда его поймет. Кровь новых мучеников — семя той веры, которая ныне на наших глазах вновь произрастает. Известные по имени и оставшиеся неизвестными новые мученики, исповедники и страстотерпцы — молитвенники о „стране нашей падшей”. Все они — „достойно да почтутся”.

Несвободная патриархия не только не почитает новых мучеников „достойно”. Она даже не просто молчит о них. Она иногда кощунственно глумится над их памятью, утверждая, что мучеников нет и не было, а преследовались и уничтожались, мол, „отдельные” священно-

служители и миряне „за политику”, будучи замешаны в „политических преступлениях”.

Собор епископов свободной части Русской Церкви за границей выполнил свой долг, завершив церковное прославление новых мучеников Христовых, начатое святейшим патриархом Тихоном и Всероссийским Собором в 1918 году.

Сомнений в благодатности и своевременности этого шага быть не может и не должно. Тем более — по ложно понимаемым „политическим” соображениям.

Мерила Церкви — не земные мерила. Церковь не ограничивает долга историков объективно и честно изучать царствование последнего Императора, судить о нем как о государственном и военном деятеле. Церковь помнит о „кончине его”, о том, с каким христианским смирением он принял все, что ждало его и его семью после отречения, после его отхода от власти. И разве есть кто-нибудь, кто по совести мог бы усомниться в том, что есть прямая параллель между приятием мученического венца царственными страстотерпцами нашего века и святыми князьями Борисом и Глебом, страстотерпцами XI века, к которым Церковь Русская вот уже почти тысячу лет обращается с молитвой: „Предстояще Святей Троице молитесь державе сродников ваших богугодней быти и сыновом российским спастися”.

Русь, Россия — держава сродников святых Бориса и Глеба. Сродников Рюрикова дома и дома Романовых. Но и каждого из нас. Все мы, чада Русской Церкви — Церкви „не мертвых, но живых”. Церкви *всех* святых, в Земле Российской просиявших. „И прежде, и послежде”, как говорится в каноне этого дня. От святых Бориса и Глеба, от святого Крестителя Руси Владимира, и до мучеников и страстотерпцев наших дней. „Именитых и безымянных, явленных и неявленных”. Ко всем им обратимся: „Страну нашу падшую восставите и люди расточенныя соберите!” По молитвам всех святых Земли Российской да будет так...

Р е д.

О ПРОСЛАВЛЕНИИ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА

Среди русских эмигрантских либеральных кругов многие осуждают нашу Зарубежную Церковь за канонизацию и прославление мученически убиенного Государя Императора Николая II, называя этот акт политическим.

После совершившегося ныне прославления Новомучеников Российских, с Государем Императором в их числе, толки эти не только не прекратились, но и усилились, доходя до повторения тех гнусных обвинений против Царя-Мученика, которые встречались только в самых отвратительных революционных писаниях, сохраняемых в наиболее омерзительных изданиях, вплоть до наименования мученика Царя „Николаем Кровавым”.

Надо отвечать на эту новую волну клеветы.

Император Николай II — многосторонний мученик. Он мученик и как простой человек-христианин, как миллионы других русских мучеников, убитых за то, что они верили в Бога и оставались верными своему исповеданию. Поэтому может он быть поставлен во главе многомиллионного множества русских людей, убиенных и замученных богоборцами в наше время. Он — один из них. Хорошо пишет об этом архиепископ Антоний Женеvский, приводя и слова одного исповедника из России:

„Прославить надо всех мучеников за веру, не делая выбора, тем более не становясь на политическую точку зрения, как это делают в отношении царя. Ему все что-то пытаются поставить в вину, даже не представляя того, что обвиняя Царя-Мученика, они становятся в ряды палачей его! Он умер, не изменив своей вере!”

Но сверх того мы знаем еще высокое благочестие Государя и его чисто христианское отношение к жизни. „Кротость и смиренное принятие уготованной им страш-

ной участи возводит императорскую чету на высочайшую степень христианского подвига”, — пишут из России.

Однако Государь не только Первенец среди мучеников мирян. Как тоже пишет архиепископ Антоний: „... надо помнить, каково отношение Церкви к православному царю. Церковь рассматривает его не только как светского главу государства, но как священное Лицо, носителя особой божественной харизмы. Во время коронования над царем совершается вторично Таинство Миропомазания, на что не имеет права ни один христианин. Эта особая харизма делает православного царя — служителем Божиим, ответственным за народ перед Богом”.

Но Император Николай II пострадал не только, как рядовой христианин, не только как царственный мученик, но и как воплощение высокого звания Удерживающего, которое принадлежало ему и его предкам царям, и больше никому.

Среди пророчеств о последних временах пред концом мира у св. ап. Павла, в послании к Фессалоникийцам, говорится: „тайна беззакония не совершится, пока не будет взят от среды удерживающий теперь” (2 Фес. 2, 7).

Кто такой Удерживающий?

Почти все святые отцы — толкователи этого послания, говорят, что под Удерживающим надо понимать римского императора и возглавляемую им империю. Хотя и языческая тогда и даже гнавшая христиан, но своей верностью принципу справедливости и правосудия, она не давала злым силам беспрепятственно распространяться в мире.

Когда же при Константине Великом империя сделалась христианской, это ее состояние на позиции защиты Правды, стало сознательным подвигом борьбы против зла. Как известно, звание римского императора перешло сначала к византийским василевсам, а потом к русским великим князьям, царям и императорам, и было вместе со всем прочим унаследовано царем Нико-

лаем II. И никто во всей истории не воплощал этого царственного стояния за правду в такой мере, как Император Николай Александрович.

В течение XVIII и XIX веков русская царская власть все время очищалась от нецерковности и вольнодумства Петра I и Екатерины II. И наконец на русском престоле оказался человек глубоко церковный, православный, сознательно стоявший на страже Добра в мире, уже погружающемся в бездны зла. Для защиты Добра начал он в 1914 г. войну, обнажившую силы зла.

Утверждение о том, что императорская власть в России являлась препятствием, удерживающим бескрайнее разлитие злых сил — это не наша самовольная претензия. Это подтверждает один из основателей современной богоборческой силы Фридрих Энгельс, когда он пишет: „ни одна революция в Европе и во всем мире не может достигнуть окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство” (Карл Маркс и революционное движение в России”, Москва, 1933, с. 15).

Вот в качестве такого Удерживающего мешал наш Государь созревшему злу разлиться по просторам нашей родины и всего мира.

И мы, ни мало не погрешая против исторической правды, не приукрашая ее, можем утверждать, что убийство императора Николая II совершено было прежде всего за то, что он свято исполнял свой религиозный долг — дело Удерживающего. За этот всемирный долг заслужил он всемирное прославление, а между тем, память его окружается злобой и ненавистью.

О том, что Государь был мучеником, убитым не только как рядовой христианин, как были убиты миллионы верующих людей, даже не как царь, а как Удерживающий, препятствовавший злым силам захватить мир — об этом свидетельствуют таинственные надписи в комнате, где совершилось убийство. Тут есть две многозначительные строки из стихотворения Г. Гейне:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.
(„В эту самую ночь Валтасар был
убит своими слугами”.)

Тут и кабалистические знаки, которые знаток древних тайнописаний Энель перевел так: „здесь при приказу, царь был принесен в жертву для разрушения государства”.

Этим объясняется и та ненависть к русскому народу и русскому государству, которыми пропитаны многие высказывания Маркса и Энгельса и которыми переполнены и современные общественные руководители.

А мы, любящие нашу Родину Россию и наш православный русский народ, низко, с благоговением и благодарностью преклонимся пред ныне прославленной памятью нашего мученика Государя и всей Августейшей Семьи его, разделившей с ним и его муки, и мстительную ненависть его врагов. В лице мученика-императора выразим благодарность не только ему, но и его предкам, обеспечившим нам блестящее развитие нашего государства и нашей культуры, защищавших весь мир от безудержного развития злых сил.

И возблагодарим наш Синод Православной Русской Церкви за границы за то, что он выполнил ответственный акт канонизации и прославления Мученика Царя и всех Новомучеников и Исповедников Российских, несмотря на то, что Синод знал, что этим актом он вызовет против себя взрыв ненависти и клеветы.

*Архиепископ Венский и Австрийский
НАФАНАИЛ*

Ю. Миролюбов

ВИДЕНИЕ

Каждый переживает мир и вещи по-своему, один — как бы скользя по ним, не вживаясь, а другой — глубоко чувствуя, но, пока нет опыта, не зная, как их оценить. И приходит час, когда он заново, во всю величину, видит людей и события, на сей раз понимая окончательно.

Тогда он все видит иными глазами, и с удивлением убеждается, что все, казалось, глубоко спавшее в душе, живет своей собственной жизнью, где все на месте, где даже самое место полно значения, и где нет неясностей.

Недавно знакомый иностранец упрекнул:

— Зачем вспоминать? Допустим, ты видишь прошлое, но что ты можешь изменить в нем? Да иное лучше и не вспоминать!

Чудак! Да разве можно, скажем, забыть свою руку, или ногу? Разве что, когда болен, и не слушается тебя рука, или нога твоя, и когда до конца калекой останешься. Прошлое нас вскормило, вспоило, на ноги поставило, вошло во все клетки тела, стало нами, и там, скажем, где точка малая на руке, может, как раз, любимая яблоня выросла корнями своими. Как же забыть эту точку, корни, ветки яблони, отцовский дом, тишину, благо-растворение воздушных, ветерок, шумящий в черешнях, изобилие плодов земных, стук колес в пыли, на дороге, скрип мажары, далекий крик, песню, фыркание коня, лай собаки, победоносный вопль петуха, грохот утреннего поезда, мчащегося на Кавказ, крепкий запах бузины, липы, цветов из любимого сада, стук падающих желтков-яблок, и — трепет сердечный, при виде голубого

платья подруги, мелькнувшего в кустах сирени, метнувшегося и пропавшего.

Разве это повторяется?

И почему человек должен быть хуже животного, любящего свой двор, клев, стойло, угол, где оно живет, спит, ест? Любая корова, идущая с пастбища вечером, в таком случае, будет лучше. Как она уверенно идет к своим воротам, как настойчиво мычит, чтоб раскрыли, ждет ржаной корочки с солью, ласково мотает головой хозяйке, уже отворяющей ворота.

А человек должен забыть? Что за человек такой, что не помнит добра, что забыл свое, родное, а живет чужим, ничего для него не сделавшим? И сколь величественна по сравнению с ним корова, любящая свой двор.

И какой толк от такого человека, какая польза, кому он нужен? Ни Богу свечка, ни черту кочерга! Так, жил-был, и — нет его, дышал, радовался, и — ни к чему была его жизнь, дыхание, радость. Помер — никому и горя нет. Без причала был, без руля, ветрил, и без любви, ко всему, так, вроде колючки в огороде. Погиб, и нет ни у кого сожаления, слезы.

А умрет другой, потрудившийся, служивший Родной Земле, сберегший в душе все виденное, носивший в сердце, и кто-либо почувствует его смерть, пожалеет, может заплачет.

Великая вещь — воспоминания! В них — все, горе, радость, жизнь, любовь, а не она ли сильнее смерти?

*

Думая так, незаметно переступил я грань обычного. В ночной мгле увидел я дома, деревья, людей нашей деревни. Слышу звон колокола к Светлой Заутрене, и вижу толпы людей, идущих с узелками к церкви. Дрогнув сердцем, пошел и я за ними.

Небо сияло множеством ярких звезд. На востоке чуть просветлело, и алая полоска вспыхнула у самого края земли. Люди все теснее сходятся, несут узлы с пасхами,

крашенками, всякой снедью. И смотрю, вон — Репуш с двумя дочками, добрый сосед наш; широкая борода, глаза добрые, чуть видны во тьме, и одна из дочерей, в светлом платье, с длинными косами, глаза синие, раскосые, а другая — темноглазая, темноволосая, как отец, кряжистый дядька. Знаю, что давно померли они, но подхожу, здороваюсь.

— Здравеньки булы! — ласково отвечает отец. — Ксюша и Юра здесь!

— Слава Богу! — вполголоса отвечает она, крепко сжимая мою руку. — И вас к Светлому Празднику дождались.

— Сейчас, Ксюша, — отвечаю. — Ты уж, как „Христос Воскрес” пропоют, не удирай! Хочу с тобой похристосоваться.

— Та чего же... глубоким, идущим из сердца голосом, отвечает она. — Вы наш, а мы — ваши.

Глубокая правда в словах этих. Росли вместе, учились, встречались, радовались, глядя в глаза друг другу. У перелаза, с одной стороны наш сад, а с другой Репушевский; играли вместе, знали каждый сучок в досках, каждую былинку на земле.

*

А вот старик Богацкий, лавочник, в железных очках, с белой бородой, кровоподтеки под глазами, сорочка в крови: его убили пьяные солдаты тридцать девятой дивизии. Знаю, что он умер, а вижу — и не верю сам себе, двоится вера моя; одна часть за то, что он умер, а другая, — что жив, и никогда не умрет. Если есть хоть какая-либо справедливость в мире, а Бог даже отвернулся от нас, то все равно, Богацкий омыл кровью грехи свои, и ему должна быть дарована вечная жизнь. Уж больно малы грехи были у него; пятак на рубль наживал, никогда не грабил, вдовам долги вычеркивал, сиротам леденцы даром давал. В церкви всегда с Иваном Филипповичем басом вполголоса спорил, кому „Апосто-

ла” читать, ему ли, Ивану Филипповичу ли. Ну что Богу грех их? Возревновали оба о Господе, и хоть непорядок, чтоб в церкви спорить, но, ведь, люди какие были! Богацкий, прощая долг бедному, всегда говорил:

— „Отче наш” знаешь?

— ... „и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим”!

— Приходи за сахаром, спичками до „Спожин”! А вот возьми бабе... Тут кусок ситца с прошлого года; может что придумает. Она у тебя умная, работающая. Бог работающих любит!..

И мужик уходил, благословляя доброго купца.

— Петрович! — говорит он, подходя: „После заутрени... непременно, чтоб похристосовались, а на это, — указал он на сорочку, — внимания не обращайтесь! Дурачки ведь замарали. Что с них спросить? Дай Бог им прощения. В такой день, подумать, в Святую Пятницу, вместе с Господом Иисусом преставиться сподобился!

Перекрестился он:

— Честь-то какая, Боже! — И, вздохнув, добавил: — Да неужто, Господи, за мои сиротские леденцы... Да и что в них, и мало давал, знал бы, вдвойне бы отпускал!.. Дело торговое, все считаешь, чтоб не просчитаться, а то и леденцов не будет... — Он кашлянул и сказал: — А за врагов моих молюсь: как бы не они, и на Страстной не ушел бы к Господу!.. Благодарен им!

И сказавши, отошел вбок.

Лица у людей светились голубым светом, а у Богацкого — прямо сияло.

*

И уже трое Шевчуков, братьев-богатырей, на его месте. Убили их на первой войне. Идут они, шагают в ногу, дошли до меня, разом честь отдали, и на груди у них огненными буквами написано: „Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя!”

Идут они, и кровь с них течет, а где капля упала, красным, синим, белым огоньком светится, Русским цветом горит.

Встал я перед ними во фронт, как перед генералами. Такие — душу потрясают!

А рядом — уже Парфен с Ольгой, — оба матросами убиты.

— Шевчуки, Юра, целый день втроем за пулеметом в Галиче отступавшую дивизию защищали. Пали все трое на месте! Великий Князь над их гробами плакал, Георгиевские кресты четырех степеней положил, и в офицера произвел посмертно! — говорит Парфен. — В деревню с музыкой привезли. Государь наш святой три тысячи рублей родителям дал, а над их хатой приказал Русский Флаг поднять! Так и был флаг, пока большевики не сорвали.

— А что с вами вышло? — спрашиваю.

— С нами — ничего. Матросы хотели Ольгу понасиловать, я вступился, нас и убили.

— Да ведь ты тоже душу положил, милый брат мой! — вскричал я.

— А на что душа-то, коли жизнь жить поганую? Там мы всегда вместе! Любились и будем любиться! — ответил он, улыбаясь, помахал рукой и исчез в толпе.

*

А передо мной кучка донских казаков-хуторян, с чубами, вырывающимися из-под фуражек, смеются, сверкают белыми зубами.

— Петрович! А до „Чиги Донской“* признаетесь? Самая что ни на есть „Чига“!

Боже, все знакомые, милые лица, друзья-приятели. У одного сабельный удар через лицо, у другого — живот, грудь кровавится, а все — веселы, смешливы, довольны:

— За казачество постояли, за Русь-матушку! А по-

* „Донская Чига” — казаки.

том — за Русь да за казачество, и еще раз за Русь! Командир прямо сказал, взяв в руку мешок:

С Дону выдачи нет! А кто набунтует, того в куль да в воду!

— Так, значит, целой сотней Царство Небесное и получили...

*

А вот Беседин, богатый мужик, с женой и дочкой. У всех раны, на груди, на спине, но у всех — свет на лицах.

— Петрович! — зовет он. — Сподобил Бог... всех... в Великую Субботу!.. — Он перекрестился...

Вижу всех мертвых, друзей, знакомых односельчан, соседей. Все они густой толпой идут к церкви, где все еще мало света.

Вдруг — движение. Выходят с хоругвями, иконами, пением:

Воскресение Твое, Христе Спасе,
Ангели поют на небесех,
И нас на земли сподоби
Чистым сердцем Тебе славить!..

Ликующий, пасхальный, красный трезвон покрывает голоса хора! Крестный ход идет трижды вокруг храма, мимо разложенных на траве куличей, крашенок, на белых скатерках, с зажженными свечами, воткнутыми в землю.

„Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!“ — возглашает священник в белых ризах.

То — мой милый папа!

И вдруг ворота храма с грохотом падают, и оттуда выбегает темная толпа вопящих и беснующихся врагов Христовых. Они бегут, колотя друг друга, и исчезают во тьме. Среди них вижу двух братьев Вовков, заводивших революцию на селе; они бегут, нанося друг другу ножами раны.

— Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, — возглашает отец.

Исчезают враги Христовы. Во след им несется победная песнь:

— П а с х а!.. Христос Избавитель!.. Пасха всечестная!.. Пасха... Христос воскресе из мертвых... Смертию смерть поправ... и сущим во гробех живот даровав!..

— Бум, бум, бум, бум!.. — трезвон.

Все начинают, входя в середину церкви христосоваться.

— Христос Воскресе! — возглашает с амвона отец.

— Воистину Воскресе! — отвечает хором весь храм.

— Христос Воскресе, Юра! — слышу Ксюшин голос.

Оборачиваюсь, и вижу, что и Настя тут же, а там, рядом с матерью, Варя, милая подруга моя.

И вдруг сама мама передо мной, молодая, красивая:

— Христос Воскресе, сынок! — говорит она и целует меня.

— Воистину Воскресе, мама! — отвечаю я.

— Меня зовут теперь иначе. Я — Р о с с и я!

— *Христос Воскресе, Россия!* — восклицаю я со слезами, — КОГДА ЖЕ?

— Когда колючая проволока порвется! — отвечает мать. — А до тех дней — КРЕПИСЬ И МОЛИСЬ БОГУ! — СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ НОВЫЙ СПАСЕТ!..

Брюссель

Юрий Петрович Миролюбов родился в 1892 г. в г. Бахмуте в семье священника. Окончил духовную семинарию, затем учился в Киевском университете на медицинском факультете. В 1914 г. добровольцем ушел на фронт. С 1917 г. в рядах Белого Движения. После окончания гражданской войны в России попал в Чехословакию, где окончил Пражский университет. Из Чехословакии переехал в Бельгию, где прожил до 1956 г. Эмигрировал в США в 1956 г. Издавал с 1956 по 1959 г. в Сан-Франциско ежемесячник русского национального направления „Жар-птица“. Умер в 1970 г. Посмертно изданы сборники рассказов Ю. П. Миролюбова „Бабушкин сундук“ и „Праккино учение“, сборник стихов „Родина-мать“ и исследование „Достоевский и революция“. Подготавливается издание других книг Ю. П. Миролюбова.

Оповещение

После пятнадцати лет заключения в тюрьмах и лагерях Игорь Вячеславович Огурцов этапом доставлен на место ссылки. Состояние его здоровья катастрофическое. При выходе из вагона он упал на снег.

Мы призываем наших соотечественников в России и за рубежом оказать всяческую поддержку замечательному русскому патриоту, христианскому демократу И г о р ю О г у р ц о в у.

Ему можно писать письма, открытки, посылать посылки. Помощь также можно оказать и через наш комитет.

Адрес: КОМИ А С С Р
Усть-Вымский р-н
поселок Микунь 169060
Огурцову И. В.
До востребования.

BAYERISCHE HYPOTHEKEN-
UND WECHSEL-BANK AG
ZWGST. M-HOHENZOLLERNP
Konto-Nr./Account-No./No. de Compte
1890145752
k/w I. Ogurcov

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ
ИГОРЯ ОГУРЦОВА
Gumbinnenstrasse 8
8000 München 81
West Germany

Э. Оганесян

О политическом терроре

В 17-м номере журнала „Голос Зарубежья” за 1980 год была опубликована моя статья под заглавием „Может ли быть террор справедливым?” Я хочу продолжить эту тему, поэтому начну с того, чем я кончил ту статью.

В течение полстолетия армянский народ мирными средствами пытался обратить внимание человечества на свои политические проблемы. Человечество молчало. Газеты и их хозяева не хотели портить отношений с Турцией и прощали ей геноцид армян. Для того, чтобы в какой-нибудь серьезной газете было написано несколько строчек о геноциде, армянам приходилось платить огромные деньги. До сих пор на тему геноцида не удалось снять ни одного фильма. Но вот терпение лопнуло и какие то молодые люди начали стрелять. И Боже мой, как бойко заговорили газеты! Вспомнили Северский договор, предложение Вильсона о независимой Армении, достали из архивов никогда не опубликованные письма Талаата паши и многое другое. Страницы и целые номера журналов посвящались армянской проблеме. Пресса страстно, квалифицированно и самое главное бесплатно, если не считать за плату кровь турецких послов, заговорила об армянах и об их политических проблемах. В своих телевизионных программах французское, немецкое, австрийское, испанское, итальянское телевидение рассказывало об армянской истории, о народе и его проблемах. Но это еще не все. Свершилось еще большее чудо. Турецкий премьер-министр принял армянского

Патриарха и выслушал его жалобы. В Истамбуле был организован семинар по армянскому вопросу, а мое открытое письмо одному турецкому журналисту было опубликовано в турецкой газете. За последние 50 лет такого еще не бывало!

И вот тут армянский народ задумался. Может, неправильно жил он все эти годы, строя церкви и школы? Может быть, надо было избрать палестинский путь. Может быть, нужно было не выходить из беженских палаток, ничего не строить, а только стрелять и требовать возврата на родину. Неужели мы так глупо ошиблись? Не Сарояны и Азнауры, не молитвы, а террористы были нам нужны. Неужели это так? И усомнился армянский народ в правильности пройденного пути. И если начали сходить с этого мирного пути миролюбивые армяне, которые первые в мире провозгласили христианство государственной религией, значит, есть в терроре нечто очень эффективное, делающее его опасно соблазнительным. О том и речь пойдет.

Прежде всего следует выяснить: для достижения каких целей пригоден террор? Если нам удастся выяснить себе это, то, пожалуй, мы сможем разобраться и в том, кому он выгоден, кто стоит за ним, почему он стал столь популярен и как бороться с ним. Прежде чем ответить на сложный вопрос чего можно достичь с помощью террора и кто в нем заинтересован, ответим на более простой вопрос, для чего террор непригоден. Он не может служить средством для достижения конечных политических целей. Кто-то добивается независимости, кто-то власти, кто-то создания государства, кто-то возврата на родину, кто-то выезда с родины, кто-то социализма, кто-то коммунизма, кто-то фашизма. Для достижения всех этих целей требуются более серьезные средства борьбы, чем террор, который служит лишь для достижения некоторых промежуточных целей. Он немедленно уходит со сцены, как только эти промежуточные цели достигнуты. Чтобы убедиться в этом достаточно обратиться к печальной статистике террора. В наши дни са-

мыми „продуктивными” террористами считаются баски, которые убивают в среднем по 100 человек в год. А в результате автомобильных катастроф в той же Испании в год погибает примерно 3 000 человек, а в Германии и того больше. Ну и кто же из нас, простых смертных, отказывается от автомобиля только на том основании, что через него гибнут тысячи людей. Так как же мы хотим, чтобы из страха перед сотней убитых правительства отказывались от своих зон влияния, а правители от власти. Было бы очень наивным полагать, что террористы этого не понимают. Они, конечно, знают на что идут и какие цели преследуют: Для достижения по крайней мере двух целей террор оказывается весьма эффективным.

1. Создание хаоса в упорядоченной и правовой общественной системе, который совершенно необходим для создания революционной ситуации. Этот хаос расчищает дорогу перед бунтарскими силами общества, которые готовы разрушить его, не очень задумываясь над тем: а что потом?

2. Пропаганда идей, которые по тем или иным причинам не интересуют прессу и поэтому не могут быть представлены на суд общественного мнения. Сюда же следует отнести наказание преступников, которых по тем или иным причинам отказываются судить так называемые законные суды.

Во всех этих сферах террор представляет собой способ преодоления существующих и узаконенных правил. А это значит, что теоретической базой террора служит анархизм, к которому нужно отнестись гораздо более серьезно, чем легкомысленная песенка о цыпленке жареном, которая преподносится нам чуть ли не как идеология анархизма. Учение анархизма содержит в себе по крайней мере два элемента: справедливость и революционность.

Бунтари всех времен верили в чудодейственную силу призыва к прямому и немедленному действию. И действительно, часто оказывалось, что призыв к безотлагательному действию, к непосредственному и безрассудному

удару по врагу имел большее влияние на массы, чем призыв к кропотливой подготовке и ожиданию подходящей ситуации, „великих дней”. Судя по всему, такова уж человеческая натура, что для нее настоящее важнее будущего и она предпочитает завтрашней организованной революции, пусть не организованный, но сегодняшний бунт. Известно, что Бакунин в русском разбое видел наиболее естественную форму революционной деятельности. Разбойник в России настоящий и единственный революционер, — говорил он. Пугачев и Степан Разин по его мнению были революционерами без фразеологии, без книжной риторики, революционеры непримиримые и народные, а не сословные.

Анархисты, выступающие против I Интернационала тайно организовали свой „Альянс социалистической демократии”, заявив, что в эту конспиративную организацию принимаются люди „соединяющие с умом, энергией, честностью и конспиративностью еще революционную страсть, то есть имеющие беса в теле”.

Кокетничал с революционностью также Троцкий, о котором говорили, и сам он это с восторгом повторял, что „Троцкий ходил точно лейденская банка, и каждое прикосновение к нему вызывало разряд”. А в одном месте, объясняя причины Октябрьской революции в России, Троцкий пишет: „Подспудные силы организма, его глубинные инстинкты, унаследованное от звериных предков чутье — все это поднялось, взломало двери психической рутины и рядом с высшими историко-философскими обобщениями стало на сторону революции”.

Словом, для революции нужна революционность и она, эта революционность, связана не столько с общественными идеалами революционера, сколько с его индивидуальными особенностями, с бунтарским характером, с непримиримым духом. Это бунтарство и создает тот хаос, в котором, согласно учениям анархистов, должна восторжествовать справедливость, ибо общество появилось на почве наших нужд, тогда как государство на почве наших недостатков. Для анархиста Прудона, справед-

ливость это непосредственно прочувствованное и взаимно охраняемое уважение человеческого достоинства, где бы и у кого бы оно ни подвергалось опасности, и что бы нам ни стоила его защита. Справедливость есть неприкосновенный масштаб всех человеческих поступков, есть регулятор противоречивых факторов социальной жизни, полюс, вокруг которого вращается политический мир. Справедливость обладает свойством внушать непоколебимую веру, и теория и закон не могут ее ни отрицать, ни отклонить. Государственная мудрость опирается на нее даже тогда, когда действует против нее. Преступления и лицемерие покоряются ей. Все, что наша мудрость знает про справедливость, содержит в себе евангельское изречение: делай ближнему своему то, что себе желаешь, не делай другому того, чего себе не желаешь. Вообще пренебрежение к земным законам, понятие чисто христианское. Иисус не отвергал закона, но не в нем он полагал источник моральности поведения. Этот источник был перенесен внутрь человека, до которого внешний юридический закон не доходит. Анархизм Толстого, впрочем как и всех идеологов анархизма, непосредственно вытекает из Евангелия. Евангельская проповедь не рекомендует своим адептам обращаться в спорах к судьям, которые решают дело принуждением. „Не судите, да не судимы будете”. Христианская идея „Царства Божьего” отличается прежде всего тем, что царство это „внутри нас есть”.

Поэтому оно не характеризуется какими-то внешними приметами и институтами. Достигается оно внутренним перерождением человека. Для усовершенствования человеческой жизни не нужно строить новых конституций, новых государственных форм и новых социальных утопий. Для этого надо начать с усовершенствования человеческой личности. В определенности этого решения христианство превзошло всех своих предшественников — Сократа, Зенона, Эпикура, которые в той или иной степени делали уступки и противоположному взгляду. Отношение христиан к политике было отношением хо-

лодного безразличия: „Так отдавайте кесарево Кесарю, а Божие Богу”. Христианству пришлось пройти долгий путь, прежде чем прийти к оправданию власти римских кесарей. Но и после этого христианское учение остается неисчерпаемым источником анархического мировоззрения, откуда черпали свои воззрения Годвин, Прудон, Толстой, Штирнер, Бакунин, Кропоткин. Согласно Годвину, высший закон это — благо общества. До тех пор, считает он, пока человек остается в сетях повиновения и будет привыкать соразмерять свои шаги с шагами других, его способности и сила его духа будут парализованы. Для Прудона высший закон это — справедливость. Для Бакунина наивысшим для человека законом является закон развития человечества от менее совершенного к более совершенному бытию. Для Кропоткина этот закон трансформируется в закон развития человечества от менее счастливой жизни к более счастливой. Словом, во всех этих учениях отразилось безразличие христианства к светскому государству, а также стремление к внутреннему совершенствованию личности.

Таким образом, мы оказываемся перед странной, если не сказать трагической ситуацией. С одной стороны, теория анархизма базируется на христианском пренебрежении к земным законам, с другой, ее практика оказывается самой антихристианской.

Объясняется это противоречие очень просто. Дело, по-видимому, в том, что прикладной анархизм, то есть практическое неповиновение земным законам, полностью утратило свое религиозное содержание. Если теоретики анархизма могли себе позволить пропаганду игнорирования юридических законов, то делали это они только на том основании, что руководствовались более высокими объективными законами справедливости, которые, как им казалось, они познали, но не создали. А практический анархист, в данном случае террорист, разрушает земные законы, руководствуясь им же самым придуманным земным законом. Вот, например, итальянские „Красные бригады” не признают обыкновенного

суда, но зато у них есть собственный, так называемый пролетарский суд. А таких законов и судов можно найти ровно столько, сколько наций, групп и отдельных личностей, которые считают, что существующие законы где-то обошли их интересы. Отсюда и хаос. Кому же он на руку? На этот вопрос, мне кажется достаточно исчерпывающе ответил Иосиф Мацкевич в своем отклике на мою статью („Голос Зарубежья”, № 18, 1980). Я позволю себе привести его ответ, с которым я полностью согласен.

„Возможно ли согласиться с Э. Оганесяном, что: „В наше время терроризм стал составной частью общественного бытия!” Ведь террористы орудуют лишь в части земного шара, а именно только в той, которая осталась свободной от коммунистического строя, а в той, где господствует коммунизм, (контр-) „терроризма” не существует? Напротив: он там единодушно проклят и коммунистической (террористической) властью, и свободным миром. Значит, он не всеобщее явление „нашего времени”, а лишь одностороннее. Кто же заинтересован в этой односторонности? Мне кажется, что с одной стороны, обворование словом миролюбие (во что бы то ни стало!) свободного Запада, а с другой „миролюбие” коммунистического блока. Международный коммунизм стремился всегда и стремится в дальнейшем завладеть земным шаром. Для достижения этой цели все средства оправданны. Лишь бы, как говорил Ленин, они оказались успешны. Опасаясь внешней войны с Западом, он заинтересован во внутреннем расшатывании свободного мира. Разумеется, смешно было бы утверждать, что за каждым из террористов на Западе скрывается вдохновитель из КГБ. Существует, конечно, немалое количество независимых от коммунистического центра политических групп, прибегающих к террору. К ним примыкают еще и обыкновенные уголовники. Но все они вместе взятые составляют так называемую террористическую сцену, и в какой-то степени расшатывают устои Свободного мира”.

К этому ответу Мацкевича хочу лишь прибавить,

что в последнее время, наряду с армянской террористической организацией, которая именует себя „Армия Справедливости” и которая совершает террористические акты исключительно против турецких дипломатов и турецких учреждений, появилась новая террористическая организация, которая называет себя „Армия Освобождения Армении”. Эта организация кажется борется со всем миром. Без разбору она взрывает бомбы в швейцарских, немецких, итальянских, французских, а также турецких учреждениях. Нам, армянам, не сразу стало понятно, как же это они собираются освободить Армению. От кого? От Швейцарии или от Франции? Но потом эта организация выпустила свою листовку-газету и все стало на свои места. Оказывается они борются против международного империализма, с крушением которого и связывают освобождение Армении. Но самое интересное то, что эта организация заявляет, что ничего не имеет против Советского Союза, поскольку вопрос восточных армян решен (понимай, что они уже освобождены!).

Таким образом, в поисках справедливости, теоретический анархизм породил современный террор, который весьма привлекателен для тех, кто желает сначала разрушить, а затем по своему усмотрению перестроить весь мир. Но этим не ограничивается привлекательность террора. Как я уже отметил, он содержит в себе еще и большую пропагандистскую силу, и это уже относится не только к разрушителям, а буквально ко всем. Приведу лишь один пример.

В прошлом году в Мюнхене на свое второе пленарное заседание собрался „Комитет Защиты Прав Армянского Народа”, в состав которого входят ученые и политические деятели с мировым именем. Достаточно сказать, что членами „Комитета” являются французский министр Франчески, греческий министр Пападемилис, профессора Штатмюллер, Эрмакора, Сима и другие. Всего 18 человек. Заседание было проведено в одном из лучших залов гостиницы „Байришер Хоф”, были синхронные

переводы на английский и французский, были красивые речи и банкеты, словом было сделано все, чтобы привлечь журналистов, которым были высланы персональные приглашения с обязательством оплаты всех расходов. Но этим не ограничивался интерес, который должна была вызвать работа конференции. Интерес этот был подкреплен еще одним сенсационным обстоятельством. Заместитель редактора одной из испанских газет Гуреран два года назад стал случайной жертвой армянских террористов, в результате чего он превратился в калеку на обе ноги. В больнице он познакомился с историей армян и решил посвятить себя делу защиты прав армянского народа. Он не только присутствовал на заседании комитета, но и под бурные аплодисменты присутствующих, стал его 19-ым членом.

Так вот на этом, довольно хорошо организованном заседании не было ни одного журналиста и ни одна газета ни строчки об этом не написала. А через месяц, армянские террористы захватили в Париже турецкое консульство и потребовали, нет, не решения армянского вопроса, а освобождения левых курдских и армянских политзаключенных, и все газеты бойко заговорили об армянской проблеме, а „Монд“ опубликовал письмо Талаата, в котором тот призывал к уничтожению армян. Это письмо никогда ранее опубликовано не было. Так как же после этого армянам удержаться от симпатий к террору!?

Вот здесь и можно найти способ борьбы с пропагандным террором. Ведь террористы-пропагандисты убивают людей и взрывают бомбы не из любви к искусству, а для того, чтобы человечество обратило внимание на их проблемы. Так почему же нельзя действительно обратить на них внимание без взрывов? Ряд газет нам прямо заявил, что их читателей армяне не интересуют. Если они говорят правду, то ответственность за террористические акты нужно возложить на безразличие читателей к судьбам других народов. Но, скорее всего, они врут, поскольку не могут они так досконально знать вкусы

своих читателей. Скорее всего, армяне не интересуют хозяев этих газет, так на них и ложится ответственность за пропагандный террор. Кто может сегодня найти ключ к объективным оценкам тех или иных общественных движений? Кто имеет право сегодня классифицировать те или иные движения на интересные и не интересные. Не значит ли это, что независимая пресса начинает подчиняться интересам каких-то кругов? Если это так, то значит и в области пропаганды устанавливается некий, пусть неписанный, закон, согласно которому чья-то политическая проблема достойна, а чья-то недостойна общественного внимания. Вот этот неписанный закон и пытаются обходить террористы. Такой же неписанный закон существует и в оценках террористов-мстителей. И тут за примерами недалеко ходить. В 1878 году Вера Засулич выстрелила в петербургского генерал-губернатора Трепова и ранила его. Триумфальное оправдание судом присяжных Веры Засулич, вопреки бесспорным доказательствам ее виновности, окрылило радикальных членов организации „Земля и Воля”, но все-таки, террористические акты тогда все еще рассматривались, как акты возмездия или самозащиты, а не как средство политической борьбы. В частности, Засулич стреляла в Трепова в отместку за приказ о телесном наказании молодого политического заключенного. Оправдал суд и армянского террориста Телеряна, который в 1921 году застрелил турецкого министра Талаата, в отместку за организованный им геноцид. По мне вполне можно было бы оправдать и Бориса Коверду, который в 1927 году застрелил советского посла Войкова, соучастовавшего в убийстве царской семьи. Но его приговорили к долголетнему заключению. Почему так? Да потому что турецкий министр был бывшим, а Турция была страной, вместе с Германией проигравшей войну, а Войков был настоящим представителем страны, перед которой в то время все стояли на задних лапках.

Так вот оказывается, что еще в те времена существовал опять же неписанный закон, согласно которому

справедливость зависит от того, кого судят: победителя или побежденного. Собрались, например, в Нюрнберге победители и судили побежденных, несмотря на то, что один из победителей был неменьший бандит, чем подсудимый. И после этого суда антигитлеровские террористы стали героями, а антисоветские, как правильно замечает Мацкевич, не находят защиты даже у такой человекозащитницы, как „Эмнисти Интернейшнл”. Почему так? Ведь еще до Гитлера Ленин создал концентрационные лагеря, ведь советский строй виновен в гибели 50 миллионов людей. Но согласно неписаному закону, победитель побежденному не пара. И этот закон тоже пытаются обойти террористы.

Можно было бы привести еще много примеров писанных и неписанных законов, которые очерчивают рамки дозволенности общественного поведения, но которые не всегда оказываются приемлемыми и логичными. Подобно тому, как боксеру дозволено бить по челюсти противника, но нельзя ударить ниже пояса, так и во время „законных” войн можно стрелять из пулемета, но нельзя применять отравляющие вещества. Можно бомбить города и убивать здоровых людей, но нельзя бомбить госпитали, где лежат раненые. Можно расстреливать собственных граждан, но нельзя убивать военнопленных. Террористы же не соглашались с этими рамками дозволенности и по собственному усмотрению расширяют их. Это значит, что политический террор представляет собой прикладной анархизм, из которого выхолощена религиозная сущность, а следовательно проблема его оценки остается открытой и должна решаться в каждом конкретном случае отдельно. Я понимаю, что так можно стать на скользкий путь частичного признания террора, но что же делать, если нет другого выхода. Если можно, например, поймать на улице Эйхмана, повезти его в Израиль, устроить над ним суд, а затем казнить, то почему нельзя застрелить на улице еще большего злодея, которого, по тем или иным причинам, никто судить не хочет. А те, по отношению к которым было совершено злодея-

ние ни собственного государства, ни собственного суда не имеют. Пока в мире существует столько несправедливости, террор будет существовать. Ведь не потому стреляют террористы, что убивать хотят, а потому что в мире много нерешенных проблем.

И тем не менее, из чисто практических соображений, террор должен быть осужден и с ним должна вестись непримиримая борьба. Почему? Дело в том, что террор возможен только в демократическом обществе, где нельзя участковому ворваться ночью в дом и произвести обыск, а затем арестовать всех жителей дома. Террор возможен только там, где имеются элементарные гражданские свободы, которыми, к сожалению, пользуются также террористы. По многим причинам в тоталитарных обществах террор исключен. Он может быть только государственным. Даже террористы-пропагандисты там исключены, поскольку по приказу сверху пресса будет молчать, даже если в день будут убивать по 10 милиционеров. Тогда террор просто потеряет смысл. Это значит, что если свободные общества не справятся с террором, то на смену им придут тоталитарные общества, которые великолепно умеют справляться с террористами, как, например, турецкие военные. И мы, уставшие от рвущихся повсюду бомб, наверное с радостью встретим больших террористов, которые спасли нас от террористов малых. Так было всегда. И тут за примерами недалеко ходить. 1 марта 1881 года террористами „Народной Воли” был убит царь Александр II. Как правильно отмечает Леонард Шапиро, царевубийство явилось бесплодным актом отчаяния и политической незрелости. Отчаяние это было обусловлено непреодолимой трудностью организации всенародного восстания. Накануне убийства император согласился учредить Консультативный Совет с участием представителей выборных земств. Но убийство лишь укрепило позиции сторонников репрессивных мер и то, что провозглашало себя политическим движением, в конечном итоге, оказалось просто заговором.

Этот путь поглощения малых террористов большими

очень типичен для всех времен и народов. Между тем от малых террористов мы смогли бы избавиться сами, без больших террористов. Для этого достаточно было бы быть более внимательными к проблемам террористов-пропагандистов и достаточно строгими и мужественными по отношению к террористам-разрушителям. Ответственность борьбы с первой группой террористов полностью ложится на общественность, которая через правозащитные комитеты и общественные организации вполне могла бы взять в свои руки защиту тех проблем, которые ей покажутся справедливыми. Кстати, это ей блестяще удалось в области защиты определенного круга советских диссидентов. Ну действительно, зачем диссидентам прибегать к пропагандному террору, если и без этого западные газеты подробно пишут, кому отказали в свидании, кому в посылке, кому пользоваться тюремным ларьком и у кого в ссылке ухудшилось здоровье. Вот если бы общественность с такой же последовательностью и с таким же упорством занималась и другими проблемами, то террористам-пропагандистам нечего было бы делать. Такую попытку в отношении армянских проблем сейчас предпринимает „Комитет Защиты Прав Армянского Народа”, который выпустил свою декларацию. Эта еще нигде не опубликованная декларация (пресса ею не интересуется) весьма поучительна и я хочу привести ее полностью, хотя бы для того, чтобы иметь право сказать, что она где-то опубликована. Вот она.

„Обсудив проблему защиты прав армянского народа; и принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам наций рождает террор и экстремистские движения, которые возмущают совесть человечества; и

принимая во внимание, что в нашем мире, где царит напряженная политическая ситуация, только общественные организации могут содействовать развитию справедливых и дружественных отношений между народами; и

принимая во внимание, что все еще не осужден геноцид, организованный правительствами Османской империи по отношению к армянскому народу; и

принимая во внимание, что армянский народ по сей день лишен свободной родины и несет на своих плечах все последствия геноцида и советизации; и

исходя из принципов Всеобщей Декларации Прав Человека,

Европейская конференция по Армянскому Вопросу решила создать „Комитет Защиты Прав Армянского Народа”, который на основе морального, исторического, правового и политического анализа Армянского вопроса, на общественных началах будет защищать права армянского народа, где бы они ни нарушались”.

Я лично убежден, что если этот комитет действительно сделает то, что обещает, армянским террористам-пропагандистам делать будет нечего.

Что же касается террористов-разрушителей, то здесь задача сложнее, ибо ответственность борьбы с ними ложится на тех, от которых зависят судьбы мира, то есть от правителей и правительств. А они настолько духовно ослабли, настолько потеряли мужество и ответственность перед людьми и Богом, настолько полюбили земные блага, что их стало возможно запугивать и шантажировать. И предлагать тут нечего, кроме призыва к мужеству. Этим призывом и закончу.

НАША СТРАНА

Орган русской
монархической мысли

Главный редактор:
Т. К. Дубровская

Еженедельная газета,
выходящая
в Аргентине

Адрес редакции:
«Nuestro País»
Monroe 4219, Dpto 10
1430 Buenos Aires
Argentina

МЕНЕ, МЕНЕ ТЕКЕЛ УФАРСИН

В предлагаемой статье проф. Р. В. Плетнев предпринял попытку критического описания „преимущественно североамериканской демократии”. Он предупреждает, что обращается, главным образом, к русскому читателю, так как это „иноземцам совершенно не будет понятно”. Действительно в этом можно было убедиться недавно на примере отношения „иноземцев” к Гарвардской речи А. И. Солженицына.

Между тем, критическое описание демократии как общественной системы и особого миропонимания имеет свою давнюю традицию. Еще А. С. Пушкин отметил „славную книгу” А. де Токвиля „О демократии в Америке” (которую неплохо было бы переиздать — в русском переводе — в наш век умножающихся „репринтов”); в своей статье „Джон Теннер” наш поэт одним из первых в России сказал жесткие, но верные слова о пороках демократии: „ее отвратительном цинизме”, ее „жесточких предрасудках”, ее „нестерпимом тиранстве”.

Выдающийся русский политолог Б. Н. Чичерин в своем „Курсе государственной науки” подробно разобрал „политику демократии”. Отметив „существенные и наглядные выгоды демократии”, он, тем не менее, сосредоточил внимание на ее „невыгодах”. Это, прежде всего, „безграничное владычество духа партий”, когда „государственный интерес затмевается партийными целями”; „устранение лучшей и образованнейшей части общества от политической жизни” — „из всех аристократических элементов общества, в демократии всплывает только денежная аристократия, то есть худшая из всех”; демократический деспотизм, который является неизбежным следствием „господства посредственности”.

Рождающееся на наших глазах демократическое „диссидентское” движение уже выявило все эти пороки — что нашло выражение, в частности, в позорной травле А. Солженицына со стороны „демократов”...

* Даниил гл. V, ст. 25.

Преимущества демократии — свободной жизни в свободной стране — особенно видны недавним выходцам из тоталитарных коммунистических стран. Но людям с опытом пережитого в „закрытом обществе” должно быть ясно, что демократическая система имеет и свои теневые стороны. Об этом и пишет в своей статье проф. Плетнев.

Р е д.

*

*„Птичка скачет весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий”.*

Статья эта написана по двум причинам или поводам: Достоевский в „Бесах” устами Лизы Тушиной предлагает Шатову, в главе IV, собрать материалы о жизни в России за год по газетам и журналам. Взять то, что „рисует эпоху; все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслию, освещающею все целое, всю совокупность...” Другое: в начале 1981 года написал мне свое пожелание Александр Исаевич Солженицын. Оспаривая многое в моем письме к нему, заметил: „Ваша критика Америки — очень содержательна. Вот бы вы... и написали статью... об этих фактах. Напишете?”

Легко было бы мне написать целую книгу, да кто и где ее издаст? Лучше, следуя совету Александра Исаевича, пишу статью. Мне горько писать и больно читать то, что пишу. Всякое разрушение живого, истребление духовного, печалит видящего и понимающего знаки времени. „И несть того, кто бы утешил мя”.

Есть хорошие плодовые деревья, да недолговечны они и начинают, старея, гнить изнутри. Таковы в истории демократии. Быстренько превращаются они в *дерьмократии*. В истории демократии часто успешно борются с наследными монархиями, но пасуют перед авторитарной властью, перед единопартийностью. Демократию разъедает либерализм, дезорганизация общества, глуповатая половинчатость и недисциплинированное попустительство. Школы теряют целеустремленность, желание научить,

порядок и воспитательную силу. Армия, флот слабеют, распускаются, их терпят, а не гордятся ими. Толпа получает право на терпимость бесчинства. В наше время демократия выдохлась уже к 1930-ым годам. Она просто потеряла лицо, а значит и честь (предательство Чехословакии). История же — Госпожа железного лица и безжалостного каменного сердца. Никогда, никогда не прощает она расхлябанности, слабости и глупости.

Я собираюсь писать преимущественно о североамериканской демократии. Посмотрите на карту Северной Америки. Две демократии перед глазами — Канада и США. Обе подобны двум лоскутным одеялам, где лоскутки имеют разную ткань, различную крепость и структуру. Нота bene, вскоре связь лоскутка Квебек оторвется от канадского одеяла. Но пишу я только для русских и россиян. И. Г. Фихте в 1807—1808 гг. обратился к немцам с патриотическим призывом истого отечестволюбия. В нем он особо подчеркнул, что говорит о немцах и только немцам. Но если Фихте кое-кто и из не немцев понял и проник в его мысли (*Reden an die deutsche Nation*), то скромная моя статья демократам-иноземцам совершенно не будет понятна. Кто и фразы поймет, суть упреков ускользнет от демократа (их в детстве либерализмом мамка ушибла). Всуе говорил Солженицын в Гарварде о глубинных причинах духовной болезни современной Северной Америки: обольщение материальным, забвение духовного и т. п. В моей же статье приведены факты, дан поверхностный разбор и указаны (всуе, конечно) методы лечения: суровые наказания за преступления, единство законов, дисциплина, повышение ответственности у лиц и т. д. Все в статье написано не для коренных американцев, не для дерьмократов вообще, а для живых сердцем и бодрых духом русских.

Начну с примера: Над Северной Америкой пролетал самолет и был одно время на границе трех смежных штатов. Полупьяный пассажир орал, требуя еще и еще выпивки. Стюардесса (борт-проводница) более не давала. Буян, ругаясь на чем свет стоит, ударяет девушку но-

жом. Кое-как справились с хулиганом. Через некое время был и суд. Тут-то и началась комедия (вы обхохочетесь — сказал бы М. Зощенко). Адвокат напавшего утверждал: во-первых, наказать его клиента нельзя, нет в законах о преступлении в воздухе, а на земле, на воде и под землею. Во-вторых, самолет был на границе трех штатов, а в них разные законы и нельзя, невозможно сказать над каким штатом произошло нападение на стюардессу. Думали, решали, мучились и, не придя к решению, отпустили злодея. И это законы, и это люди?! Но хуже, хуже! Мне пришлось несколько раз обсуждать этот случай с американской молодежью. Большинство серьезно качая премудро-либеральными головами, говорило: „Да, да, очень труднорешаемый случай”. А по мне — дать двадцать плетей злодею и посадить на хлеб и на воду на две недели с обязательной легкой работой. А коли сей субъект не захочет работать, то и без хлеба просидит на воде и чистом воздухе. Да ведь за такой совет я буду хуже фашиста в их глазах, в глазах либеральных янки.

Все настоящие янки гордятся президентом Авраамом Линкольном. Но историю свою, обычно, знают плоховато. Супруга Авраама Линкольна спокойненько брала взятки и по 10.000 долларов и более. Можете ли вы себе представить, чтоб супруга Александра II, современница жены Линкольна, брала взятки за спиной государя императора?

Не хуже и канадская „история” с подмыванием основания типографии в Оттаве. Знаю ее из первых рук. Требовали и требовали миллионы, чтоб здание на нужном месте возвести. „Проклятая вода” все подмывала основание. Воду же искусно подводили, с ней „боролась” и миллионы в карманы положили. Раскрыла дело полиция и тайные агенты правительства. Смутилось сердце невинных председателей двух главных партий. Крупные парламентарии обеих партий были замешаны. Мировой — не мировой, а всеканадский скандал. Тут оба владыки порешили дружно и мудро: дело закрыть, доку-

менты под сукно, полиции молчать, рапорты не публиковать, виновных по-семейному выбрать, но денег (наличными брали-с!) не требовать. Здание же сразу выстроилось без препятствий водного характера.

Нелучше и действия-бездействие военного министра Канады во время ракетного кризиса при Н. Хрущеве на Кубе. В Нораде — авиационный военный отдел — спрашивают канадцы министерство делать ли полумобилизацию, тревогу? Молчит министерство. Ищут военного министра в парламенте, звонят на дом, шлют гонцов. Нет, исчез военный министр, как в воду канул. Через сутки все успокоилось и министр постепенно объявился. (Вспоминается анекдотический древний естествоиспытатель: „Строфокамил — птица велблюд ростом ужасен, пером курчав. Без великой хитрости пойман быть не может, понеже прячет главу свою в песок (песок) и невидим бывает”). Такого военного министра следовало немедленно судить и засадить в узилище лет на двадцать.

Еще случай. Задают вопрос в канадском парламенте: почему тысячи долларов из госпиталя в Монреале посылаются в Торонто Обществу сатанистов? Нашли кто и бланки брал, и печать нашел, и подпись сделал. Денежки затребовали от сатанистов, а получили ли я не мог узнать. Пришли журналисты в госпиталь к начальству. Говорят им: Да, было злоупотребление одного лица. — Что же сему лицу сделали? — Перевели в другое отделение с выговором. Он-то не брал денег себе... „Каждый может совершить ошибку!”... Видите, тут не сознательное преступление, а просто ОШИБКА!

Когда премьером Канады был Диффенбекер, то разыгрался скандал типа британского с их Профумо. Канадский помощник военного министра (Канаде везет в этом) стал жить со шпионкой Менцингер. На коварнейшие вопросы журналистов премудро и с достоинством отвечал: Живу-не живу, это дело моей жены и мое. Сведущие люди оповестили Диффенбекера. Как человек честный и по специальности адвокат, Диффенбекер по-

звал помощника военного министра и сказал: „Дорогой, это *нехорошая женщина*. Я все разузнал... Оставьте ее!” Но как истинный рыцарь, встретясь с Менцингер (ей пришлось спешно уехать из Канады) поцеловал ей руку и поблагодарил, что она развлекла, затосковавшего было, помощника военного министра. Тот же Диффенбекер объяснил как-то журналистам, что в бытность премьером важные государственные бумаги „держал у себя под кроватью”.

Но оставим богоспасаемую Канаду, хотя упомяну, что есть у меня письмо одного министра. Дело касалось юриспруденции. Да, чудесное получил я письмо! Удивляло меня и удивляет до сих пор, что я, малый человек, удостоился личного письма министра. Мало того, со мною и моим мнением согласились! Учредили комиссию... „А воз и ныне там”. Подумайте! Был одно краткое время и я „VIP”*. Был членом делегации по поводу отсутствия в Канаде бомбоубежищ. Впрочем, нас угостили, отпустили, выслушав, и ничего не сделали.

*

Материалы по демократии в США я распределил по четырем отделам:

1. школы,
2. религия, культы,
3. суды и
4. армия, флот и держава.

1. *Школы*. — Давно в своих письмах Ф. Достоевский выражал презрение и ненависть к либералам: „либералы проклятые”. Правда, это было давно, а героиня М. Зощенко изрекла: „Это было давно, и теперь это неправда...”

Однако, обратимся на мгновение к колыбели демократии в Европе — Англии. Увы, не благополучно и там

* VIP — very important person — весьма важная персона. Так сокращенно написано на бляхе.

в 1981 году. Детки английские более чем когда-либо предаются пьянству, половому разврату и преступлениям. Статистика-с и речи государственного секретаря почтенного Виллиама Вайтло это говорят. А в чем главная причина? Ну, разводы в семьях за двадцать протекших лет увеличились вчетверо. Однако, суть и не в разводах. Ученые исследователи Варвик университета — Гарриет Вильсон и Джоффри Герберт пишут, что главная причина бед с молодежью есть *попустительство*. Отсутствие строгости в воспитании дает, по их словам, в семь раз более юных преступников, чем там, где есть и строгость и дисциплина. Основательница приюта — азилия для женщин — Эрвин Пиззи наблюдала десять лет причины развала семьи в Англии. По ее мнению упадок морали создали добронамеренные *либералы*, которые *разрушили систему воспитания и обучения*”.

В США еще хуже. В штате Конетикат в городе Южном Виндзоре есть средняя школа. В одном отставшем классе для поправки английского у детей был составлен некий журнальчик. Было это в 1978 году. Среди практических статей, как варить яйца и прочее, были статьи добронамеренных учеников о том, как следует курить марихуану и как легче красть мороженое и сладости в 7—11. Учительница, достохвальная инициаторка журнальчика, Венди Эванс, признавала, что не все статьи по своему содержанию она бы одобрила, но все же журнальчик есть „достижение неимоверно большое”, для ее учеников лет 12—13. В школьном совете трое преподавателей восстали против такого журнала и его направления (наркотики и воровство). Однако пять членов педагогического совета и сам директор поддержали Венди Эванс и ее публикацию. *Sapienti sat!*

Весною 1979 года Галлуп и Национальная муниципальная лига произвели обследование, анализ знаний тысячи юнцов (по методу Stichprobe) 17—18 лет. Результаты, даже по американским стандартам, по словам Памелы Свифт, *потрясающие*: 16% не знало когда США объявили свою независимость от Британии, 25% не имели понятия,

где была подписана Декларация независимости. Только 4% могли назвать трех президентов до Джеральда Форда. И это ученики средних школ! Некоторые их ответы стоят двух Кузьма Прутковых: Где Синайская пустыня? — Во Вьетнаме. — Когда американец получает право голосовать на выборах? — В десять лет. — В каком году Колумб открыл Америку? — В 1642... в 1789 году. — Какая самая многочисленная нация на земле? — Объединенные нации, Африка.

Поистине желанное столетие ребенка — „Век ребенка”, *свободного воспитания без руководства и принуждения!* Так учила и еще в 1900 году требовала шведская писательница-педагог Эллен Кей. И вот, такие ученики имеют право голосовать в 18 лет в США и Канаде. Поистине свободная дерьмократия!

Все это цветики, ягодки впереди: В 1977 году *шестьдесят тысяч девятьсот* учительниц и учителей разных школ в США подверглись нападениям учеников. С 1972 года число убийств в классах возросло на 18%, изнасилований возросло на 40%, физических нападений на учительниц и учителей поднялось на 77%. Учительниц в средних и низших школах США гораздо больше, чем учителей. На них чаще и нападают эти вырождаки, а не ученики. О состоянии духа бедных учительниц лучше всего прочесть в октябрьском номере „Американского журнала психиатрии” за 1978 год (American Journal of Psychiatry). Во Флориде в начале декабря того же 1978 года (6.12) школьники(-цы), найдя труп, не думали сообщить о находке в полицию или оповестить школьное управление „потому, что лицо это все равно было уже мертвым”.

Ну, а в университетах не лучше? Ученый физик профессор Б. был призван деканом и ему поставлен на вид провал нескольких студентов негров. Профессор доказывает свое беспристрастие, показав работы и ответы негров. Декана это совсем не трогает и не интересуют его работы негров. Не повысишь отметки черным, — уходи из университета. Защиты от коллег не жди, надо

защитить и помочь угнетенной нации! В моей профессорской практике не редкость были дикие жалобы. Оправдание ошибок часто умилительное: „... Но я забыла... Я думала о Шиллере, а писала, кажется, о Толстом”. Мое же счастье было в том, что деканы и вице-деканы ряд лет были полностью на моей стороне.

2. *Религия, культы.* На банкнотах США ясно напечатано „Мы на Бога уповаем”. Уповают ли? В школах уже давненько, по решению Верховного суда Америки, запрещены молитвы и даже „Отче наш”. Не указано, что, кто не хочет, может на время молитвы выйти из класса. Суд же так решил на основе жалобы вздорной атеистки. В 1978 году „Американское объединение гражданских свобод” подало в суд, требуя воспретить пение рождественских песен в классах, чтение Библии по школьному радио. Уже осенью 1977 года в Техасе и других штатах, например, в Айове, запрещены и в школьных программах на праздники какие бы то ни было упоминания о рождении Христа или сцены рождественского характера даже в Де Моин (в Городе монахов по названию!). Чем не похоже на СССР? Да там-то режим богореческий, а США, якобы, держава христианская. В штате Мичиган решили отцы города Траверс Сити с 1978 года не дозволить представить традиционную сцену с фигурами Рождества. Объяснение везде одинаково: песни, сцены религиозного христианского характера „нарушают Конституцию США, гарантирующую отделение Церкви от государства”. Янки просто ослеплены конституцией, особенно всякими дополнениями к ней. Они забыли, что не люди для конституции, а конституция для людей трезвомыслящих. Янки смотрят на свою конституцию, как гусь на молнию... Передо мною фотография миловидной молодой девушки. Руки ее в железных браслетах, пальцы, кисти рук в протезах. Джонс и его последователи, за непокорность и желание уйти из секты, искалечили несчастную девушку. Они убили конгрессмена, фотографа и ряд людей, заставили принять яд около 900 последователей. Тех родителей, которые не хотели отра-

вить своих детей тотчас пристрелили вместе с их детьми. О проделках Джонса было известно и от убежавших от него белых и черных. Да, известно, но Конституция, но права сект! Юнцов и девиц завлекает и сейчас доктор Мун (некий самозванный пророк — кореец). Это богатейший изувер. Десятки тысяч на него работают. Он ловко „промывает мозги” молодежи исключительно нестойкой и глупой. Он удаляет детей от родителей и эксплуатирует одурелых несчастных. Их десятки тысяч. Существует много сект в Калифорнии, чьи члены обращены просто в рабов. Но Конституция! Имея сан некоего священника и доктора, упомянутый Джонс при сотнях свидетелей топтал Библию в порые бешенства. Он же в своем „Народном храме” организовал обманные списки, фальшивки выборщиков в Сан-Франциско в 1975 году.

В 1976 году два вождя особой секты Хар Кришна в штате Нью-Йорк были уличены в незаконном заключении в особую тюрьму ряда последователей, неудачно „промыв мозги”. Но Конституция! Преславный и премудрый судья Джон Лихи заявил, что в настоящее время „по нашим законам ныне действующим, тут нет состава преступления и нет основания для наказания насильников, как за преступление”. Однако не менее ученый юрист, профессор Ричард Дельгадо, твердит, что должна же быть разница в защите свободы религий и от насилий в известных культах, „когда не сосуществуют сознание — знание и качество их”. Попросту сказать, когда дураков одурают и насилуют. Обратной этой мысли профессора Дельгадо говорил писатель Гор Видаль. Этот человек *был членом* „Комитета по делам культуры” при Джоне Кеннеди. Г. Видаль в семидесятых годах выступал по телевидению. Тут он защищал не только проституцию, но, мило улыбаясь, подчеркивал „неотъемлемое право” каждого американца предаваться любым наркотикам. Пропагандист разврата и развала не мог и подумывать, что наркоман живет среди людей, что он часто делается невменяемым, опасным (убийства, поджоги, прыжки с высоты на людей и т. п.). И такому писателю

и советнику президента был открыт экран и обеспечена плата за призывы к безумию и злу!

Закружились головы у миллионов янки. Не знают, где религия, а где изуверство и насилие. Где свобода печати, а где порнография, где предательство тайн державы, а где свобода информации. Все и вся смешалось в этой демократии. Президент Джон Кеннеди более двадцати раз завтракал в Белом доме с любовницей крупного мафиозо и не раз она была с distinguished президентом в очень интимных отношениях. Так писали черным по белому журналисты и никто их не опровергал. Это тот Кеннеди, который проворонил захват коммунистами Кубы. Тот самый кому горит вечный пламень.

3. Суд. Судить надобно и наказывать злодеев, воров, предателей... Держи, держи карман шире! Преступник в США защищен более, чем его жертва. Но присловье „Держи, держи карман шире” у меня здесь имеет еще и значение — получай взятку. Бери! пополняй карман! Известный всей Америке и любимый Уолтер Кронкайт* заявил по телевидению в 1980 году, что в США „самый лучший в мире суд”. Боги мои, боги, как приятно это было слышать господам американцам! Но прав ли был господин Кронкайт? Прокурор в городе Маями (Миами) в том же году письменно плачется и кипит на суды в США. А почему кипит? Потому, что в судах адвокат, судья и преступник, до решения и суда, начинают гнусный торг. Ты, дескать, признайся и уличи кое-кого, за это мы тебе скостим лет пять. — Нет, отвечает преступник, я не согласен, за кооперацию снимите семь лет со срока тюрьмы.

И это суд? Еще чуть ли не сто лет назад Джильберт и Сулливен написали некую комедию-оперетку „Суд присяжных”. В ряде стран признали неудобство славной институции суда одних присяжных, ввели юристов в их состав, а в Англии ввели и решение большинством голосов присяжных. Не так в США. Пресловутый суд

* Комментатор телевидения.

присяжных в США восхвалял У. Кронкайт. Вот я и дам один-два примера мудрости и вескости суда присяжных в США. Судили члена Конгресса Даниэля Флада. Сей человек шестнадцать раз был переизбираем. Но он же ряд лет получал незаконно крупные деньги как демократ и член Конгресса. Пятеро свидетелей уличили во взятках господина Флада. Присяжных, по закону, было двенадцать человек. Одиннадцать сразу решили: виновен! Сам господин Флад не решился говорить: улики неопровержими. Да, брал и брал взятки. Однако, погодите! Флада не осудили, *не могли* осудить. Один из судей, именно двенадцатый (кстати и Иуда был двенадцатым), по имени О. Каш, заупрямился. Отделил свой голос и не признал виновным преступника. О. Каш и объяснил свой поступок: Флад виновен, но он стар, ему 75 лет, я не согласен с решением осудить. Ну и не осудили, ибо по закону должно быть *единогласное решение* суда присяжных. Смеясь, один добросердый журналист написал и формулу: $11+1=0$.

Но оставим Пенсильванию, обратимся к штату Теннесси. Там, чтоб прекратить незаконно-законные решения губернатора Рей Блантона, на три дня ранее принес присягу новый губернатор, избранный Ламар Александр. Демократ Блантон держал кое-кого незаконно в тюрьме, освобождал же по взяткам и снисхождению кого хотел. Три года с 1976 по 1979 год наблюдали в бессилии поступки Блантона. Выяснили его дела... Он и в 1980-ом гулял на свободе. Заметим, что по газетам выяснили, что Рей Блантон освободил двадцать три убийцы!

Но зачем мы не на Юге? Вот, мы в штате со звучным именем Флорида. В декабре 1978 года некий муж добрый, по имени Ричард Хан, утащил телевизионный аппарат из незамкнутого чужого автомобиля. Словом, украл и принес краденое домой. Брат вора включил краденый аппарат и... все взорвалось. Пострадал и вор и его семейные. Люди сведущие говорили мне, что в аппарате была адская машина. Для кого приготовлена,

чья? Не мог я разузнать. Интересно же, что Хану не предъявили обвинения в воровстве. Зачем раненого человека беспокоить? Аппарата нет, люди обгорели. А закон где?

Во славном городе Сан-Диего (Калифорния) в январе месяце 1979 г. девица шестнадцати лет, Бренда Спенсер, скучала в понедельник. „Понедельники, сказала она находясь в осаде, тоскливые дни”. Чтоб развлечься и иметь „фан” (забаву), она взяла винтовку и стала палить по соседней основной школе. При этом она ранила восьмерых детей и полицейского, да убила директора школы и сторожа. На суде объявила, что она невинна. Адвокат убийцы требовал и получил отсрочку суда, чтоб выговорить суд над Брендой, как над несовершеннолетней. Сумасшедшей ее объявить не удалось. Сия Бренда Спенсер и полиции не сразу сдалась, а выдержала настоящую осаду. А может объявят неуравновешенной и выпустят на поруки? Впрочем дело обычное.

Еще пример: Джон Симон, по прозвищу порочный или полностью: Джон Симон Ритши был на свободе, гулял и веселился, хотя зарезал свою любовницу. Видите, судья назначил Порочному, он певец и музыкант (выступает в „Рок стар”) залог в пятьдесят тысяч. Судьба отменила за убийство: сей певец Ритши-Порочный пьянствовал и веселился с достойными его друзьями, принял наркотики для полного счастья и умер. В Канаде и США обычай отпускать под денежный залог преступника. Залог определяет судья. Очень часто преступник бежит, презрев залог. Он украл 200.000, а залог 100.000.

Случается и так: великий человек, родной брат тогдашнего президента Джимми Картера, Билли Картер в январе 1979 года предстал перед Высшим судом. Так писала серьезная газета „Лос Анджелес Таймс”. Вопрос шел о сомнительных транзакциях и спекуляциях и прочем подобном. Но доблестно-храбрый Билли, тот, что „занимал” 220 тысяч у арабов, тот, что без стеснения опорожнял себя на аэродроме, оказался на высоте: „Ссылаюсь я, Билли, на пятую поправку к Конституции”. Поправка

5-я разрешает подсудимому не отвечать на вопросы суда потому, что ответ подсудимого может ему повредить и подвергнуть ответу и преследованию как преступника. Однако достохвальный Билли никого не убивал, а любил жить в свое удовольствие (интервью с женою Билли). Жена Билли Картера сказала корреспондентке: Да, мы с Билли пользовались тем, что его брат президент. Но много ли людей так бы, как мы, не поступили?

Все это демократично, умирительно и сладко. Хуже бывает в судах США. В 1977—1978 гг. во Флориде раскрыли дело на четыре миллиона долларов с контрабандой марихуаной. Пятерых поймали, вину их доказали и марихуану отняли. И... все пятеро и ныне на свободе. Оказалось, о ужас, отделение шерифа пользовалось незаконным подслушиванием путем особых аппаратов. Что подслушивание помогло схватить преступников и контрабанду не суть важно. Все дело с обвинением лопнуло. Вернули ли марихуану или ее конфисковали я не смог разузнать. Нельзя и злодеев подслушивать и нарушать их „прайваси” (частную жизнь).

При столкновении недалеко от выхода в море у берега Флориды столкнулся военный траулер с танкером. С траулера погибло двадцать три человека. По телевидению я смотрел начало военного суда над капитаном траулера. Первый вопрос: — Где был и что делал капитан перед столкновением? Второй вопрос: — Почему радио траулера молчало на запрос о курсе корабля? Капитан траулера, смело глядя на судей, восклицает: призываю § 35. (Этот параграф при военном суде соответствует пятому дополнению к Конституции.) Дескать, если правду скажу, мне повредить может. Но в ходе суда и опроса команды траулера выяснилось очень многое. На этом военном корабле не было обучения команды, как пользоваться надувными плотами или спасательными жилетами. Мало того, более двадцати лет никто не потренировался в использовании этих предметов. Люди тонули из-за испорченного снаряжения. И по сей день — лето 1981 года

— капитан жив-здоров и не в тюрьме. Я же думаю, что он достоин расстрела.

4. Переходим к четвертому пункту — *армия, флот, государство, техника*. Армии в сущности нет. Есть наемники-добровольцы. На маневрах в Западной Германии совсем недавно оказалось, что янки хуже всех стреляли по движущимся целям (танки). Не было попаданий! В армию США идут обычно лентяи и отбросы народа. Идут, чтоб лениться и заработать. Есть, пить на даровщинку, курить наркотики. Сколько у меня фактов в руках! Приведу некоторые.

В Штате Небраска, близ города Омаха, есть Сверхсекретная военно-воздушная база. На ней распределены Штаб стратегического командования и разведывательные самолеты. Там был, писалось, и особый самолет — некий аварийный воздушный штаб для президента, высших командиров и всяких политлидеров. Сей Штаб должен бы быть неприступным и строго охраняемым. Летом 1978 года испытали сами американцы „неприступность” базы. Ряд обычных разведчиков-агентов тайно легко проник до самого центра пресловутой базы. Открылось очень многое. Самое же любопытное, что люди из охраны базы предавались наркотикам и *на яву грезили*. О других упущениях я умолчу из простой стыдливости.

Около 1979 года „выяснилась” и сила флота. Оказалось, легко и просто вывести из строя контрминоносцы, крейсера и прочее новой постройки. Простой выстрел и за тысячу ярдов из винтовки, удар и малого осколочка гранаты, тотчас выводит и крейсер из строя, если попадает в незащищенное броней электронное оборудование корабля (оно обычно на виду). Тогда корабль ни плыть по курсу, ни стрелять по цели не может. Джером Столяров все это доказал и показал особому комитету Конгресса. По американской терминологии такой вывод из строя ничтожным попаданием называется „дешевое убийство”. Ну, случилось, ну, плохо строили недоумки. За пятьсот-шестьсот тысяч долларов можно несколько

поправить, покрыть броней уязвимые электронные аппараты. Беда же не в том, а в том, что „дешевое убийство” случалось и во время войны во Вьетнаме — и продолжали строить по-прежнему! Позор открылся и стал знаменит только в 1979 году! Позор-позором, а никого в тюрьму не посадили! Веселись дерьмократы!

Никто в США не смог мне объяснить, почему нет у них воинской повинности. Она есть в миролюбивой Швейцарии, есть в Китае, существует в СССР, Франции, Югославии и т. д. В США ее нет. А действия авиации США достойны слез и смеха при попытке освобождения заложников посольства США в Тегеране. И опять жертвы, *а виновных нет!*

Было бы и дешевле содержать армию и флот при воинской повинности, был бы нужный отбор, была бы сила и честь. Можно бы произвести и дешевле общественные работы. Вот, к примеру, три четверти мостов в США построены до 1935 года. Они стали разваливаться. Тогда не думали, что по мостам пойдут тяжеленные грузовые машины, заменяя железнодорожный транспорт. Число автомобилей проезжающих по Квинсборо мосту ежедневно через Ист ривер около 145.000. Тут и помогла бы в работах всеобщая воинская повинность. Да куда там! Юнцы без дела подпирают стены, буянят, дерутся группа против группы.

Умный лорд Грей давно изрек истину: „Было время, управляли короли, потом лорды, за лордами пришел парламент, а теперь управляют страной силы юнионов”. Забастовки и неумеренные требования зарплаты разрушают экономику страны. (В августе 1981 года контроллеры получали 35 тысяч в год. Им дают прибавку 4.000, а они требуют 10.000 и меньше работы.) Все и во всем распоясались: газета Нью-Йорк таймс сообщила уже давно о нуклеарном скандале 1978—1979 гг. Оказалось, что известное количество нуклеарного топлива было послано в Румынию, несмотря на то, что сосуды с готовым и для бомбы материалом, *некой особой* были открыты и печати повреждены именно там, где

был обогащенный уран. Печати поправили и послали, не проверяя, не взят ли и сколько взято урана. Поднят был скандал. Полетела в Румынию комиссия осмотреть то, что послали. А вот что нашла посланная комиссия, так и не сообщили, или я не смог узнать.

Всюду халатность и кража. 20 октября 1978 года внезапно Государственное казначейство в Вашингтоне обнаружило утечку золота на 1 миллион 100 тысяч! Начали следствие. Оказалось и трудно и неудобно вести следствие. Управление, подсчеты, методы в Нью-Йоркском отделении устарели, ибо они действовали по образцам еще 1854 года. Было, де, много утечек! Бросили следствие, ан, совсем неожиданно, именно служащий в золотом отделе был пойман при выносе золотых отрезков и крошечных листочков. Сколько он вынес и когда на теле и на одежде, так и не открыли. Я думаю он применил то же „пятое дополнение“. Все это мне понятно. В США не могут сохранить даже государственные тайны, и тут примеров сотни и сотни. Выдают их все за деньги и даром.

В США теперь можно делать плохие вещи. Фирма „Дженерал моторс“ отозвала в 1981 году свыше 120 тысяч бракованных автомобилей. Плохие вещи можно делать и в СССР, но не для войск, авиации и флота. В демократии же свобода и разгильдяйство во всем. Еще Джимми Картер предложил ограничить прибавки к жалованью. Законодавцы в штате Охайо в 1978 году, однако, не смутились и сами себе повысили жалованье на 28 и на 40 процентов. Член городского совета в Чикаго заявил: Если Картеру это не нравится, то „он может идти к черту!“ Думали отцы города еще в 1978 году повысить себе жалованье на 60%.

Это государство, или лоскутная империя, где и демократически избранного президента совсем не уважают?

В одних штатах на продаваемые вещи одни налоги, а в других штатах — другие. Цена на выставленные вещи сходна, да при покупке платить надо особый налог. Лет

одиннадцать назад, проезжая с женою по США, я дивился разнице в ценах на папиросы и бензин. Приехали в штат Монтана. Там нет налога на продаваемое, цена написана, по ней и покупай. Дешевы и папиросы. Ну, не провозят ли их в другие штаты? — „Бывает, бывает и контрабанда, и стрельба на границе нашей бывает”. И это государство?

Правила покупки и хранения огнестрельного оружия в разных штатах тоже разные. Во Флориде в 1980—81 гг. в Санкт-Петербурге у оружейника и собственника магазина покупали в неделю от десяти до одиннадцати одних *ручных пулеметов*! Свобода! Свобода ли? В славодобытном штате Техас я увлекся идеей купить мини-маузер с разрывными пулями. Продавец хвалил мою заинтересованность: „Дайте свое имя, адрес, а за наличные можете сразу купить маузер и две обоймы”. Добрый хозяин дал мне и наставления о разных правилах в различных штатах о ношении и хранении пистолетов и винтовок. В штате Юта в городе Флаг-Стаффе я познакомился с шерифом. Хороший и ловкий человек умел так стрелять сразу из двух пистолетов, что я глазам не верил. Он рассказал, смеясь, о законах, о смертной казни (она не применялась, хотя по закону существовала — за кражу скота). Многие его замечания были столь невероятны, что я не мог поверить. Но проверив, через год понял, что шериф говорил правду-правдую.

Народ, нация должна же гордиться своей столицей. Лет четырнадцать будет, как посетили мы с женою Вашингтон. Берем такси ехать к знакомым россиянам. Объясняем таксисту куда ехать. А он, с грустной улыбкой, возражает: „Нет, туда я не поеду, я белый, мне нельзя. Берите черного таксиста”. И это столица свободного правового государства? Свобода, но какая и для кого? Забастовки всех и по всем поводам. Полиция, пожарные, почта могут бастовать и нарушать приказ суда вернуться на работу. Профсоюзы очень часто сильнее закона.

„Наци”-Геббельс правильно утверждал: „повторение заставляет верить” (повторяемому). Коммунисты и ведут в США лживую насквозь пропаганду в школах и университетах. Правительство же и не думает организовать контрпропаганду, которая могла бы сбить с позиций коммунистов и левых их последователей потому, что могла быть правдивой. Коммунисты заставляют своих адептов и поклонников (*коммуноидный элемент и ком-салонцев*) читать и изучать марксизм, раздают брошюры и часто хлесткие. Но демократы ни в Северной Америке, ни в Европе по правде-то и не ведут борьбу за сердца и души молодежи, молодежи, увы, туповатой и малокультурной.

Честь. Что такое честь нации, мундира, знамени, трудно объяснить демократам. Славный в Европе, до второй мировой войны, Леон Блюм писал очень храбро, что „подтрется трехцветным французским флагом”. А что такое честь дома, семьи? Попробуйте в гостях у моего приятеля Х. начать оскорблять и обижать другого гостя, который вам не нравится. Да вы костей своих не соберете! Но приезжает по приглашению президента США президент союзной Франции полубольной Помпиду. Начинаются дикие демонстрации — и днем и ночью — всяких и всяческих элементов. Вопли и проклятия не дают спать Помпиду. И ничего. Полиция только охраняет входы в его обиталище. Помпиду пригласило государство, не оно ли себя срамит, не охраняя сон и жизнь гостя? Янки это не понимают. До их демократических мозгов, пронизанных вздором и своеволием, суть дела не доходит.

В современной канадской демократии прославился министр Фокс, не герой Терри Фокс, а просто Фрэнсис Фокс. Будучи Генеральным прокурором Канады в кабинете Пьера Трюдо Ф. Фокс сокрыл, как, несколько лет до вступления в кабинет в должность прокурора, ловко подделал подпись. Забеременела от него некая лэди. Надо было делать аборт и получить согласие мужа лэди. Ну, он подделал подпись, ну положил любовницу в боль-

ницу. Дело несколько давнее. Тут начались влияния дерьмократов, уговоры, споры... Ушел с поста прокурор Фрэнсис Фокс без урона. Потом он же вернулся к Трюдо в правительство. Теперь он федеральный министр коммуникаций. Все это дело семейное, дело пустое. Важно же для меня то, что когда после скандала с подписью Фокс появился в парламенте, почти все члены парламента Канады встретили Ф. Фокса рукоплесканиями. Где была их честь?

Хуже бывает. Вот последний пример. Разведывательный корабль США по названию „Пуэбло” был, вероятно, в северокорейских водах. Однако, возможно, что он был и в интернациональных водах. Кто это может знать? Адмиралы флота в Тихом океане, авиационные подразделения не знали, где их Пуэбло!! Северокорейские вооруженные катера велели Пуэбло спешно убираться. Пуэбло спорил. Северокорейцы без выстрела овладели этим военным судном со славным именем Пуэбло. На Пуэбло был и пулемет. Пошла в плен команда Пуэбло и ее незадачливый и трусливый капитан. Начались переговоры корейцев с США. Пошли янки позорно на попятный... Их дипломат признал: „Да, Пуэбло был в ваших водах!..” Через три секунды тот же дипломат завопил: „Я солгал, мы не были в северокорейских водах, а в интернациональных”. Когда команду и капитана вернули коммунисты, а суденышко задержали, в США капитана приняли с любовью и не разжаловали. А где суд и осуждение тех, кто погубил подводную лодку Трешер?

Мак Артур, Мак Артур!* Ты знал, что есть честь страны, честь воина. Знал, что честь и доблесть две родных сестры. Понимал Мак Артур: Нация дисциплинированная, с развитым понятием чести и личной ответственности, с напором идеологии, побеждает в истории. В истории же неизменно: *Горе побежденным!*

* О нем см. замечательную книгу „Mine Eyes Have Seen”, by Daniel A. Poling. London: Peter Davies, 1960. Pp. 227—229.

В. Ильин

Психоанализ «Бесов» Достоевского в багровых отсветах русской революции

Россия имеет два великие сокровища: страдания ее праведников и мучеников — и Достоевского, эти страдания понявшего и истолковавшего. Революция сделала все возможное, чтобы оба эти сокровища, без которых Россия ничто — отнять, растоптать, оклеветать и уничтожить. И ей это почти удалось: устами официальных представителей Церкви — каких: патриарха Сергия и патриарха Алексия — мученики за веру объявлялись простыми политическими преступниками, а Достоевский, фактически был изъят из обращения, как и Св. Писания и дискредитирован критиками-последователями Белинского.

Конечно, не одни новомученики, во главе с Царем Николаем II, составляют ныне попираемое сокровище Русского Страдальчества. Сюда относятся все русские страдальцы в духе Сони Мармеладовой, из которых сделали жертв социального строя старого режима, то есть совершенно лишили их страдания духовных корней и превратили их в поломанные винтики дурно свинченного и дурно функционирующего социального механизма устарелой системы. Исторический и диалектический материализм главной целью своей имеет всеобщее снижение, развенчание и „разоблачение” всех духовных ценностей, начиная с русских, и, может быть, даже только русских — ибо этого для духа зла вполне достаточно...

*

В лице Достоевского мы имеем крайнее заострение и преодоление славянофильства и предельное заострение тяжбы России с Западом. Вместе с этим, с преодолением славянофильства через его предельное заострение и выявление его противоречий дан переход к праведному „не западническому” Западу и показан в перспективе русский синтез. Это — через возвращение к исходному пункту Достоевского, к Пушкину.

Так как суть эмпирического и экзистенциального Запада составляет двуединая противоположность римокатоличества и вольтерианской революции, то Достоевский, так же, как и Тютчев, противопоставляет русский „Утес” наседающим на него волнам римского католицизма и вольтерианской революции, именно в их натиске на Россию обнаруживающих свое скрытое лицо и свою предельную сущность. Сущность, сказывающуюся в двуединстве или просто в единстве римского католицизма и вольтериано-революции. Это единство обнаруживает себя как сверхчеловек — центр Утопии.

Все сводится к штурму Небес — к Революции. Это — по содержанию. По форме же здесь — конкретная диалектика богочеловечества и человекобожества, свободы и утопии, свободы подлинной и свободы кажущейся.

*

Некто сказал, и не без веских оснований, что хотя фрейдовский психоанализ искусства и возможен, но что такая возможность приложима лишь к искусству второстепенному и даже вовсе низкопробному. То есть, к такому, где все вещи названы своими именами, где поставлены все точки над „i” — и где всюду проглядывает шитый белыми нитками замысел автора. Это так. Но есть один объект, где художественное произведение само является психоанализом чего-то предельно низкого,

презренного, до предела развращенного и отвратительно безобразного — РЕВОЛЮЦИЈА. Для начала так наз. Великая Французская, и затем еще более „ВЕЛИКАЯ” — русская. Назовем ее Феврооктябрем.

Обожатели русской феврооктябрьской революции на Западе для ее оправдания и придания ей научности, обыкновенно именуют ее „интересным опытом”. А по причине прогрессизма, царствующего в мире и приводящего человечество в состояние самого настоящего прогрессивного паралича, человек улицы (куда входят и профессора, и академики, и артисты, и политики, и даже церковники) сдается перед всем тем, что по его мнению носит ореол „научности”...

Русская революция делается по рецепту „научного марксизма”? — Тем лучше!.. Будем наблюдать издали „интересный опыт”, стараясь только, чтобы он не перекинулся как-нибудь к нам. А что на вивисекционном столе лежит огромная страна и огромный народ — какое нам дело? Да и люди ли русские, вот в чем позволительно усомниться. Во всяком случае, при ужасном, кровавом царском режиме — людьми они не были. И феврооктябрь есть первая попытка превратить „не людей”, то есть русских, в „настоящих людей”, в европейцев, в романо-германцев, англосаксов...

Мы здесь выражаемся в терминах *евразийской* этнологии, историософии и геософии. Детальми, и вообще всем ансамблем *евразийской* доктрины, без которой вряд ли может получиться что-нибудь путное по всем трем линиям: по русской историософии, по русской этнологии и по философии русской революции — мы займемся в ряде последующих статей. Сейчас же с нас достаточно и того, что *русская революция с ее явной и нескрываемой целью — уничтожением России, русской культуры и русского народа в его трех важнейших ветвях, конечно, не могла совершиться иначе, как при теснейшем содружестве (или, лучше, товариществе) романо-германцев, англосаксов и других народностей, имевших общие с русскими революционерами задачи и цели.*

Теперь переходим к тому, что можно назвать антропологическим или социологическим субстратом революционного беснования, сгустками которого и являются субъекты революции в „Бесах” Достоевского. Ведь все начинается с того, что Степан Трофимович Верховенский, предполагаемый отец Петра Степановича, обладатель прехорошенькой, но исключительно легковесной супруги, пишет такую же легковесную, как и она, атеистическую поэмку, где Достоевский на редкость остро и беспощадно пародирует Владимира Печерина (чего ему, заметим в скобках, никогда не мог простить Бердяев).

Надо заметить, что социально-политические и идеологические комплексы, самые волевые и неумолимо беспощадные, способны вытеснить и задавить нормальные комплексы еды и либидо Маркса и Фрейда, говоря фигурально. Адлер и Штекель показали это с подавляющей силой и очевидностью.

С необычайной тонкостью, прямо-таки с тонкостью сверхъестественной, Достоевский показал образчик того, что проф. Нечаев и другие психологи называют *психической химией* — соединение двух или нескольких комплексов в одно нерасторжимое целое, где уже нет следов, свойств и аспектов составляющих его частей. Мало того, Достоевскому удалось показать что эта „психическая химия” есть преимущественно свойство *женского сердца*, то есть психопневматических глубин женщин, и на этот счет выразился, предваряя Зигмунда Фрейда с его „Теорией Полового Влечения”, в том смысле, что неисследимы глубины женского сердца, даже и до сего дня. Действительно, каковы силы и свойства комплексов, орудовавших в сердце Варвары Петровны Ставрогиной?..

Тут и состояние вдовы, и переживание своей непривлекательности (в лице Варвары Петровны было что-то лошадиное) а, стало быть, и комплекс неполноценности производящий не только в мужской, но и в женской душе (и в женской еще больше, чем в мужской) ужасаю-

щие опустошения. Тут, может быть и задавленная, и потому никогда по-настоящему не проявившаяся страсть к Степану Трофимовичу Верховенскому, когда-то красавцу, который и в 54 года, не потерял своего шарма. Тут и ненависть к нему, как не оправдавшему возлагавшихся на него надежд как на ученого, мыслителя и поэта, что особенно больно ударило по женскому самолюбию Варвары Петровны, которая как бы во второй раз в глубинах своего женского естества и женского духа породила (и неудачно) своего друга.

Тут и материнская любовь к своему странному, жуткому и бесноватому сыну Николаю Всеволодовичу, писаному красавцу и пожирателю сердец, как мужских, так и женских, каждых в своем роде и по свойственной каждому линии; тут и поистине адские муки матери, догадывающейся, что она породила страшное существо, — не только больного безумца, но почти что *двойника сатаны*, и что бедная Варвара Петровна, сама того не желая, оказалась каким-то антисофийным существом — и это, может быть, самое жуткое место, ужасающий пункт „Бесов” ... Тут и притяжение-отталкивание, сопровождаемое *женским любопытством Евы* в отношении к „новому движению”, а в действительности, в отношении к *бесовскому вихрю* и к *бешеному свиному стаду*. Все это делает бедную Варвару Петровну Ставрогину, безо всякой с ее стороны вины (если не считать *комплекса Евы*, гениально показанного Достоевским) почти двойником своего ужасного сына, какой-то анти-иконой Спасителя и Богородицы, словно дублет страшной трагедии Иммермана и ее основного действующего лица — Лилианы. С самого начала завязывает в раскатах сардонического смеха великий демонолог Достоевский роковой узел своего романа-трагедии.

И не менее характерным оказывается, что — опять-таки в самом начале трагедии — Варвара Петровна оказалась центром притяжения-отталкивания чудовищного антропологического мусора, невообразимой псевдо-чело-

веческой мрази и грязи, из которой черт из-за угла и при помощи Ставрогина и Петьки Верховенского лепит свои чертовские, отвратительно гримасничающие фигурки...

Центром бесовщины и чертовского шутовства, оказался Петербург, будущий Ленинград, как магнитом притянувший к себе впоследствии и феврооктябрьскую революцию 1917 года.

„... Варвара Петровна бросилась было всецело в „новые идеи” и открыла у себя вечера. Она позвала литераторов и к ней их тотчас же привели во множестве. Потом уже приходили и сами без приглашения; один приводил другого. Никогда она еще не видывала таких литераторов. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, как бы тем исполняя обязанность (перед чертом, отцом гордости. — В. И.) Иные... являлись даже пьяные, но как бы сознавая в этом особенную, вчера только открытую красоту. Все они чем-то гордились до странности. На всех лицах было написано, что они сейчас только открыли какой-то чрезвычайно важный секрет. Они бранились, вменяя себе это в честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тут были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители” („Бесы”, часть I, VI).

Совершенно ясно, однако, одно, что весь этот сброд покрывался одной общей крышкой на общем котле адской кухни, или, если угодно, кухни ведьм, крышкой, на которой было написано: *„Общий развал и общее растление человеческой членораздельной речи, писаной, устной, печатной, в голове еще бродящей (вернее бредящей) — это все равно. (...)*

„Явились и две-три прежние литературные знаменитости, случившиеся тогда в Петербурге и с которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самые изящные отношения. Но, к удивлению ее, эти действительные и уже несомненные знаменитости были тише воды, ниже травы, а иные из них просто льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали” (там же).

Здесь гениальный трагик показывает зарождение нового типа идолатрии, именно революционно-радикальной уличной идолатрии и *мазохистский уклон в среде высокопоставленных льстецов*, равно как и *садистическую натуру уличного сброда*, перед которым высокопоставленные и несомненные знаменитости, то есть несомненные таланты, заискивали. Все дело в том, что чувствовавшие себя „тише воды и ниже травы” в своем подсознании кающиеся (черт знает перед кем. — В. И.) дворяне просто чувствовали себя *приговоренными к смерти и уничтожению* — моральному, физическому или обоюдному, это все равно. В сознании, или, лучше сказать, в подсознании бродила у идололатров и кающихся мысль, что уличная сволочь, перед которой они заискивают, это их будущие палачи. Они просто вымаливали у этих будущих, а то уже и настоящих, заплечных дел мастеров, пока еще только горланивших свои революционные пошлости и кропавшие своими проданными сатане перьями, вымаливали у них пощады или, по крайней мере, менее жестоких истязаний в будущей Чеке или в будущих концлагерях... Во всяком случае, подсознание этих несомненных знаменитостей и настоящих талантов было подсознанием приговоренных к смерти и ожидающих прихода палачей...

Несомненно, как Варвара Петровна, так и ее немножко смешной и немножко жалкий друг, сами опешили и оробели перед вломившимися в их салон хулиганами пера, слова и мысли. На вечерах она, Варвара Петровна, говорила мало, хотя могла бы говорить, но она больше вслушивалась. А вслушивалась она в нам уже хорошо известные, тогда уже невыносимо пошлые и тривиальные пакости из политграмоты:

„Говорили об уничтожении цензуры (то есть культурной цензуры. — В. И.) и буквы ъ, о замене русских букв латинскими... о полезности раздробления России по народностям (то есть об уничтожении России, с заменой ее СССР. — В. И.) с вольной федеративной связью, об уничтожении армии и флота (конечно, национальных,

с заменой интернациональными разбойниками и пиратами. — В. И.), о восстановлении Польши по Днепр (в комментариях не нуждается. — В. И.), об уничтожении наследства, семейств, детей и священников, о правах женщин... Ясно было, что в этом сбросе новых людей много мошенников, но несомненно было, что много и честных, весьма даже привлекательных лиц, несмотря на некоторые, все-таки удивительные оттенки. Честные были гораздо непонятнее бесчестных и грубых; но неизвестно было, кто у кого в руках...”

Только за то, что Варвара Петровна дала деньги на основание журнала, ее ославили эксплуататоршей, потребовали от нее, чтобы она вручила дело и капиталы каким-то подозрительным типам, а Степана Трофимовича объявили отсталым и потребовали, чтобы оба они, то есть Варвара Петровна и Степан Трофимович, убрались из Петербурга, словно высылали их, хотя все же власть и полиция еще не были в их руках. Но красная полиция и социалистические, коммунистические и анархические инквизиторы, малые и большие, все же добились своего, и о защите властей, словно только и ждавших бомбы 1 марта 1881 г., не могло быть и речи.

„Оставаться долее в Петербурге было, разумеется, невозможно, тем более, что и Степана Трофимовича постигло окончательное фиаско. Он не выдержал и стал заявлять о правах искусства, а над ним стали еще громче смеяться. На последнем чтении своем он задумал подействовать гражданским красноречием, воображая тронуть сердца и рассчитывая на почтение к своему „изгнанию” (которого не было. — В. И.). Он бесспорно согласился в бесполезности и комичности слова „отечество”; согласился и с мыслью о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали, так что он тут же, публично, не сойдя с эстрады, расплакался”.

Это была расправа будущих чекистов, деревянных колотушек, мелких лбов и дубленых шкур — троглодитов (так себя с гордостью именовали народники того

времени) с человеком, осмелившимся говорить свое, с бедным либералом, из тех, которым в России всегда так же мало везло, как философии и искусству. „Варвара Петровна привезла его домой едва живого”.

„На другой же день, рано утром, явились к Варваре Петровне пять литераторов, из них трое совсем незнакомых, которых она никогда и не видывала. Со строгим видом они объявили ей, что рассмотрели дело о ее журнале и принесли по этому делу решение. Варвара Петровна решительно никогда и никому не поручала рассматривать и решать что-нибудь о ее журнале. Решение состояло в том, чтоб она, основав журнал, тотчас же передала его им вместе с капиталами, на правах свободной ассоциации: сама же, чтоб уезжала в Скворешники, не забыв захватить с собою Степана Трофимовича, „который устал”.

Конечно, четверо из них не имели корыстных побуждений, да и не могли их иметь, ибо были люди вздорные, неделовые и пустые. Все дело состояло в том, чтобы сковать свободную мысль, которая могла бы случайно проскользнуть, если бы за журналом не было достаточно полицейского присмотра... Словом, вещь хорошо известная и уже тогда, а тем более теперь, совершенно не новая. Свобода всегда нова, а рабство и скованность по рукам и ногам, где этого только не бывает, а тем более у „товарищей”...

Еще счастье, что эти товарищи не обобрали и не убили Варвару Петровну и Степана Трофимовича, конечно, из чистых и идейных побуждений. В дальнейшем развитие романа — трагедии и наполовину ужасающей преступной и кроваво мошеннической буффонады, следует „нормальному” плану. Происходит приготовление и созревание *среды*, в которой должны размножиться „бесы” и „смердные букашки”, по образцу Белинского, а затем и все возрастающее по напряжению злой воли и мерзостным вкусам и влечениям „передовой молодежи”, скпившейся частью вокруг Степана Трофимовича, включая и его якобы сына Петра Степановича, и вокруг же-

ны губернатора Юлии Михайловны, возымевшей меценатски-донкихотскую мысль приручить „бесов"! Предприятие заведомо гиблое, по причине не только полной их неприручаемости — наподобие тигров, очковых змей, скорпионов, пауков-птицеедов и тому подобных милых тварей, — но еще и по причине удивительной слепоты Юлии Михайловны и такой же степени глупости ее супруга Антона Андреевича Лембке. Но еще и по той причине, что такого сорта „начальство" „без царя в голове", несмотря на монархический строй тогдашней России, рассчитано на времена глубоко мирные и на строй вполне патриархальный, какого вообще никогда не бывает или бывает чрезвычайно редко и в виде исключительных, так сказать переходных от катастрофы к катастрофе стадий. А, сверх того, Антон Андреевич Лембке, по-видимому, вообще ненормален, маниак и болен не то так наз. „преждевременным слабоумием", не то паранойей или какой-то другой, может быть неизвестной психической болезнью. К этому надо присоединить, что само революционное брожение в его начальных или уже продвинутых стадиях есть такого рода социально-политический недуг, который именно в этом смысле, до сих пор не только не изучен, но на изучение которого наложен всемогущий запрет. Кем? Этого вопроса мы пока касаться не будем, ибо он до крайности сложен и до крайности рискован:

„Ходить бывает склизко
По камешкам иным..."

Покамест же мы просто заметим, что такие лица, как Дантон, Марат и Робеспьер, как Ленин, Дзержинский, Ежов, и пр. и пр. могут быть признаны, — с тем, что они проделывали, — нормальными только теми, кто сами способны на подобного рода злодеяния. Однако, для появления подобного рода, так сказать сгустков революционного злодейства и садизма, необходима своеобразная среда и своеобразная подготовка общества — тою специфической тренировкой, которой и теперь занята

специфическая пресса, задача которой — характерная фаршировка мозгов.

Можно поставить вопрос: эта фаршировка мозгов — есть ли она сознательная, злокозненная акция вполне отдающих себе отчет „фаршировщиков”, и чего и для каких целей они добиваются? Или же здесь, как правило, мы свидетели того шутовского и трагикомического случая, который предусмотрен Евангелием в хорошо известных словах: *слепой ведет слепого и оба валятся в яму*. И еще из другого места Св. Писания „посмеятельна бывает пагуба нечестивца”...

Подготовка того специфического „бульона”, в котором разводятся „смордные букашки” в духе Белинского или ужасающие монстры, вроде Петра Степановича, проклинаемого своим мнимым отцом, или Федька с Фомкой, которыми Петры Степановичи пользуются для своих злодейств, где химически соединены момент личный и так наз. „идейный”, требует самого тщательного рассмотрения и анализа). Анализ этот очень сложный и трудный. Он должен идти минимум по четырем направлениям:

1. Методом Эрнста Кречмера и Ломброзо, то есть по линии психоантропологической и собственно криминально-антропологической;

2. По линии психо-сексуальной, то есть собственно психоанализа — Фрейда, Юнга, Адлера и других мастеров этого дела;

3. По линии государственно-правовой, историософской и национальной;

4. Наконец, по линии, которая в данном случае более всего интересует большинство читающих, а именно по линии социально-политических и революционно-социалистических и коммунистически-анархических конфликтов, — во всем их многообразии и пестроте.

Прежде чем приступить к анализу в собственном смысле слова по указанным нами линиям рассмотрим сначала сам план романа-трагедии. Он несколько отступает от обычно принятого у Достоевского плана, в силу кото-

рого большая часть текста посвящена биографии и среде, равно как и всевозможным аксессуарам, подготовляющим катастрофическую развязку в самом конце, и с соблюдением трех единств классической трагедии — *времени, места и действия*. Это, как сказать, финальный, блестящий фейерверк, сжигаемый гением автора на основе всей предыдущей подготовки... В „Бесах” же, хотя момент подготовительный (среда и проч.) проходит через все произведение, горючего и катастрофического материала накапливается так много, что те несколько действий, на которые можно разложить роман-трагедию, сами являются как бы относительно самостоятельными трагедиями, заканчивающимися каждая своим глубоко-мотивированным и трагическим финалом, всегда необычайно эффектным и с нарастанием интереса до конца. К концу все трагедии, все эти частные финалы ее действий синтезируются в один многоединый финал, в самоубийство главного и центрального героя — Николая Ставрогина, чему предшествуют как бы убийство-самоубийство Лизы и смерть Степана Трофимовича, которой в свою очередь предшествует убийство Шатова — во всех смыслах, прямом и символическом, *центральное злодеяние трагедии*. Оно соединено со сверхкатастрофическим самоубийством Кириллова, которое, хотя и вытекает из существа его личности и мирозерцания, так сказать, философично, метафизично и в своем роде отрицательно-теологично; однако, на него Кириллов все время как бы наводится чудовищным по гнусной пошлости и дрянности Петром Степановичем Верховенским, которому оно, во-первых, нужно по партийным соображениям (спайка „рев-бесов” кровью невинной жертвы), а, кроме того, в него входят планы и личной мести, ибо Петр Степанович Верховенский, как и все значительные революционеры, весь в личности, весь в себе, он *солипсист* в самом гнусном и сатанически ложно-лживом смысле: он мстит Шатову за то, что тот плюнул ему когда-то в Женеве в лицо, очевидно, движимый чувством непреодолимого отвращения. Это подобно тому, как Федька Ка-

торжный заушает сволочь десятком другим пощечин, тоже движимый чувством непреодолимого отвращения — к величайшему удовольствию читателя.

Итак, после длинной биографической подготовки первая катастрофа — *заушение* Шатовым Николая Всеволодовича Ставрогина в салоне Варвары Петровны, его матери. Вторая катастрофа — ночь, в которую происходит предварительное убийство Хромоножки (спящей) ненавидящим взглядом Ставрогина, ее обличительный вопль (почти торжествующий — Гришка Отрепьев... Анафема!..) и наем убийцы, Федьки Каторжного, уже ограбившего Церковь и зарезавшего сторожа при поощрительном наговоре Ставрогина: Грабь еще!.. Убивай еще!.. Наконец, грандиозная предварительная катастрофа — шутовской бал гувернанток со стихами Лебядкина, автор которых будет вместе со своей сестрой-хромоножкой зарезан на пожаре, которым заканчивается этот ужасающий бал. Вспомним, кстати, что на балу этом выступает кувыркающийся перед красной, левацкой молодежью Кармазинов-Тургенев, отлично знающий, что задумана революция как убийство и погребение в грязи, собственно — утопление в грязи всей России. Параллельно с Кармазиновым-Тургеневым, выступает чудовищный маньяк, интеллигент профессор, задумавший, к неистовой радости всей собравшейся толпы, публичное и последнее оплевание России, в качестве прелюдии к символическому и тем не менее ужасающе действительному пожару, о котором можно сказать словами поэта: „Так и кончился пир их бедою...”

Разбираясь в гениальном плане „Бесов” следует сказать, что он только при беглом, поверхностном обзоре, может показаться трудно уловимым и даже запутанным. На деле же он так же прост и прозрачен, как и планы других романов-трагедий Достоевского. Кажущаяся сложность и кажущаяся запутанность его происходят от того, что на главную и весьма последовательно протянувшуюся нить повествования — „Хронику” — нанизаны, и как бы вдеты друг в друга, несколько побочных

трагедий. Иначе не могло и быть, ибо главная нить по самому свойству „Хроники” не может не быть сложной, приняв во внимание тему.

Поэтому, по самому своему существу, „Бесы” Достоевского не только „*русская трагедия*”, как глубоко и верно замечает в „Тихих думах” проф. С. Н. Булгаков (впоследствии протоиерей и знаменитый, гениальный богослов). Сквозь типично русские черты, сквозь типично русскую трагедию Русской Истории и в ней самого трагического, сквозь ужасы и бесовщину Русской Революции проступают ярко выраженные *общечеловеческие черты*.

Да и как бы это могло быть иначе в стране и в народе, для которого нет ничего чужого, но все, весь мир и вся вселенная — родное и свое? Ведь если бы не было Французской Революции 1789 г. именуемой „Великой”, если бы не было восстания национальных мастерских в 1848 г. и если бы не было Коммуны 1871 г., если не было бы Гегеля, Маркса и Энгельса, — то есть явлений, ничего общего с национальным славянским духом не имеющих и этому духу глубоко чуждых и враждебных — если вообще не было бы русского западничества, могла ли бы свершиться эта ужасная *антихилиастическая мечта*, о совершении которой день и ночь думали воспаленные головы или, лучше сказать, существа с горячечными, бредовыми, истерическими головами и ледяными сердцами, словно вырезанными из деятелей массовых убийств конца XVIII века и из убийц и поджигателей Коммуны, наводнивших весь мир смрадом своих пожаров и тошнотворным запахом рек пролитой невинной крови? И как характерно, что главное действующее лицо „Бесов” — Николай Всеволодович Ставрогин, превратился в *гражданина кантона Ури*, а все завязки, большие и малые, многочастной и многообразной трагедии „Бесов” Достоевского происходят, завязываются за границей. И чудовищная по своей, никакими словами не выразимой копролалии, словесно-письменной дефекации „Светлая Личность” написана и напечатана за грани-

цей и авторство ее приписывается не то Герцену, не то кому-то еще из тогдашних эмигрантов, а по стилю своему она действительно могла быть настрочена только студентом-народником, прошедшим долгую и упорную школу тогдашней „политграмоты” и дегуманизации человеческого мозга со всеми следами долголетней, умственной и телесной мастурбации.

Так как текст „Светлой Личности” по ходу романа и его многосложных перипетий и сплетений действующих сил, темных и злых, связан с главным преступлением, с, так сказать, центральной сверхуголовщиной революционной интриги, с убийством Шатова, и есть отображение гнусности, действительно имевшей место и хорошо известной в свое время прокуратуре и полиции швейцарского союза, то мы считаем здесь совершенно необходимым привести эти безобразные стихи, столь нравящиеся Петру Степановичу Верховенскому и за которые, наверное, как за величайшее произведение мировой и русской литературы ухватился бы Белинский, доживи он до их публикации. В них содержится концентрированный смрад всей адской серы, всей преисподней и, вместе с тем, вся бездарность и вся творческая импотенция преисподней. В то же время они — эти ужасающие стихи — ключ ко всей революционной проблеме в России и в Европе, именно ключ к расшифровке общей темы революционной импотенции, революционного уродства и интеллигентской умопомрачительной глупости. Словом, это ключ к расшифровке „Бесов” и всего того, что „на дне души таится” у революционно-радикального интеллигента и так наз. „студента”, эмигрировавшего в пору написания „Бесов”, и всей тогдашней революционной смердяковщины. Достоевскому здесь удалось выявить некий символ последующего красного пятиконечника и мерзостного скрещения серпа и молота, этих двух символов преисподней скуки и преисподнего уродства...

Впрочем, такой рифмованный навоз мог бы настроить, из лиц вымышленных, бесподобный капитан Лебядкин, присяжный литератор и доносчик из „Бесов”,

а из лиц не вымышленных, целая куча из „Отечественных Записок“, „Гудка“, „Свистка“ и проч.

По ходу романа, они появляются на письменном столе губернатора Андрея Антоновича Лембке, этой жалкой развалины и пародии на администратора, с которым и, по-видимому, с женой которого, стремившейся „приручить“ революционно-террористическую молодежь, Петр Степанович Верховенский, делал буквально что хотел, зная содержимое письменного стола губернатора параноика, или прогрессивного паралитика, или разложившегося от преждевременного слабоумия. Словом, пускай уже психиатры разгадывают болезнь губернатора Лембке, как и болезнь Поприщина, героя „Записок Сумасшедшего“ Гоголя.

Вот общая сцена появления „Светлой Личности“ в виде прокламации, появляющейся на губернаторском столе в момент визита Петра Степановича Верховенского.

„ — А-а, опять старая знакомая! — перебил Петр Степанович, нацелившись на другую бумажку под пресс-папье, тоже вроде прокламации, очевидно заграничной печати, но в стихах. — Ну, эту я наизусть знаю!.. *Светлая Личность!*.. Посмотрим: ну так, *Светлая Личность* и есть. Знаком с этой личностью еще с заграницы. Где откопали?

— Вы говорите, что видели за границей? — встрепнулся фон Лембке.

— Еще бы, четыре месяца назад, или даже пять.

— Как много, однако, вы за границей видели, — тонко посмотрел фон Лембке.

Петр Степанович, не слушая, развернул бумажку и прочел вслух стихотворение:

СВЕТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ

Он незначителен был породы,
Он возрос среди народа.
Но, гонимый местью царской

Злобной завистью боярской.
Он обрек себя страданию
Казням, пыткам, истязанью.

И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие края
Из царева каземата,
От кнута, щипцов и ката.

А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.
Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно

Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!

По поводу этого стихотворения можно и должно писать *феноменологию и психоанализ бездарности*, как врожденной, так и благоприобретенной, — например, от прогрессивного паралича, от преждевременного слабоумия, от долговременной и упорной мастурбации, как это мы видим на примерах Чернышевского, Добролюбова и многих других из той же компании... Но, кроме того, революционно-радикальная „коротенькая идея“ сама по себе так уродлива, банальна, скучна и отвратительно безобразна, что, конечно, ничего другого, кроме таких экскрементов как „Светлая Личность“ и породить не может.

И еще характернее для текста „СВЕТЛОЙ ЛИЧНОС-

ТИ” то, что она служит великолепным *объективом* для распознавания умственной, эстетической и научно-философской культуры испытуемого лица. „СВЕТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ” не только великолепный червяк на удочке всякого, кто захотел бы узнать, клюнет ли испытуемое лицо с жадностью и восхищением или же оттолкнется с отвращением и омерзанием. Нам пришлось не раз прибегать к этому методу, и результаты всегда получались безошибочные...

По поводу совершенно исключительного „смердяковства” „Светлой Личности” можно сказать, что у Достоевского в „Братьях Карамазовых”, сам лакей Смердяков под гитару распевает какой-то горничной, за которой он пытался ухаживать, поет под гитару такого рода шедевр, вполне идущий в смысле стихотворческом вровень со „Светлой Личностью”:

Непобедимой силой
Привержен я к милой.
Господи помилуй
Меня и ее,
Меня и ее.

Тут все навыворот... *Светлая Личность* — это сплошная тьма, типичный революционный обскурантизм, где нет и быть не может никаких признаков творчества, это — „антитворчество”, исходящее из среды, где не могут ни существовать, ни проявлять себя личности, и где свобода недопустима, то есть допустима только для злодеяний, совершаемых „светлыми личностями”, и где ненависть — единственное допустимое чувство; где даже к „своим” не может быть ни дружеских, ни каких-либо вообще человеческих теплых чувств, но где допустима лишь классовая или идеологическая т. н. „солидарность”, любимое словечко „светлых личностей”. Что же касается отношения к подлинному дару, то предоставим слово Петру Степановичу Верховенскому в его знаменитой ночной беседе со Ставрогиным после собрания „у наших” и по поводу шигалевских „Тетрадей”, где от сконцентриро-

ванного так сказать „символа веры” „наших” (то есть „бесов”) за десять верст несет воню „Что делать” Чернышевского.

„ — У него хорошо в тетради, — продолжал Верховенский, — у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все — каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей. Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят”.

Совершенно ясно, что революционно-тоталитарный строй, где не допускается никаких изменений, есть вещь старая, как мир и всякий тотчас же увидит в нем доведенную до конца древнюю систему демократического остракизма, при которой Сократ обязательно будет отравлен, а Иисус Христос распят. Это и проповедуется соединенной системой Верховенского-Шигалева:

„Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями, — вот шигалевщина” (то есть „чернышевщина” и писаревщина”).

И здесь тоже нет ничего нового: старо, как мир. Когда, например, астроном Ловиц попался в руки Пугачеву и на вопрос последнего, чем он занимается, ответил, что занимается наблюдением небесных светил, то Пугачев тут же велел его „повесить поближе к звездам”. А когда Лавуазье попросил у прокурора революционного трибунала отсрочки своей казни для окончания химического опыта, по получил ответ, который надо раз навсегда утвердить обожателям революции — „*республика в ученых не нуждается*”. Поэтому так прав Ипполит Тэн, говоря о французской революции, что в ней *сквозь одуревший облик палача и людоеда проступил и д и о т*. И

конечно, как светлая личность так и ее автор (или авторы) прежде всего и после всего *и д и т* ... или *помешанный*. Сам себя Петр Степанович Верховенский именует очень кстати *мошенником*, все в той же жуткой ночной беседе с *раскрытием карт*. — „Я мошенник, а не социалист”.

То есть, собственно говоря, это значит, что социализм ни от чего другого не исходит и ни к чему другому не приходит, как к мошенничеству, к бесчестию, почему и революцию, производимую „светлыми личностями” можно и должно наименовать *борьбой за право на бесчестие*.

Однако в глубинах самообнажения, происходящих в черной мистерии ночного разговора, обнажается нечто совсем другое, что и можно и должно считать ключом к разгадке темы „Бесов”.

„ — Ставрогин, вы красавец! — вскричал Петр Степанович почти в упоении, — знаете ли вы, что вы красавец!.. В вас всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я вас изучил! Я на вас часто сбоку, из-за угла гляжу!.. В вас даже есть простодушие и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть!.. Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно от того простодушия. Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну, а я люблю идола, вы мой идол! Вы никого не оскорбляете и вас все ненавидят; вы смотрите всем *рównей*, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...

Он вдруг поцеловал у него руку. Холод прошел по спине Ставрогина, и он в испуге вырвал свою руку”.

Все объясняется тем, что революция для своей полной удачи и своего полного завершения нуждается в *вожде*,

предводителя, в „фюрере” — если угодно. Но, как это показано психоаналитиками — Фрейдом, Адлером и др. — революционная толпа и ее мелкие вожаки должны быть обязательно в своем роде влюблены в своего вождя. Но для этого у вождя должны быть данные. Такие данные у Николая Всеволодовича Ставрогина нашлись: он ослепительно хорош собою, он умен и аристократической складки, хотя его подлинный аристократизм не доказан, однако, повадка его действительно аристократическая. Он „барич”, или, говоря на юго-западном диалектике, он „паныч”, а таких любят и ненавидят одновременно, особенно если они хороши собою. Словом, свершилась тайна влюбления палача-террориста, революционера в красавца барича, в будущего возможного предводителя.

В сущности, Петр Степанович по-настоящему влюблен, как черт в ведьму, в одну только революцию и готов принести этой чертовской старухе в жертву не только всю Россию, но и все человечество. Однако и революция и человечество — это отвлеченности, Николай же Всеволодович Ставрогин, со своими бесчисленными поклонниками и поклонницами, это осязаемая, материальная реальность, да еще красивая, скажем, прекрасная — чего же еще желать материалисту и безбожнику? И, в конечном результате, психоанализ „Бесов” дает, хотя как будто бы неожиданные, но все же весьма твердо могущие быть установленными результаты: *является неизвестно откуда вождь, красавец, вызывающий к себе поляризованные чувства любви и ненависти — как у мужчин, так и у женщин — чувства, хотя смешанные и неясные, но, несомненно, чудовищной силы, при которых и речи не может быть о сопротивлении.*

В самом начале романа-трагедии Достоевский намекает на то, что хотя дамы города разделились на поклонниц и противниц Ставрогина, но его противницы и ненавистницы были в него в еще большей степени влюблены, чем поклонницы и сторонницы. Мужчин же Ставрогин пленил своим умом, а главное расставлением идеологи-

ческих сетей, причем для каждого свойственным ему образом. Это было возможно вследствие огромного ума Николая Всеволодовича. Однако этой свойство оказалось сетью для него самого, — ибо, не имея ни веры, ни любви, он при своем огромном уме и ослепительной красоте мог в результате подобного рода психо-пневматической химии, вернее алхимии, только *адски* (в буквальном смысле слова) *скучать*, особенно пресытившись чрезмерными своими донжуанскими успехами по всем направлениям и не зная ни осечки, ни срыва. Язву скуки в этой области он пробовал лечить „*большим развратом*” или же такими „*утонченностями*”, как брак с отвратительной для него Хромоножкой (конечно, на долгое время в него без ума влюбившейся) или влюбив в себя, развратив и так сказать „самоубив” малолетнюю девочку Матрешу. Все это не помогало да и помочь не могло в аду скуки, в которую с головой погрузился Николай Всеволодович еще до собственного самоубийства.

„Все творчество Достоевского, — говорит Н. А. Бердяев в своей блестящей книге „Мирозерцание Достоевского”, — насыщено жгучей и страстной любовью”.

Это, конечно, верно. Самое замечательное, что из этого общего правила „Бесы” не представляют исключения. А, казалось бы, должны были бы представлять. Такое заблуждение объясняется тем, что многие, даже очень вдумчивые, читатели захвачены социально-политическим, социально-утопическим и революционным соблазном, скользят по этой поверхности „Бесов”, не умея и не желая войти в глубину, которая здесь, как и всюду у Достоевского, за малым исключением (отчасти, например, „Записок из Мертвого Дома”), тоже насыщена эротикой — и какой ужасающей и какой пагубной...

„Все происходит в атмосфере напряженной страсти. Он открывает в русской стихии начало страстное и сладострастное. Ничего подобного нет у других русских писателей. Та народная стихия, которая раскрылась в нашем хлыстовстве, обнаружена Достоевским и в нашем

интеллигентном слое. Это — дионисическая стихия. Любовь у Достоевского исключительно дионисична. Она терзает человека... Любовь у него — вулканические извержения, динамитные взрывы страстной природы человека. Эта любовь не знает закона и не знает формы. В ней выявляется глубина человеческой природы. В ней все та же страстная динамичность, как и во всем у Достоевского. Это — огонь поедающий и огненное движение. Потом, этот огонь превращается в ледяной холод. Иногда любящий представляется нам потухшим вулканом (Бердяев. „Мирозозерцание Достоевского“).

Все здесь сказанное вполне приложимо к многочисленным „любвям“ Ставрогина и к его многочисленным жертвам. Тот ледяной холод, о котором здесь так верно и точно говорит Бердяев, именно в „Бесах“, как бы алхимически превращается, сублимируется в политику, в социально-утопическую тематику. Можно было бы, на основе уже приведенного ночного разговора Петра Степановича Верховенского со Ставрогиным, даже объяснить почему этот оледенелый и потухший задавленный и заваленный эрос превращает сочетания своих комплексов в пункты социально-политических и социально-утопических программ: *ведь их именно и объединяет эта ужасающая междупланетная стужа*. И, быть может, ничто в Ставрогине так сладострастно и так развратно не притягивает, как именно сочетание в нем невозможности полюбить (свойство подлинного Дон Жуана) и его колоссальной мужской валидности-потенции. Этим он сдувает, как придорожную пыль, всех возможных своих соперников. Они, эти возможные, в действительности невозможные, соперники перед этим капиталистом разврата превращаются в своего рода жалкий сексуальный пролетариат. Соперничать со Ставрогиным они не могут и уходят в социально-политическую тематику, да еще под руководством самого Ставрогина, в довершение унизости и комической жалкости поло-

жения этих по всем пунктам пасующих, и словно дьявольским ножом оскопленных и приведенных в негодность мужчин и обиженных и продолжающих оставаться в него влюбленными женщин и девиц.

Это — настоящий ад и вряд ли даже еще можно придумать ад страшнее. Особенно обиженным, униженным и оскорбленным и, в конце концов, настоящим мучеником оказывается один из симпатичнейших и достойнейших персонажей романа: славянофил Шатов. Ставрогин у него отбил жену, соблазнил сестру, милейшую Дарью Павловну, тихое, скромное семнадцатилетнее и ангелоподобное существо, на котором, чтобы покрыть грех сына, Варвара Петровна Ставрогина задумала так недостойно и совершенно своднически женить Степана Трофимовича Верховенского, которому шел уже шестой десяток. Бедной Даше не было иного выхода, хотя она продолжала по-своему, сострадательно любить Николая Всеволодовича, впрочем, жалея от души и Степана Трофимовича, хотя тот ее и оскорбил своим недержанием речи и глупейшими письмами к Петру Степановичу и к Николаю Всеволодовичу: за это рассвирепевшая Варвара Петровна и выгоняет бедного приживала из дома. Все это составляет содержание и развязку большой трагикомической сцены в салоне Варвары Петровны.

Идя все далее в своем уравнительном реже, Петр Степанович Верховенский доходит до характерного символа, связывающего идеологию духовно-душевного уравниательства, физической энтропией взятой одновременно и в буквальном физически-реалистическом смысле, а также и в смысле глубинно-символическом.

„ — Слушайте, Ставрогин: горы сравнять — хорошая мысль, не смешная. Я за Шигалева! (то есть за Чернышевского и Ко. — В. И.) Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание:

мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство”.

По этому случаю Петр Степанович Верховенский приводит действительно имевший место лозунг английского пролетариата:

„Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого”.

Здесь выставлен лозунг, обязательный с данного момента для всего человечества: *Ни шагу дальше, все дано, все есть, довольствуйтесь минимальным, которое для вас с этого момента становится максимальным, все открытия сделаны, хватит!..*

Чернышевский и Писарев выставили эти лозунги на своих знаменах в руководимых ими „толстых журналах” — „Отечественные Записки”, „Современник”, „Русское Слово”.

Женщин и высшие потребности Ставрогин забирает себе, всем же прочим даруется, вернее выкидывается, необходимый кус еды, чтобы не умереть с голоду и продолжать работу. Что же касается замещения отнятых женщин, то... одним словом, все ясно само собою и в журнале „Эпоха” были в свое время приведены восхитительные детали семейной жизни Чернышевского с его супругой Ольгой Сократовной, передовой женщиной студенткой (или курсисткой-поповной той эпохи).

Верховенский продолжает свое изложение программы Шигалева со своими комментариями: „Необходимо лишь необходимое, вот девиз земного шара отселе”. Однако, нужно и специфическое отвлечение от зарождающихся потребностей, которые могут быть, к ужасу „товарищей” и „высшими” (с их точки зрения). Эти высшие потребности повышаются тем, что шигалевцы-чернышевцы-писаревцы, они же коммунисты-тоталитаристы выразительно именуют *судорогой* и что, несомненно, есть дозволенная в пределах полицейских *человекоубийственная и безумная истерика на почве неудов-*

летворенного сексуального инстинкта, а может быть и голода, ибо в данном случае страдания от обоих неудовлетворенностей идут параллельно и даже совпадают.

„Но нужна и судорога; об этом позаботимся, мы, правители... Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалевщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов шигалевщина”.

Таким образом *шигалевщина* и *судорога самопоедания* это как бы иммунитет против могущих народиться из скуки и желаний, из высших потребностей *аристократических склонностей*. Совершенно ясно при этом, что при режиме судороги срезаются головы всем нарождающимся аристократам и всей нарождающейся элите... Впрочем, это не новость: история давно дала нам примеры этого в образе Тарквиния Гордого, пред которым „Мудрец” сбивал молча головки мака, расцветавшие и более ярко окрашенные, чем другие. Это — *отбор и элита навыворот*. „Не передавивши пчел, меду не есть”, сказал всем известный Роман Галицкий и переказнил выдающихся бояр. Та же задача и в том же поступке ставилась и выполнялась Иоанном Грозным, любимым героем большевиков, коммунистов. Нет ничего нового под солнцем, когда речь идет о мерзостях и пошлостях.

При сем случае мы вспомним также и изгнанного революционно-демократическим *остракизмом* афинянина Аристрида, ибо людям толпы было досадно, что его величают справедливым. Сюда же относится и отравление Сократа, как бешеного пса, — несомненно, за то, что дельфийский оракул назвал его мудрейшим из людей.

Изверг Тиберий, при котором распят был Иисус Христос завидовавшими Ему книжниками и фарисеями, несомненно, относится сюда же...

„ — Помешанный, прошептал Ставрогин.

— Может и брежу, может и брежу! — подхватил тот

скороговоркой. — Но я выдумал первый шаг. Никогда Шигалеву не выдумать первый шаг. Много Шигалевых! Но, один, один только человек в России изобрел первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я. Что вы смотрите на меня? Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в склянке, Колумб без Америки”.

Нет ничего ошибочнее, чем представлять себе Ставрогина, которого Петр Верховенский прочит в самозванцы-правители, а может быть даже в красные „цари” или что-нибудь в этом роде, всего только декоративной фигурой. Это в такой же малой степени декоративная фигура, как ни в коем случае не декоративная фигура Антихрист, о котором пророчествует Новый Завет (впрочем, также и Ветхий Завет). Никак даже нельзя сказать, что Антихрист так же, как и „Иван Царевич”, то есть будущий возглавитель, все это только декоративные фигурки, „сосульки”, „тряпки”, Хлестаковы и Ноздревы. Конечно, на них маски Хлестакова и Ноздрева. Но под этими масками не простое ничто, не простая пустота и междупланетный холод, хотя и это уже ясно. Под этим копошится нечто другое, чисто отрицательное, для чего и имени нельзя найти и что копошится возле мертвой панночки в „Вие”...

Прежде всего, это адский ледяной холод, может быть холод смерти второй. Философ Хома Брут, подпиравший одним плечем гроб панночки-Ведьмы, несомый в опустелую, безблагодатную церковь, ощущал все время ледяной холод. Любопытно, что об этом же говорит по поводу ведьмы Геллы, М. Булгаков в „Мастере и Маргарите”. Тот же опыт адской стужи переживал Данте по поводу девятого круга, а также и преп. Серафим Саровский, величайшее чудо русской святости, соединявший в себе гения и святого.

Но что очень типично для крайних степеней развращенного донжуанизма — это именно ледяной холод. На эту тему Бердяев, в своей книге „Миросозерцание Достоевского”, а именно в главе, посвященной любви, обнаружил большую проницательность. Но, чтобы понять

до конца то, что хочет сказать Н. А. Бердяев, следует вспомнить, что человеческий дух у него дает себя знать только через мужскую природу человека, через мужской дух. Женская природа входит как бы в состав мужской и через нее мужской дух всматривается в себя и сводит с собой счеты. Вдохновителем Бердяева в этих интереснейших изысканиях и опытах является главным образом Яков Бёме. Но этот великий немецкий гений, та подпочва, из которой вышел весь германский идеализм, претерпевает в душе Бердяева, радикальные, чисто психо- и пневмо-алхимические изменения, которые до неузнаваемости переиначивают Бёме. Но это только увеличивает наш интерес к этой теме.

„В творчестве Достоевского есть лишь одна тема — трагическая судьба человека, судьба свободы человека. Любовь лишь один из моментов в этой судьбе. Но судьба человека есть лишь судьба Раскольникова, Ставрогина, Кириллова, Мышкина, Версилова, Ивана, Дмитрия, Алеши Карамазовых. Это не есть судьба Настасии Филипповны, Аглаи, Лизы, Елизаветы Николаевны, Грушеньки и Екатерины Николаевны. Это — мужская судьба. Женщина есть лишь встретившаяся в этой судьбе трудность, она не сама по себе интересуется Достоевского, а лишь как внутреннее явление мужской судьбы... Человек для него — мужчина, а не андрогин” (Бердяев, „Мирозерцание Достоевского”).

Бердяев считает, что трагедия пола и любви (половой) в „Бесах” хорошо символизируется трагедией социально-политической. Но это также причина и того, что в „Бесах” и в других местах, так безуспешно пытаются вытеснить страстную любовь иными эквивалентами и, например, потушить ужасы эротики ужасами социально-политическими... Это уже потому невозможно, что таких эквивалентов нет и быть не может, не говоря уже о том, что это то же самое, что тушить пожар керосином или порохом... Подобно тому как социально-политические страсти и так наз. классовая борьба не знают пощады, так и сексуальная ревность и борьба в еще меньшей сте-

пени знают пощаду. Можно сколько угодно петь печальнейший романс Глинки „Уймись волнения страсти...” — волнения страсти не унимаются и „снится соперник счастливый и руки хватают оружие”.

Положение здесь создается в такой степени отчаянное, что Н. А. Бердяев прибегает к последнему отчаянному средству к „ультима рацию регум”: Решить самым радикальным, то есть революционно-коммунистическим средством все социальные противоречия для того, чтобы дать возможность всем прочим страстям (конечно сексуальным в первую голову) разыграться во всем их безудержном и беспримерном трагизме.

Я считаю эту мысль гениальной. Однако Бердяев, предлагая это средство, ни слова не говорит об его „эффективности”... По-видимому, он сам в него не верит и предлагает здесь замену социально-политических страстей (через их полное изживание в революции) только по той причине, что страсти, вытекающие из природы человека, ему симпатичнее страстей социально-политических, и соперничество влюбленных гораздо живописнее, да и благороднее, чем борьба вокруг банков и трестов, которая ему отвратительна (как и автору этих строк), не говоря уже о необычайной пошлости всего социально-политического элемента. Бердяев не без некоторого эстетического, худо скрытого восхищения говорит о борьбе Грушеньки и Екатерины Ивановны.

Отняв у своих, словно в кошмарном сне, обессиленных соперников их невест и жен, растлив малолетнюю Матрешу и толкнув этого ребенка на самоубийство, надругавшись над социально-политическими страстями тех же самых мужчин, над которыми он надругался в плане сексуальном, самоубийственно и безнадежно заскучавший и потерявший всякую подлинную духовную силу и мужественность, Николай Ставрогин, к неописанной скорби его матери Варвары Петровны и его духовного отца старца Тихона, красавец и умница Ставрогин погибает от собственных рук в шутовском но вместе с тем и адском транс... И, что самое ужасное, погибает впол-

не сознательно. „Варвара Петровна бросилась по лесенке; Даша за нею; но едва вошла в светелку, закричала и упала без чувств.

Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей. На столике лежал клочок бумаги со словами карандашом: „Никого не винить, я сам”. Тут же на столике лежал и молоток, кусок мыла и большой гвоздь, очевидно, припасенный про запас. Крепкий шелковый снурок, очевидно заранее припасенный и выбранный, на котором повесился Николай Всеволодович, был жирно намылен.

Все означало преднамеренность и сознание до последней минуты. Наши медики по вскрытии трупа совершенно и настойчиво отвергли помешательство”.

В предсмертном, последнем письме к Дарье Павловне Шатовой, у него вырвалось характерное и ужасное признание: „Я пробовал большой разврат и истощил в нем силы”. Но вопрос этот можно и обратить: Не потому ли ушел Ставрогин в большой разврат, что он потерял духовные силы в снобистских и ненужных псевдо-духовных блужданиях, не желая, а потому и не умея, обратить свои взоры повыше. И таким образом, здесь роковым и символическим образом сплетаются воедино темы: *темы разврата и безбожия*. Поэтому тема *атеизма*, любимая и, в сущности, единственная тема Достоевского — так прочно и так показательно спаяна у автора „Бесов” с темой о грехе. Нет возможности толком ответить, где кончается безбожие и начинается грех, или наоборот, где кончается грех и начинается безбожие. Никогда и никем эта проблема не будет решена средствами элементарного рассудка, этой „блудницы дьявола”, но только средствами очищенного религиозной интуицией духа.

Два самых умных из персонажей „Бесов” оказались по совершенно разным мотивам, но при одном общем стимуле, — самоубийцами: это — Кириллов и Ставрогин. Самоубийства эти были, если можно так выразиться, философско-метафизические: *абсолютный скепсис*, то есть *абсолютное неверие*, не могло не обратиться в *актуальность самоубийства*. Но Петр Степанович Верхо-

венский оказался, если так можно выразиться, бесконечно ниже самоубийства: *он метафизический дурак.*

Поэтому он, в качестве отвратительнейшего сплетения предельной непорядочности, предельной хитрости и предельной глупости и некультурности вполне и до конца, в качестве законченного представителя революционно-социалистической интеллигенции, заслужил *плевка и града пощечин* от Федьки Каторжника, которому и поручена судом свыше расправа с мелкой сволочью, с „вонючей букашкой”, так сказать, производным от Белинского. Этот плевок и этот град заушений, собственно, и являются тем, что можно и должно наименовать *элементом катарсиса* в трагедии „Бесов”. И действительно от этого града пощечин и от этого плевка, повторения плевка в мерзостную рожу Петра Степановича Шатовым еще в Женеве, происходит *подлинное разрешение всех напряжений и очищение загрязненной Петром Степановичем ауры, насыщающей среду, в которую погружены действующие лица „Бесов”.*

„Русская интеллигенция, при всех недочетах и противоречиях ее традиционного умонастроения, обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь. Так и теперь она стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми. Правда, этот поворот может оказаться столь решительным, что, совершив его, она вообще перестанет быть „интеллигенцией” в старом, русском, привычном смысле слова. Но это — к добру! На смену старой интеллигенции, быть может, грядет „интеллигенция” новая, которая очистит это имя от накопившихся на нем исторических грехов, сохранив неприкосновенным благородный оттенок его значения. Порвав с традицией ближайшего прошлого, она может поддержать и укрепить традицию более длительную и глубокую, и через семидесятые годы подать руку тридцатым и сороковым годам, возродив в новой форме, что было вечного и абсолютно-ценного в исканиях духовных пионеров той эпохи”.

*С. Л. Франк. „Этика нигилизма”.
Сборник „Вехи”. Москва, 1909.*

Н. А. Нефедов

Красные латышские стрелки

ВВЕДЕНИЕ

В публицистике и исторических трудах о Российской Гражданской войне, как русских, так и иностранных, неизменно отмечается участие в ней красных латышских стрелков. Многие авторы считают, что их борьба за установление коммунистического режима в России была настолько интенсивной, что стала одним из главных факторов, приведших Красную армию к победе, а русские антикоммунистические силы — к поражению. Так, например, латышский публицист и бывший военный корреспондент при латышских войсках во время первой мировой войны, Я. Пориетис в своей книге „Легендарные пути стрелков”¹ пишет:

„После падения Риги, большевистской октябрьской революции и вторжения немцев в феврале 1918 г. в Лифляндию, всю широкую Россию наводнили латышские стрелки. Восемь испытанных в боях полков держали в своей власти страну. Достаточно было одной роты, взвода и даже меньшего подразделения, чтобы власть была в руках стрелков. Их боялись все. Им подчинялись города, села, местечки. Они никому не уступали дороги.

Шапка на затылок, с раскрытым воротом на груди, с винтовкой, повешенной на плече прикладом вверх, так они колесили по России от края до края, сметая тех, кто становился на их пути.

Латышские стрелки были везде: в городах, селах, станицах, на фронтах — северном, южном, восточном

и западном. Стрелковые батальоны и роты призывались туда, где угрожали опасность и мятежи.

Возможно, некоторые удивятся такому большому успеху стрелков в России и спросят: — Не преувеличено ли все это? Что значат 10 латышских полков* с приблизительно 150 орудиями в таком большом государстве?

Все же могло быть! Нельзя забывать, что в первой половине 1918 г., хотя большевики и пришли к власти, но армии у них не было. Только Латышская стрелковая дивизия была вооружена и дисциплинирована. В то смутное время, когда повсюду царил анархия, неудивительно, что небольшие, но храбрые воинские части могли много достигнуть”.

Другие публицисты и историки идут еще дальше и считают, что именно латышские стрелки и были той реальной силой, которая только и могла спасти Ленина и его коммунистическую банду. Шведский публицист Андрес Кюнг в своей книге „Что происходит в Прибалтике”² отмечает:

„После, так наз. Октябрьской революции 1917 г. латышские стрелки стали отборными революционными частями и бились на всех фронтах. Им была поручена охрана главного штаба революции в Смольном институте, и они составили охрану нового советского правительства, а также и личную охрану Ленина.

Борьба латышских стрелков была решающей и поистине мирового значения. Позднее Ленин открыто признался, что без латышских стрелков большевики не смогли бы победить”.

Отдает должное латышским стрелкам советский маршал Буденный. В своем поздравлении латышским стрелкам в 1929 г.³ он заявил:

„Дни, когда шла борьба не на жизнь, а на смерть с междонародной и российской контрреволюцией в боях граж-

* 10 латышских полков было в начале 1918 г.; позднее, в ходе гражданской войны, было сформировано еще 7 стрл. и 2 конных лат. полка — всего 19.

данской войны, я всегда вижу вас на передовых постах, в самых опасных и важнейших местах сражений, в которых решалась судьба пролетарской революции. С небывалой в истории отвагой, с несокрушимой железной силой вы защитили завоевания Октябрьской революции”.

В таком же духе — и не без гордости за своих земляков — о значении латышских стрелков пишет и зарубежный латышский историк Э. Андерсонс в своем академическом труде „История Латвии 1914—1920”⁴:

„Их победы в известной степени решили судьбу не только прибалтийских стран, но и судьбу всего мира (курсив мой. — Н. Н.)”.

В свою очередь, не забывает стрелков и немецкий историк К. Гримм⁵:

„Латышские стрелки были решающим фактором большевицкого триумфа, и это совсем не случайно, что на высокий пост главнокомандующего Красной армией был призван Вацетис”.

И большого внимания заслуживает признание латышского дипломата Я. Сескиса. Когда после краха Российского государства и прихода к власти Ленина, Я. Сескис, как представитель Латышского Временного Национального Совета, обратился в 1918 г. к представителям Франции и Англии с просьбой о получении помощи в деле установления независимой Латвии, то те ему прямо заявили:

„Большевизм латышских стрелков в русской политической жизни есть величайшее зло. Из-за вас, латышей, мы на Западном фронте истекаем кровью. Если бы не было латышских стрелков, не было бы больше большевизма и большевицкого правительства”.

Так представители Антанты бросили тяжелое обвинение *всем латышам* (из-за вас, латышей), не считаясь с тем, что было же не мало латышей, своих стрелков осуждающих. Об этом написал сам Я. Сескис в своей книге „Возникновение Латвийского государства”⁶.

Итак, как мы видим, лица разных национальностей и совершенно противоположных политических взглядов — шведский публицист, советский маршал-коммунист,

латышский историк-русофоб, немецкий историк, французские и английские дипломаты — в пределах объективности, и, наконец, сам Ленин — все они сходятся на одном мнении: если бы латышские стрелки не выступили на защиту вождя люмпен-пролетариата — Ленина и его коммунистической партии, то советская власть была бы свергнута и, следовательно, не было бы базы для мировой революции — большевистской державы — СССР. А раз так, то не только история России, но и всего земного шара, пошла бы совсем по другому историческому пути — трудному или легкому, но во всяком случае, не такому кровавому, какой прокладывали красные латышские стрелки.

СОБИРАЙТЕСЬ ПОД ЛАТЫШСКИМИ ФЛАГАМИ

Латышские воинские части образовались в ходе первой мировой войны, когда весной 1915 г. германские войска перешли латвийскую границу и повели наступление в юго-западной части Латвии — Курляндии. Кроме латышских национальных воинских частей, в России были воевавшие на турецком фронте армянские дружины, Польский корпус, конные полки кавказских горцев, объединенных в знаменитую Дикую дивизию, и туркестанская Текинско-Тюркменская конная бригада. Кавказские и туркестанские части были сформированы на добровольных началах, так как горцы и туркестанцы были от воинской повинности освобождены.

Инициатива формирования латышских войск принадлежала студентам Рижского Политехнического института и латышским общественным деятелям С. Паэгле и В. Замуэлю, которые обратились к латышским членам Государственной Думы — Я. Гольдманису и Я. Залиту, чтобы те начали хлопоты о получении разрешения от верховного командования организовать латышские воинские части. Я. Гольдманис немедленно послал прошение непосредственно верховному главнокомандующему, ве-

ликому князю Николаю Николаевичу (приводится в сокращенном виде) :

„Ваше Высокое Превосходительство,
Высоко чтимый государь, Николай Николаевич!

26 июля 1914 г. на историческом заседании Государственной Думы, я имел честь засвидетельствовать представителями народа и правительством великой России высокое патриотическое воодушевление всего латышского народа, как только были получены первые сообщения о коварных замыслах врага. Все же истинный патриотизм не может заключаться только в словах; с первых дней этой кровавой войны все латыши стремятся доказать это на деле и активно принять участие в борьбе за освобождение родины. События последних дней особенно укрепило в латышском народе его стремление, и чтобы это провести в жизнь, народные представители обратились ко мне с просьбой известить соответствующие учреждения о несклываемом желании латышской участвовать в защите России от бесстыдного врага и сформировать в этих целях особые латышские боевые дружины из молодых латышских добровольцев по примеру польского легиона и армянских дружин; и просить военное правление о необходимой поддержке, чтобы это патриотическое предложение было реализовано (...).

Покорнейше прошу Ваше Высокое Превосходительство, если военное правление разрешит основывать латышские дружины, не отказать об этом сообщить мне и местным властям (...).

В ожидании Вашего благосклонного ответа, прошу принять заверения в моем глубоком уважении и преданности.

Член Государственной Думы Я. Я. Гольманис
Рига, 28 мая 1915 г.

Вскоре благоприятный ответ был получен: Российское правительство разрешило формировать латышские национальные части в неограниченном количестве. Вместе с образованием латышских частей, латышскому на-

роду была обещана автономия Латвии, что дало повод латышским членам Государственной Думы обратиться к латышам со следующим воззванием:

„СОБИРАЙТЕСЬ ПОД ЛАТЫШСКИМИ ФЛАГАМИ!”

Сыны Латвии, нам разрешено основывать военные полки. Основанием этих полков будут два героических батальона, которые 19 и 20 апреля отразили германское наступление на Митаву. Полки поведут латышские офицеры. Латышские полки будут служить для защиты Латвии, чтобы она впредь цвела, как неделимая часть могучей России. Снабжение этих полков берет на себя правительство, но как латышские добровольческие полки и гордость народа, они будут находиться на особом попечении и любви нашего народа.

Враг превратил наши дома в пепел и наши города в развалины. Наши старики и дети, матери, жены и дочери все еще бегут от жестокого преследователя. Они ждут нашей защиты.

И мы не одиноки: днем ко дню, плечем к плечу, мы будем бороться вместе с мужественным русским народом. Верьте несокрушимому российскому могуществу, верьте светлому будущему латышского народа! Так соберемся же под своим народным флагом, под крыльями двухглавого орла! (...).

Братья, час пробил. Кто верит, тот победит. Вперед с латышским флагом за будущее Латвии!

Своим патриотизмом, своей верностью царю и России и героической борьбой против нашего исторического врага, латыши заслужили идти на войну под своим флагом. Разве это не наполняет наши сердца гордостью! И где латыш будет сражаться с большей радостью, если не под своим флагом? Где он охотнее сложит голову, если не на родной земле? Братья, воинскую повинность нужно нести

всем, так встанем под своим флагом добровольно за счастье родины!

Сыны Латвии, отзовитесь — сама родина зовет вас! И вы, скитающиеся по далеким чужим дорогам, — остановитесь: родина вас зовет!

„На земле отцов тяжелые времена, сыновьям нужно идти на помощь!”

Члены Государственной Думы:

Я. Гольдманис, Я. Залитис”

Петроград, 19 июля 1915 г.

Возвание поддержали выходящие в Риге латышские газеты разных политических направлений: „Яунайс Вардс”, „Лидумс”, „Яунакак Зиняс”, „Ригас Зиняс”, выходящая в Петрограде „Яунас Петерпилс Авизе” и др.*.

Вскоре было сформировано 8 латышских батальонов, а после того, как солдаты и офицеры латышской национальности стали переходить из русских полков в свои латышские части, а также и по новой мобилизации, батальоны развернулись в 8 латышских стрелковых полков, объединенных в две бригады, насчитывающие 38 тысяч солдат и 1000 офицеров⁷. Кроме того, в резерве находился Запасной Латышский полк, насчитывающий 10—15 тысяч новобранцев. Все командные посты занимали латышские офицеры, перешедшие из русских частей. 1-ой Латышской бригадой командовал генерал-майор А. Аузанс (позднее — полковник К. Гоппер); 2-ой Лат. бригадой — генерал-майор Мисиньш. Полки имели свои национальные знамена с латышскими эмблемами восходящего солнца и восьмиконечными звездами.

* В дореволюционной России в Риге и др. городах выходило латышских газет не меньше, чем в независимой Латвии, что категорически опровергает утверждение некоторых латышских политиков, что российское правительство латышский язык преследовало.

Латышские стрелки стойко воевали в Курляндии плечом к плечу с сибирскими стрелковыми дивизиями и стяжали заслуженную славу. Северный фронт был самым стабильным и, несмотря на неоднократные ожесточенные наступления немцев, им за два года войны не удалось ни оккупировать всю Курляндию, ни взять Ригу. (Вспоминаем, что во время второй мировой войны, немецкие войска заняли Курляндию и Ригу на восьмой день после объявления войны.)

СТРЕЛКИ ПЕРЕХОДЯТ НА СТОРОНУ БОЛЬШЕВИКОВ

Хотя в латышских полках было немало революционеров, в том числе и подпольных большевиков, которые были мобилизованы и направлены в свои национальные войска, но, пока в армии держалась дисциплина, они не могли развернуть свою пораженческую агитацию и снизить боеспособность латышских полков, ибо стремление стрелков воевать поддерживала вековая ненависть латышей к балтийским немцам, которые были фактическими хозяевами в Латвии еще со времен завоевания Прибалтики рыцарями Ордена Меченосцев в начале XIII столетия. С тех пор немецкие административные власти и бароны, владеющие большими имениями, распоряжались в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, как в германских колониях и после того, как они были присоединены к Российской империи. Например, в Риге, хотя государственным языком считался русский, фактически главным языком был немецкий. Латышам было ясно, что с победой над Германией, балтийские немцы своего привилегированного положения лишатся, а латышскому народу будет дана полная автономия. Поэтому, не без основания, латыши считали, что их стрелки воюют не так за Россию, как за свое национальное дело.

Февральская революция не только свела воинскую дисциплину на нет, но и сбила стрелков с национального пути, и они сразу качнулись влево, а после пресловутого

„Приказа за № 1” и введения в армии института политических комиссаров, стрелки нацепили на гимнастерки красные банты и перестали подчиняться офицерам, как это произошло и в Российской армии. Латышские подпольные коммунисты, возглавляемые О. Лацисом, А. Фельдманисом и К. Петерсоном, принялись за организацию в латышских частях коммунистических ячеек и вербовкой в коммунистическую партию новых членов. Если к марту 1917 г. в латышских бригадах насчитывалось всего 80 партийных коммунистов, то к июню того же года их число достигло 1800. Вступили в партию и некоторые латышские офицеры, что не наблюдалось в русских частях.

Уже с первых же дней революции большевики повели интенсивную пропаганду за прекращение войны и за неподчинение офицерам. Теперь уже стрелков не прельщала обещанная автономия, ибо это обещание было связано с продолжением войны до победного конца, а большевики предлагали немедленный мир без аннексий и контрибуций, немедленный дележ помещичьих земель, ликвидацию „буржуев” и общее благо, и все это... без всякой войны, сразу в социалистический рай.

В середине мая 1917 г. в державшей фронт в Южной Латвии 12-ой армии, в которую входили латышские стрелковые бригады, был организован эсеровский ИСКОСОЛ—12 и ИСКОМОФ, а параллельно с ними латышские части возглавил ИСКОЛАТСТРЕЛ (Исполнительный Комитет Латышских Стрелков), в президиум которого вошли латышские коммунисты К. Петерсонс, Р. Барда и Я. Тимерманис. Однако, на 1-ом Съезде делегатов латышских полков в г. Волмаре, 13 марта 1917 г., вопреки протесту коммунистов, была принята резолюция продолжать войну с Германией до победного конца; но уже на 2-ом Съезде в Риге, 27 марта, в котором приняло участие 190 делегатов, из них — 14 офицеров, большинством в 10 голосов, хотя и было внесено постановление поддерживать Временное Правительство и держать фронт, но уже с оговоркой: наступательных действий

не предпринимать, а стремиться к миру без аннексий и контрибуций.

Таким образом, беспартийные и эсеровские делегаты пытались было пойти на некоторый компромисс с большевиками. Но такой компромисс латышским большевистским делегатам Грицманису, Петерсону и др. пришлось не по душе и уже на следующий день, 28 марта, ИСКОЛАТСТРЕЛ резолюцию Съезда 27 марта отклонил и потребовал лишить доверия и отстранить от латышской политической деятельности членов Государственной думы Я. Гольдманиса и Я. Залитиса. Так что метод не признавать постановлений, принимаемых большинством голосов, которым коммунисты пользуются вот уже свыше 60 лет, был применен латышскими коммунистами еще в марте 1917 г. в Риге.

13 мая ИСКОЛАТСТРЕЛ под лозунгом „Вся власть Советам” провозгласил свержение „буржуазного правительства”, потребовал немедленного прекращения войны и широко провести на фронте братание с немецкими солдатами, которые, мол, тоже не сегодня-завтра поднимут революцию в Германии и уже тоже отказываются воевать за интересы своих капиталистов и фабрикантов и т. д., что, конечно, было очередной большевистской ложью. С этого времени латышские стрелки окончательно и, как мы увидим позднее, бесповоротно перешли на сторону большевиков. Их политическими вожаками стали старые подпольщики П. Стучка и Я. Данишевскис.

Известие об отказе латышских стрелков держать фронт и их переход на сторону агента германского генерального штаба Ленина было принято большинством латышей как измена и предательство своей родины. Настроенные национально латышские офицеры начали покидать свои полки, ибо считали позором и бессмыслием оставаться в войсках, отказывающихся не только воевать за свою землю, но проводящих организованное братание со своим вековым врагом, уже хозяйничающим на латышской земле — в Курляндии. Как известно,

„братание” было организовано Лениным и его коммунистической партией. Что представляло собой это „братание” для самих немцев, можно увидеть хотя бы из воспоминания латышского прапорщика Тиллибса⁸ (передается в сокращенном виде) :

„Перед немецким наступлением, мы, шесть членов Армейского комитета, отправились на тяжелой машине на линию фронта — брататься с немцами. До немецких окопов была нейтральная полоса, шириной в несколько верст. К окопам направились пешком. Всюду тишина.

— Как бы не начали нас обстреливать, — заметил один из делегатов.

— Что за пустяки, — пробормотал Чариньш.

Бредем дальше по снегу.

— Halt! Wer da? (Стой! Кто там?) — прозвучал голос из окопа. Махаем белыми платками.

— Abwarten! (Подождите!) — послышался тот же самый голос. Через несколько минут показались немецкие солдаты. Среднего роста солдат, приблизившись к нам, спросил издали:

— Friedenskameraden, nicht wahr? (Вестники мира, не так ли?)

— Jawohl, Kamerad! (Так точно, товарищ!), — отвечаем. Оба понимаем по-немецки.

— Идемте к нам! — позвал немец. — Очень приятно встретиться с вами на мирном пути. Кто вы — солдаты или офицеры?

— Мы представители солдатского комитета; наши полки послали нас сказать вам, что мы хотим прекратить войну.

— Хорошо, очень хорошо, — заулыбался немец.

Подошел еще один немец, по виду и поведению, высокий чин.

Быстро, быстро начал говорить нам по-немецки, что у нас хорошо, что революция продвигается вперед. „Разрешите вас пригласить” — предложил он, показывая на свой так наз. блиндаж. Довольно уютное помещение, принимая во внимание положение.

— Мы пришли к вам, чтобы заключить дружбу и мир, — сказал З.

— Почему вы не принуждаете свое правительство к заключению мира? — спросил немец. — Мы, немцы, с радостью прекратим воевать, если вы захотите заключить мир. Не хотите ли кофе? Сахара, к сожалению, нет.

— Мирные условия, — ответил З., — наше правительство уже давно послало вашему правительству. Но ваше правительство отказалось заключить мир, оно стремится завоевать нашу землю. Помогите нам и потребуйте от своего правительства заключение мира.

— Это мы не можем, — категорически закачал головой немец, — мир могут заключить только там — „наверху”, само правительство.

Я вмешался в разговор. — Делайте, как делаем мы, — сказал я немцу.

— Нет, так не пойдет! — ответил немец с усмешкой. — У нас революции не будет, наш народ хорошо дисциплинирован и любит свое правительство. Но мир нужно заключить. Это будет лучше. Закуривайте!”

Напрасно командиры латышских полков, награжденные орденами Св. Георгия, и все боевые офицеры пытались образумить своих подчиненных и вернуть полкам дисциплину — ответом стрелковых комитетов были аресты и изгнания из своих частей патриотически настроенных офицеров.

Когда 23 мая в Ригу прибыл Керенский, и все находящиеся в городе воинские части построились его встречать на площади Эспланада, то ИСКОЛАТСТРЕЛ не только отказался выделить латышскую воинскую часть для встречи, но разослал группы стрелков для проведения агитации на улицах и в парках Риги за немедленное прекращение войны с Германией, за свержение буржуазного Временного правительства и поднятие пролетарской революции. К этому времени стрелки уже успели выбросить свои латышские национальные знамена, как ненужный хлам, и демонстративно маршировали по улицам

с красными флагами. С тротуаров их провожали насмешливыми замечаниями:

— Маршировать с красными тряпками веселее, чем воевать... Предатели! Пашпуйки! (рижские апаши).

Переход около 50.000 стрелков на сторону большевиков обнажал правый фланг 12-ой армии, державший северный фронт. Рига оставалась беззащитной и могла быть захваченной немцами без больших усилий. Обеспокоенное создавшимся положением верховное командование послало в Ригу еще не деморализованные полки и корниловские батальоны смерти. Эти батальоны были сформированы из старых фронтовиков, объявивших, что они будут биться с немцами до победного конца.

12 августа, за десять дней до падения Риги, в предместье города, на Московском форштате произошла кровавая стычка между корниловцами и латышскими стрелками 3-го Курляндского полка. Причиной столкновения была расклейка на стенах домов плакатов с большевистскими лозунгами о прекращении войны, о пролетарской революции, о „свободе, равенстве и братстве” и др. Разъяренные корниловцы стали срывать плакаты, чему воспротивились стрелки. Начавшиеся сразу в нескольких местах драки, скоро перешли в настоящее сражение, во время которого были пущены в ход винтовки и ручные гранаты. Десятки убитых и раненых остались лежать на мостовых. Это кровавое столкновение нужно считать первым боем между латышскими стрелками и русскими антикоммунистами. Позднее, на полях гражданской войны корниловцы еще не раз скрестят свое оружие со стрелками.

СТРЕЛКИ ПОМОГАЮТ ЛЕНИНУ ЗАХВАТИТЬ ВЛАСТЬ

После падения Риги, 22 августа, на Северном фронте прекратились всякие военные действия — германское командование знало, что уже больше ничто не удержит

русские войска от полной деморализации и обещанная Лениным пролетарская революция в России — вопрос короткого времени и, следовательно, нет нужды тратить людей и снаряды.

К этому времени командиром 2-ой Латышской бригады стал более приемлемый большевикам командир 5-го Земгальского латышского полка, полковник Я. Вацietис, который примкнул к большевикам вскоре после Февральской революции. Став командиром бригады, Вацietис начал склонять разными посулами, а подчас — и угрозами, латышских офицеров на сторону Ленина. Ниже о нем будет отдельная глава.

В начале октября, готовясь свергнуть Временное правительство, ЦК большевистской партии отдал распоряжение ИСКОЛАТСТРЕЛУ захватить главные города Лифляндии и, разогнав неподдающиеся большевистской агитации гарнизоны, арестовать офицеров и „контрреволюционные” элементы, установить в них советскую власть, а также взять под свой контроль все железнодорожные узлы, чтобы не допустить переброску с фронта в Петроград верных правительству войска.

Оперативный план захвата важных пунктов был разработан тем же полковником Вацietисом. 27 октября 1-ый Усть-Двинский и 3-ий Курляндский латышские стрелковые полки вошли в г. Цесис. Арестовав полицейских, латышских земцев и административных чиновников, стрелки передали правление местным коммунистам. То же самое 6-ой Тукумский и 7-ой Бауский латышские полки проделали в г. Вольмаре.

Сложнее обстояло с захватом расположенного на эстонской границе г. Валка с самым важным железнодорожным узлом. Здесь находился „ударный отряд смерти” и несколько бронированных машин, которые очень опасны в уличных боях. Вацietис решил взять город обманным путем. Две роты стрелков незаметно, группами по 6—8 человек проникли в центр города и окружили комендатуру. По сигналу, стрелки ворвались в здание и арестовали весь штаб, а другая группа, перебив

шоферов в гараже, завладела бронированными машинами. В то же самое время 6-ой Тукумский полк и большевизированный батальон 436 Новоладогского полка, поддержанный огнем 42 тяжелого артиллерийского дивизиона, бросился на штурм города. После короткого сопротивления, лишенный командования гарнизон сдался.

Но напрасно думали стрелки, что население Валки встретит их, как победителей, как борцов за свободу и равноправие. Когда стрелки пошли под развевающими-ся красными знаменами парадным маршем по главной улице Валка, то, вместо приветствий, на них посыпались угрозы и оскорбления:

— Дезертиры! Предатели! Душителы свободной России! Большевистские холопы! Германские наемники!..

С захватом Валки, вся Лифляндия и часть Эстонии попали под власть большевиков. В начале декабря стрелки разгромили Лифляндский Земский Совет, который пытался сопротивляться большевизации Латвии, и переставали неугодных им лиц. Поистине, стрелки стали предателями своей родины. Мало того, взяв под контроль железнодорожные узлы, стрелки, выполняя задания ЦК партии большевиков, не пропустили эшелоны направляющиеся с фронта в Петроград с верными правительству войсками, которые не позволили бы большевикам захватить столицу. Ленин знал, кому поручить это важное задание. Как сказано в Латышской Энциклопедии⁹:

„Советское правительство и лично В. И. Ленин полностью положились на латышских стрелков, как на верных приверженцев соц. революции и активных борцов”.

Еще до Октябрьского переворота, Ленин запросил ИСКОЛАТСТРЕЛ прислать для охраны своего штаба в Смольном институте отряд латышских стрелков. Сводный отряд был послан: 80 стрелков — по 10 с каждого латышского полка. После же Октябрьского переворота, в Петроград последовал другой латышский отряд, сформированный комиссарами Янисом Петерсоном на добро-

вольных началах в Валке. Отряд насчитывал 250 охранников и составил личную охрану Ленина и его окружения. Однако латыши охраняли в Смольном не только Ленина, но и стерегли арестованную „контру”. Об этом рассказал бывший латышский охранник Ленина в Смольном, А. Лайценс¹⁰:

„В конце ноября в Смольный стали часто приводить арестованных — военных и штатских. Всех их нам нужно было охранять. В то время каждый из нас по многу раз стоял в карауле; кроме того, часто нужно было выезжать в город по распоряжению комиссара В. Д. Бонч-Бруевича, в распоряжении которого мы находились. Арестованных в Смольном долго не держали, их дела только расследовались без перерыва день и ночь. Бонч-Бруевич иногда проводил за столом 15—20 часов, допрашивая с другими комиссарами арестованные партии”.

В середине ноября Ленин опять обратился к ИСКО-ЛАТСТРЕЛУ послать в Петроград целый латышский полк для защиты завоеваний революции — на одних питерских красногвардейцев и матросскую „братву” Ленин положиться не мог. 22 ноября 6-ой Тукумский латышский стрелковый полк — 2500 стрелков, прибыл в Петроград и взял под свою охрану все правительственные учреждения и посольства.

25 ноября состоялись выборы в Учредительное Собрание, которые дали большевикам небольшое количество голосов, в то время как в незанятой германскими войсками Северной Латвии за большевиков проголосовало 72% из всех отданных голосов. В латышских полках за большевиков проголосовали 96,5% стрелков.

Поражение в выборах коммунистической партии пришлось Ленину не по душе, и он решил, что проще всего Учредилровку разогнать. А кто же лучше других это делает, как не латышские стрелки? Послать красногвардейцев? — Да те, чего доброго, поддадутся уговорам, а стрелки не дрогнут. Поэтому, когда на 5 января было назначено 1-ое заседание Учредительного Собрания, то Ленин послал в Таврический дворец отряд латышских

стрелков под предводительством матроса Железняка, а так как стало известно, что приветствовать Учредительное Собрание направилась демонстрация, то был послан еще и отряд матросов. Прибыв в Таврический дворец, латышские стрелки разогнали Собрание без лишних церемоний, а заодно и расстреляли собравшихся у Таврического дворца демонстрантов, причем не обошлось без человеческих жертв. По этому поводу латышский историк П. Кланс написал в своей книге „Горячее Железо”¹¹ следующее:

„Из латышской среды был набран батальон для охраны Ленина и его сотрудников в Смольном институте. Уже в ближайшие дни им нужно было показать свою верность. 5 января, около полудня, к Таврическому дворцу, где должно было произойти заседание Учредительного Собрания, приблизилась ликующая толпа людей с флагами и песнями, которые хотели приветствовать начало демократического строя в России. По ним были даны пулеметные очереди. Пулеметный огонь был открыт не русскими войсками, а стрелками 6-го латышского полка, которые вместе с матросами получили задание не допустить проведения собрания”.

6-ой Тукумский латышский полк оставался в Петрограде до июня, выполняя разные большевистские задания; в мае воевал с бело-финнами за фронт Ино (Финский залив).

Когда начала создаваться Красная армия, то Ленин распорядился сохранить все латышские полки, в то время, как русские полки подлежали расформированию. Американский историк Стэнли Пэдж в своей книге о Прибалтике пишет¹²:

„Следуя Ноябрьской революции, восемь латышских полков, почти как один человек, перешли к большевикам, чтобы стать Красной Гвардией, и они действительно послужили основанием для Красной армии. Они настолько доказали свою лояльность, что были единственными полками из всей старой Русской армии, которые были

включены в Красную армию целиком, со всеми своими соединениями”.

Приказом советского главнокомандующего Н. Крыленко от 18 дек. 1918 г. латышские полки объединяются в Латышский корпус, его командующим назначается Я. Вацietис, политкомиссаром — С. Нахимсон, хотя он не только не служил в латышских частях, но даже и не говорил по-латышски. Объединение в корпус было формальным, ибо отдельные латышские части требовались для защиты завоеваний революции во многих местах. 22 декабря Военный Комиссариат в Москве запросил Вацietиса прислать в его распоряжение отряд латышских стрелков; а в начале января из Петрограда пришел приказ перебросить из Лифляндии в Белоруссию 1-ый Усть-Двинский латышский стрелковый полк для разоружения Аольского корпуса.

После захвата Лениным власти командующий корпусом ген. Довбор-Мусницкий объявил, что его корпус не признает советского правительства и он подчиняться дерективам Ленина не собирается. В начале января Н. Крыленко послал в Бобруйск и Рогачев польских коммунистов-агитаторов с воззванием к польским солдатам арестовать своих офицеров и перейти на сторону Советов. Польские солдаты вместо своих офицеров арестовали агитаторов и предали их суду. В некоторых местах поляки разогнали местные Советы и разоружили красногвардейские отряды.

1-ый Усть-Двинский латышский полк вместе с приданными ему батальоном и пулеметной командой 4-го Лифляндского латышского стрелкового полка прибыл в Могилев, где уже находился полевой штаб Вацietиса. Сюда же прибыли из Петрограда отряд балтийских матросов и батальон петроградских красногвардейцев. Здесь к ним присоединились несколько белорусских красногвардейских отрядов из Полоцка, Минска и Витебска. Все эти соединения образовали группу войск, которая была названа „Головной отряд латышских стрелков”. Командиром этого отряда был назначен

Янис Лацис, а общее командование на этом участке фронта было поручено Вацietису.

18 января красные повели наступление на станцию То-щица, но были отбиты. Однако поляки оставили после боя Трощицу и отступили к Рогачеву, где находился штаб Довбора-Мусницкого. Ночью на 29 января „Головной отряд” повел наступление на Рогачев. На правом фланге наступали части 4-го Лифляндского латышского полка, матросы и белорусские красногвардейцы, в центре — 1-ый Усть-Двинский латышский полк и на левом фланге — 19-ый советский сибирский полк. Хотя красные атаквали польские войска неожиданно, но бой за Рогачев продолжался весь день. К вечеру того же дня поляки покинули город и отступили к Бобруйску. Латышские стрелки и против поляков показали себя стойкими и верными бойцами за советскую власть, что подтверждается в „Малой Латышской энциклопедии”¹³:

„Исход сражения 29 января (11 января по ст. ст.) реши-ли 1-ый латышский стрелковый полк и батальон 4-го латышского стрелкового полка”.

*

9 января в штаб расположенного в Цесисе 3-го Кур-ляндского латышского стрелкового полка из Петрогра-да прибыл матрос с приказом от Ленина. Командиру полка К. Калниньшу приказывалось немедленно отпра-виться со своим полком на Дон для усмирения не же-лавших признавать советскую власть казаков атамана Каледина. 11 января полк погрузился в эшелоны и, про-быв три недели в пути, через Москву и Харьков прибыл на Дон в распоряжение группы советских войск Сивер-са. Вместе с 3-им Тукумским полком прибыл и Латыш-ский конный отряд (позднее — полк) Яниса Кршьяна.

Против Сиверса воевали добровольцы только что на-чавшей формироваться Белой армии — около 5000 шты-ков, 4 батареи и несколько сотен казаков. Несмотря на численное превосходство, 20—25.000 бойцов, — красные

потерпели поражение. Однако, отогнав красных на север, казаки отказались продолжать войну и разошлись по станицам, оставив добровольцев одних. Видя такой подвох со стороны своих казаков, атаман Каледин 29 января застрелился.

9 февраля 3-ий Курляндский полк выгрузился на станции Никлиновка и, соединившись с 18 Советским Сибирским полком, повел наступление в направлении Ростова-на-Дону. В трех верстах от села Мокрый Чалтырь им преградил путь отряд добровольцев. Не выдержав пулеметного огня стрелков, белые отступили. Еще сильный бой на подступах к Ростову произошел у станции Синявская, в котором приняли участие Советский Московский полк и латышский коммунистический рабочий отряд. 22 февраля 3-ий Тукумский латышский полк, поддержанный артиллерией Сиверса, пошел на штурм Ростова-на-Дону и после длившегося сутки боя заставил добровольцев оставить город и уйти в степь.

Установив в Ростове советскую власть и оставив гарнизон из сформированных на скорую руку красногвардейских отрядов, в том числе и латышского из местных латышей, К. Калниньш со своим полком отправился по станицам очищать их от контрреволюционных небольших казачьих групп. В середине июня 3-ий Тукумский латышский стрелковый полк вместе с латышской кавалерией был отозван в Москву.

В феврале Германская армия повела наступление и, не встречая сопротивления, заняла всю Прибалтику, заставив оставшиеся еще здесь латышские полки поспешно эвакуироваться в глубь России. В Москву прибыли 1-ый Усть-Двинский, 2-ой Рижский, 4-ый Лифляндский латышские стрелковые полки и штаб 1-ой Латышской бригады; в Бологое — 5-ый Земгальский, 8-ой Вольмарский латышские стрелковые полки и штаб 2-ой Латышской бригады; в Новгород — 7-ой Бауский латышский стрелковый полк, оттуда 13 апреля отправлен на финский фронт против белофиннов.

Отдельные латышские батальоны, отряды и команды

были направлены в другие города центральной России — в Рыбинск, Сызрань, Тверь, Калугу и др.

Вместе со своим штабом из Могилева в Москву прибыл и Якум Вацietис.

ЯКУМ ЯКУМОВИЧ ВАЦИЕТИС

В настоящее время в Советском Союзе мало кто знает о Вацietисе (за исключением его родины — Латвии), хотя он был одним из главных помощников Ленина и неоднократно спасал со своими стрелками советскую власть, когда она стояла на краю гибели. Мало что говорит его имя и офицерам Советской армии. Даже такие незначительные советские полководцы времен Гражданской войны, как, например, Якир, Думенко или комдив типа атамана разбойничьей шайки Чуркина — почти неграмотный Чапаев, пользуются гораздо большей известностью, чем один из организаторов Вооруженных Сил Советской республики командарм Вацietис. Как бы там ни было, но имя Вацietиса неразрывно связано с историей Советской Латышской дивизии — он был ее организатором и первым командиром, а после того, как он получил назначение на более высокие посты — командующего фронтом и главнокомандующего всеми советскими вооруженными силами, то и тогда Латдивизия находилась под его покровительством и контролем. Поэтому будет нелишне познакомиться в общих чертах с его биографией.

Якум Вацietис родился в семье латышского безземельного крестьянина — батрака. Несмотря на бедность, родители Якума смогли отправить его учиться в городское училище Министерства Народного Просвещения в небольшом курляндском городке Гольдингене. Учился Якум прилежно, ибо, как он сам пишет в своих воспоминаниях¹⁴, с юных лет мечтал добиться во что бы то ни стало высокого положения. В Гольдингене Якум жил

у дальних родственников, а продукты ему посылал отец из деревни. Во время каникул, чтобы подзаработать, он нанимался рабочим на местную спичечную фабрику, а во время занятий брал работу по клейке спичечных коробок на дом; фабрика отпускала все материалы на дом. После окончания министерского училища можно было поступить в Гольдингенскую учительскую семинарию, что Якум и собирался сделать, если бы случайность не изменила его планы и направила его жизнь совсем по другому пути — военному. Как то, перелистывая латышскую газету, он наткнулся на объявление командира Рижского учебного батальона, приглашающего поступать в батальон молодых латышей с образованием училища Министерства Народного Просвещения. Привлекательным в объявлении было то, что произведенным в унтер-офицеры предоставлялось право поступать в юнкерские училища на казенный счет. Другими словами, учебный батальон являлся подготовительной школой для получения офицерского чина. Решение было принято без колебаний, и через несколько дней, прямо с Рижского вокзала, он направился в казармы Рижской цитадели и был зачислен рядовым в Учебный батальон. В девятнадцать лет Вацietис получил звание младшего унтер-офицера и командирован для дальнейшего прохождения службы в 105 Оренбургский полк. Полк этот выбрал Вацietис потому, что он был расположен в Вильне, где было юнкерское училище, в котором был большой процент юнкеров-латышей, и в которое Вацietис собирался поступить. В полку он был назначен взводным на жалование в 13 рублей в месяц на всем готовом.

Окончивших Учебный батальон унтер-офицеров готовили к экзаменам для поступления в юнкерские училища полковые офицеры. Как пишет Вацietис в своих воспоминаниях¹⁵, он участвовал в полковом церковном хоре и подружился с полковым командиром. Позднее тот навещал его в юнкерском училище. В сентябре 1895 г., легко выдержав экзамен, Вацietис был принят в Виленское юнкерское училище, которое закончил по

первому разряду с тремя призами. Службу в офицерском чине Вацietис начал во 2-ом Ковенском крепостном полку. Полк этот был выбран потому, что Ковно находилось сравнительно недалеко от деревни родителей.

Однако служба заурядного офицера не удовлетворяла честолюбивого Вацietиса. Еще будучи рядовым, он уже мечтал выслужиться до высокого чина. Надо полагать, известное изречение Наполеона: „Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом” глубоко засело в душу рядового Якума Вацietиса. А для того, чтобы шли чины, нужно было иметь высшее военное образование, и молодой офицер начал готовиться к экзаменам для поступления в Академию Генерального Штаба. В августе 1906 г. Вацietис был откомандирован в Петербург для сдачи экзаменов. Экзамены были сданы и через три года капитан Вацietис окончил Академию Генерального Штаба по первому разряду и перевелся на дополнительный курс с награждением академическим значком. Мечта рядового Якума сбылась — военная карьера была ему обеспечена. В своих воспоминаниях он пишет:

„Когда я шел домой из академии мне припомнилось, что 17 лет тому назад я поступил в учебный батальон рядовым. Тогда я вступил на путь тяжелой военной службы со светлой мечтой добиться высшего образования, идя военной дорогой. Теперь моя мечта сбылась. Я был счастлив”.

Как мы видим, утверждение коммунистов и прочих социалистов, что в дореволюционной России, не говоря уже о штаб-офицерских чинах, но даже обер-офицерами могли стать только дети дворян или богатых родителей, является наглой ложью. Пример Вацietиса свидетельствует противоположное: сын безземельного батрака стал полковником генерального штаба и, несомненно, если бы не помешала революция, то он стал бы и генералом (он уже был представлен к производству) так же, как стали генералами Российской армии сыновья таких же бедных латышских крестьян, пасших в детстве коров, Мисиньш и Аузан.

В войну Я. Вацietис вступил командиром батальона 102-го Вятского полка, а когда начали формироваться национальные латышские войска, то он был назначен командиром 5-го Земгальского латышского стрелкового полка. С этим полком Вацietис участвовал во многих боях, в том числе в одном из самых кровопролитных на Рижском фронте — в Рождественском сражении 1916 г.

После отречения от престола государя Николая II, видя, что стрелки все больше и больше пропитываются революционным духом, Вацietис решил идти с ними в ногу. Надо думать, что Вацietис не был ни социалистом, ни революционером — для этого он был уж сильно дисциплинированным, но он, вероятно, решил, что в революции можно сделать карьеру куда скорее (пример Наполеона), чем при законном правительстве. И не ошибся. Поставив на красного конька, он стал быстро двигаться вперед. Правда, как передавали автору латышские офицеры, была и еще одна причина, толкнувшая его к большевикам: он считал себя сильно обойденным в наградах. В то время, как почти все латышские полковники были награждены орденами Св. Георгия, полковник Вацietис за всю войну его не получил. Только под самый конец войны он получил солдатский Георгиевский крест 4-ой степени (еще он был награжден почетной золотой саблей, но это не орден Св. Георгия). Награждение солдатским крестом вместо офицерского ордена, на который он определенно рассчитывал, честолюбивого полковника так возмутило, что он возненавидел русское командование, а следовательно — и правительство, и затаил злобу. Революция давала возможность отомстить. Если принять во внимание, с каким остервенением Вацietис воевал против полковников и генералов с орденами Св. Георгия, то, возможно, так оно и было.

Когда после Февральской революции в латышские части проникли выползшие из подполья латышские коммунисты — Я. Данишевскис, П. Стучка, Я. Рудзутакс,

В. Межлаукс и др., то он наладил с ними дружеские отношения, а когда в Петроград прибыл Ленин, то наладил контакт и с ним. Словом, полковник Вацietис начал леветь не по дням, а по часам. То, что стрелковые комитеты арестовывают и изгоняют его боевых соратников — заслуженных офицеров — его совсем не трогало. Если не ошибаюсь, из всех латышских полковников, только Вацietис и командир 7-го латышского стрелкового полка, полковник Мангулс примкнули к большевикам.

Став командиром 2-ой бригады, Вацietис начал отстранять от постов командиров батальонов и полков как политически неблагонадежных, — впрочем, многие офицеры покинули свои части, не выдержав большевистской демагогии, а на их место стал назначать прапорщиков, если они объявляли себя большевиками.

В январе 1918 г. Вацietис назначается начальником оперативного революционного штаба в Могилеве. После успешной операции против Польского корпуса и Русского ударного полка, приказом Троцкого он назначается начальником Латдивизии¹⁵:

*„Приказ Народного комиссариата по военным делам
РСФСР об организации Латышской стрелковой
советской дивизии*

13 апреля 1918 г.

Из всех латышских стрелковых полков, вошедших в состав Советской Армии, сформировать дивизию, согласно выработанных штатов, под названием „Латышская стрелковая советская дивизия”

Начальником Латышской стрелковой советской дивизии назначается тов. Иоаким Иоакимович Вацietис. Комиссарами при Латышской стрелковой советской дивизии назначаются тов. Карл Андреевич Петерсон и тов. Карл сын Марии-Дозит.

Народный комиссариат по военным делам:
Подписи”.

Немедленно Вацietис приступил к комплектованию дивизии из эвакуированных в Москву и ближайшие города латышей, чтобы довести состав латышских полков до полного военного состава, ибо в Россию некоторые полки прибыли поредевшими из-за ухода офицеров и дезертиров, тех, которым с большевиками было не по пути. Кроме того, много стрелков-коммунистов было направлено политическими комиссарами в Красную армию, в советские учреждения и следователями в ЧЕКа.

Вместе с комплектованием старых стрелковых полков, Вацietис приступил к формированию новых латышских частей: артиллерийских дивизионов, кавалерии, связного и инженерного батальона и Латышского авиационного отряда.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЛАТЫШСКИХ ЧАСТЕЙ

Во время первой мировой войны, после того, как германские войска перешли латвийскую границу и повели наступление на Курляндию, сотни тысяч латышей покинули свою родину и рассеялись по городам широкой России. Больше всего беженцев было из Курляндии, где шли бои. Какая-то часть латышских крестьян была эвакуирована из прифронтовой полосы против их желания — как расстаться с землей и домом отцов и дедов? Но подавляющая часть латышского населения покинула свою родину добровольно, не желая попасть под немецкую оккупацию, хотя в первую мировую германская администрация вела себя на занятой территории, принимая во внимание военное положение, вполне корректно. Пожалуй, она была мягче, чем англо-американская оккупация Западной Германии в первые годы после капитуляции. Во всяком случае, кайзеровская администрация ни в какое сравнение с гитлеровской не идет. А латыши бежали... и тут нельзя не отметить, что если в первую мировую войну сотни тысяч латышей бежали в называемую русофобами „тюрьму народов” — Россию, то во время второй мировой войны в „союз нерушимый

республик свободных” латыши не только не бежали, но наоборот — при наступлении Красной армии осенью 1944 г., около 185.000 латвийского населения (по данным Латышского Красного Креста), с одним рюкзаком или чемоданом, бежало, лишь бы не попасть в руки советских „освободителей”, под бомбардировку англо-американской авиации в голодную Германию или, рискуя жизнью, на рыбацких лодках по бурному осеннему морю в Швецию. По одному этому можно судить: что представляла собою дореволюционная Россия, и что представляет собой СССР.

В России латышских беженцев ожидали самые теплые отношения как со стороны властей, так и русской общественности. В пути, беженцы на станциях получали горячую пищу, снабжались одеждой, посудой и т. д. Прибыв на место назначения, все они немедленно получали работу по своей специальности.

По определению министра внутренних дел независимой Латвии Скуйнека из Курляндии бежало 404.000 человек, из Риги — 306.000, из Рижского уезда — 40.000. Если сведения Скуйнека правильны, то, следовательно, в Россию прибыло свыше 700.000 латышей. 220.000 латышей постоянно проживали еще до войны в Петрограде, Москве, Одессе, Минске, Витебске, Ростове-на-Дону и в других городах.

Из этой, находящейся в России латышской массы, около 150 тысяч были мужчинами, способными по годам и здоровью нести военную службу (100 тысяч из них были эвакуированными рабочими). Главным образом из этих латышских рабочих Вацietис и приступил к комплектованию старых стрелковых полков и к формированию новых латышских частей. В городах же, лежащих вдали от Москвы, большевизированные латыши организовались в отдельные красные латышские части еще раньше по своей инициативе, параллельно с русскими красногвардейцами. Конечно, было немало латышей, которые держали нейтралитет, а то и занимали враждебную позицию к большевикам.

По новым штатам, Латдивизия состояла из 3 бригад — 1-ой, 2-ой и 3-ей. В каждой бригаде по 3 стрелковых полка и 2 артиллерийских дивизиона. Кроме того, кавалерийский полк, инженерный и связной батальоны и авиационный отряд.

8 стрелковых полков — 1-ый Устьдвинский, 2-ой Рижский, 3-ий Курляндский, 4-ый Лифляндский, 5-ый Земгальский, 6-ой Тукумский, 7-ой Бауский и 8-ой Вольмарский — уже были, а —

9-ый Советский Латышский полк — был сформирован в апреле 1918 г. Кадром полка послужил Латышский особый отряд, охранявший Ленина в Смольном, который переехал из Петрограда в Москву в марте в одном поезде с советским правительством. Однако для охраны громадного Кремля отряд был малочисленным, и на его базе, из находившихся в Москве латышей, был сформирован новый, 9-ый Советский латышский стрелковый полк. Полк насчитывал 2200 стрелков и командиров, но только 200 из них были старыми стрелками. Зато многие были коммунистами.

Латышская тяжелая батарея — сформирована в мае 1918 г. в Москве. Батарея имела 5 восьмидюймовых английских гаубиц „Виккерс”.

Другие артиллерийские латышские части тоже были сформированы в Москве:

1-ый Латышский легкий артиллерийский дивизион — в июне. Имел 3 батареи.

1-ый и 2-ой мортирочные дивизионы — к началу сентября 1918 г.

Латышская зенитная батарея — в августе 1918 г. (4 зенитных орудия).

Латышский тяжелый дивизион — в сентябре 1918 г.

Командирами в латышской артиллерии были бывшие офицеры Российской армии латышской национальности, служившие до революции в русских частях, ибо в латышских бригадах артиллерия была незначительной, но были бывшие офицеры и русской и др. национальностей.

Всего в латышских артиллерийских частях к осени 1918 г. служило около 2500 человек.

Латышские инженерный и связной батальоны были сформированы летом, в Москве,

Латышский конный полк — сформирован в Павловском Посаде, в 40 км от Москвы. Кадром полка послужила команда конных разведчиков 3-го Курляндского стрелкового полка. Весной 1918 г. команда под командованием Яниса Кришьяна уже успела побывать на Дону, где она воевала с Курляндским полком против казаков генерала Каледина. Командиром полка остался Кришьян.

Латышский авиационный отряд — сформирован в июле в Люберцах под Москвой. В Российской армии было довольно много военных летчиков — латышей. Все имели офицерские чины. После революции русская авиация перестала существовать. Поэтому те латышские летчики, которые симпатизировали большевикам, охотно отзывались на призыв Вациетиса вступить в Латышский авиационный отряд. В отряде было 18 аэропланов.

После комплектования Латышская дивизия стала грозной силой. Фактически, это был корпус, ибо обычно дивизия состоит из 4 полков и артиллерийского дивизиона (в те времена), а Латдивизия имела 9 стрелковых и 1 конный полк, 6 артиллерийских дивизионов и отдельных батарей, а также авиацию. К осени 1918 г. Латышская дивизия насчитывала около 24 тысяч человек.

До сентября 1918 г. командиром дивизии был Вациетис, политкомиссарами К. Петерсонс и К. Дозит. К началу 1919 г. 3000 стрелков были партийными коммунистами.

Нужно заметить, что, неся большие потери во время подавления восстаний и на фронтах, Латышская дивизия пополнялась не только латышами, но иногда к ней прикомандировывались и русские красноармейские роты и батальоны, и даже — были случаи — китайские наемники. Включение красноармейцев в латышские пол-

ки имело особое основание. Советское командование считало, что красноармейцы будут лучше воевать, если рядом будут латышские стрелки. Как известно, мобилизованные крестьяне неохотно шли в бой и при сильном огне противника убегали с поля боя. Поэтому за их спиной обычно выставлялись заградительные отряды из верных коммунистов, которые за каждое промедление идти в атаку или отступление щедро оплачивали им пулеметным огнем. Размещение же красноармейцев между латышскими стрелками заставляло их не только держаться на позиции, но и лишало их возможности сдаться в плен, а то и — перебежать на сторону белых, к чему мобилизованные были очень расположены. Однако, хотя стрелки и воевали за Интернационал, но чужих в свою среду принимали неохотно и при первой возможности старались от них отделаться.

В своем почти полном составе, Латдивизию начали отправлять на фронты только в конце 1918 г., впервые — для захвата Латвии. До того ее отдельные полки, батальоны, а то и роты, использовались для подавления антисоветских восстаний, а более крупные соединения — бригады — отправлялись на те участки фронта, где для красных создавалось критическое положение.

*

Кроме вышеперечисленных латышских частей, составивших Советскую Латышскую дивизию, после Октябрьской революции во многих городах России, по инициативе находящихся здесь большевизированных латышей и при поддержке советских властей, начали формироваться красные латышские роты, отряды (некоторые вначале назывались дружинами, позднее это обозначение, как „эсеровское”, отбросили), эскадроны, батальоны и полки. Ниже приводится почти полный список этих частей:

Латышский Витебский кавалерийский полк — сфор-

мирован в Витебске сразу после Октябрьской революции, в ноябре 1917 г. в Витебске.

Саратовский особого назначения полк (позднее — 10 Латышский стрелковый полк), — сформирован в апреле 1918 г. в Саратове. Кадром полка послужил прибывший сюда, Екатеринославский латышский рабочий отряд.

1-ый (позднее — 13-ый) Либавский латышский стрелковый полк. История его такова. В феврале 1918 г. в Великих Луках эсеровский отряд арестовал находящийся здесь большевистский штаб как предателей родины и немецких агентов и отменил все советские постановления. Немедленно туда был послан карательный отряд из 400 стрелков 7-го Бауского латышского полка. После уличной перестрелки, латышские стрелки выбили эсеров из города, расстреляли попавших в их руки бунтовщиков и восстановили советскую власть. К отряду примкнули находящиеся здесь и в окрестностях эвакуированные латыши и образовали новый Либавский латышский стрелковый полк.

6-ой Трошинский латышский стрелковый полк — сформирован в апреле 1918 г. в Трошине.

Латышский Образцовый полк (карательный, подчиненный Чека) — сформирован в апреле 1918 г. в Москве.

1-ый Московский латышский боевой отряд — сформирован в феврале 1918 г. Принимал участие в подавлении восстаний в апреле в Саратове, Пензе и других местах.

Самарский латышский стрелковый батальон — сформирован в Самаре весной 1918 г. из находящихся здесь эвакуированных латышских рабочих и латышских коммунистов. Насчитывал свыше 1000 стрелков при 16 пулеметах и 2 орудиях.

Уфимский латышский стрелковый батальон — сформирован в начале 1918 г. в Уфе. Насчитывал 500 стрелков при 26 пулеметах и 30 кавалеристов.

Тамбовский латышский кавалерийский эскадрон —

сформирован весной 1918 г. в Тамбове. Имел также артиллерию.

Тамбовский латышский коммунистический отряд — сформирован тоже в Тамбове в июне 1918 г. Отряд имел пулеметную и связную команды, легкую батарею (4 орудия) и бронированный взвод (2 броневика). В отряде было 60 коммунистов.

Архангельский латышский особый отряд — о нем будет глава ниже.

Вологодский латышский особый отряд — сформирован в марте 1918 г. в Вологде. Отряд насчитывал около 270 стрелков при 10 пулеметах.

Ростовский латышский рабочий отряд (вначале — дружина) — сформирован в Ростове-на-Дону после взятия города 3-им Курляндским латышским стрелковым полком в феврале 1918 г.

1-ый Белогоевский латышский революционный отряд — сформирован в Новгородской губернии летом 1918 г. Отряд имел конный и пулеметный взводы.

Омский латышский рабочий отряд — сформирован весной 1918 г. в Омске старым подпольщиком-коммунистом А. Нейбутом.

Владивостокский латышский отряд — сформирован летом 1918 г. во Владивостоке латышским коммунистом Августом Берзиным.

1-ый Латышский Революционный полк — сформирован в июне 1918 г. Кадром полка послужил Симбирский латышский отряд, к которому примкнули бежавшие в Симбирск остатки разгромленных Народной армией и чехословацкими legionерами латышских частей. Командир полка — Я. Звирбулис.

Пензенский латышский кавалерийский эскадрон и Латышский батальон Пензенской губернской Ч. К. — сформированы осенью 1918 г. в Пензе.

1-ый и 2-ой Латышские эскадроны — сформированы весной 1918 г. в Петрограде.

Латышская особая рота — сформирована на станции Дно весной 1918 г.

Воронежский латышский красногвардейский отряд — сформирован в 1918 г. в Воронеже.

Латышский отряд харьковских красногвардейцев — сформирован в январе 1918 г. в Харькове. Насчитывал 400 красногвардейцев. В июне того же года переведен в Астрахань.

В общем, подобные латышские красные отряды были почти во всех больших городах России, в том числе и в дальневосточных городах, но некоторые из них числились в красноармейских полках в виде отдельных национальных рот и, следовательно, не имели собственных названий. Численность красных латышских отрядов колебалась от 100 до 1000 стрелков или особистов. При наступлении Белой армии, приняв или не приняв участия в боях, они бежали, чтобы включиться в латышские стрелковые полки или шли служить охранниками и следователями в Чека.

Точного количества стрелков, не входивших в Латдивизию (многие включились в нее позднее) выяснить невозможно, а только приблизительно:

6 полков, на круг по 1000 стрелков в полку	—	6.000
2 батальона (количество известно)	—	1.500
14 отрядов и эскадронов, по 300 на каждый	—	4.200

11.700 стрелков и особистов

Следовательно, помимо Латдивизии, за советскую власть воевало еще 11.000 — 12.000 красных латышей. Если эта цифра может показаться завышенной, то сошлемся на то, что в нее не включены мелкие охранные отряды и команды (30—40 стрелков) при разных губернских Чека и латышские безымянные роты, а также значительное число латышских командиров и комиссаров, находившихся в русских красноармейских полках.

После вторжения в Латвию Латышской дивизии и других красноармейских частей, в начале 1919 г. Вацетис приступил к организации Советской Латышской армии, в которую вошли вместе со старыми советскими латышскими частями, частью из добровольцев, частью по мобилизации, следующие латышские части:

Латгальский советский полк — сформирован в декабре 1918 г. в г. Режица. Позднее, когда была сформирована 2-ая советская латышская дивизия, вошел в нее, как 15-ый латышский стрелковый полк.

11-ый латышский стрелковый полк — сформирован в январе 1919 г. в Риге.

16-ый латышский стрелковый полк — сформирован весной 1919 г. в Виндаве.

18-ый латышский стрелковый полк — сформирован в январе 1919 г. в Лифляндии.

3-ый латышский особый кавалерийский дивизион — сформирован в январе 1919 г. в Двинске. В него вошли Пензенский и Арзамасский латышские эскадроны.

Рижский коммунистический особый батальон — организован 28 марта 1919 г. в Риге. Командир батальона Б. Казак занимался со своими особистами главным образом расстрелами „контры”. После бегства из Латвии влился в 5-ый латышский стрелковый полк.

Вольмарский добровольческий батальон — сформирован 4 февраля 1919 г. в Вольмаре. В него вошли Руенский и Мазсальский красные партизанские отряды.

Латышский особого назначения при XV армии полк — сформирован в Великих Луках в июне 1919 г. из бежавших из Латвии латышских коммунистов и милиционеров. Командир полка — Я. Бейка, прозванный за свою жестокость — Черный Бей-ка. Полк воевал против эстонцев, литовцев, поляков и русских белогвардейцев (в Псковской губ.).

К июню 1919 г. в Советской Латышской армии числи-

лось 45.317 человек, но в Латышской армии было и три русских красноармейских полка — около 5.000 бойцов. Следовательно красных латышей — около 40.000. Но не все советские латышские части вошли в Советскую Латышскую армию, некоторые части (например 5-ый Земгальский полк, который воевал в Псковской губернии и под Петроградом), в нее не вошли.

СТРЕЛКИ НАВОДЯТ ПОРЯДОК

Как только Ленин захватил власть, то стал проводить политический террор и в таком размере, что ни один человек не был уверен, что его не арестуют и не посадят в тюрьму. Как ночные бандиты, с наступлением темноты чекисты и красногвардейцы, врываясь в квартиры, производили обыски, забирали ценные вещи и уводили людей в тюрьмы и чекистские застенки, где происходили состязания в избиениях „контры”, применялись средневековые пытки.

Вскоре не только контрреволюционеры, но и сотрудничающие с большевиками социал-революционеры и анархисты, увидели, что вместо вестников свободы, за счет которых оперировал Ленин со своей партией, он принес России мрак, полуголодное существование и ужас человеконенавистнической марксистской идеологии. В деревнях хозяйничали продотряды, реквизируя у крестьян без всякой уплаты хлеб, скот и т. д.

Недовольство большевиками приняло еще большие размеры к весне 1918 г., когда нехватка продовольствия стала ощущаться особенно остро, и вскоре словесные и письменные протесты перешли в вооруженные выступления и восстания и в деревнях, и в городах, в том числе в Петрограде и Москве. Многие из этих выступлений и восстаний подавлялись не столько русскими большевиками, сколько, главным образом, *чужой силой*: красными латышскими стрелками, венгерскими и австрийскими интернационалистами и китайскими наем-

никами. Поскольку наша тема — латышские стрелки, то мы остановимся на их действиях.

В 1918 г. довольно активно против большевиков выступали анархисты, считая себя обойденными как борцы за революцию. Однако анархисты были плохо организованы, что соответствует их идеологии, а их боевые отряды были малочисленны и вооружены только легким оружием. Они, конечно, не могли противостоять опытным в боях и дисциплинированным латышским стрелкам.

11—12 апреля 1918 г. стрелки 6-го Тукумского полка ликвидировали вооруженное выступление анархистов в Петрограде; и в то же самое время стрелки 2-го Рижского полка вместе с чекистами разгромили штаб анархистов в Москве. Не успевших скрыться анархистов рассажали по тюрьмам или расстреляли. В общем, в первой половине 1918 г. латышские стрелки подавили около *двадцати* вооруженных выступлений и восстаний, поднятых анархистами, эсерами, крестьянами, офицерскими организациями, Союзом Защиты Родины и Свободы и т. д. Об этих ликвидациих и подавлениях можно прочитать в Латышской Малой Энциклопедии¹⁶:

„В 1918 г. латышские стрелки приняли участие в подавлении контрреволюционных заговоров и мятежей в Калуге, Саратове, Нижнем Новгороде, Новгороде, Осташкове, Старой Руссе и в других городах и местечках Калужской, Московской, Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний. 6—7 июля 1918 г. решающее значение в подавлении лево-эсеровского мятежа в Москве имели латышские стрелки. Кроме того, они приняли участие в ликвидации антисоветских восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме и в других городах...”

Прибыв в марте в Бологое, 5-ый Земгальский латышский полк нес здесь гарнизонную службу: в частности, он контролировал поезда, идущие из Петрограда в Москву, вылавливал и арестовывал „контру”. В начале апреля командир полка А. Рамерс получил известие, что в Осташковском уезде (Тверской губ.) вооружен-

ный крестьянский отряд, арестовав советскую администрацию и коммунистов, провозгласил Осташковский уезд независимой от советского правительства „народной республикой”. Восставшие были, главным образом, вернувшиеся с войны солдаты, вооруженные привезенными с фронта винтовками и ручными гранатами. Было у них и несколько пулеметов.

Для наказания неразумных мужичков был направлен 1-ый батальон и пулеметная команда 5-го Земгальского латышского полка. Стрелки высадились из эшелона в 14 км от Осташкова. Вскоре с северного фронта сюда прибыл в помощь стрелкам советский конный полк. Разведчики донесли командиру Рамерсу, что главный отряд и штаб восставших находятся на станции Осташково. Ранним утром батальон подошел к станции и стрелки под прикрытием пулеметного огня цепями пошли в наступление. Повстанцы успешно отстреливались ружейным и пулеметным огнем, но незаметно зашедший во фланг конный полк бросился в атаку, внеся смятение в их ряды. Бросившиеся в штыки стрелки закончили бой. Только немногим повстанцам удалось скрыться в ближайшем лесу. В городе стрелкам уже никто не сопротивлялся. Около трех недель стрелки занимались ликвидацией небольших групп повстанцев в лесах и деревнях, пока 5-ый Земгальский полк не получил приказ отправиться на восточный фронт, в район Казани.

А в то же самое время, когда стрелки 5-го Земгальского полка разгоняли крестьянских повстанцев в Осташковском уезде, другие красные латыши наводили советский порядок в Саратове. В начале апреля из Екатеринослава в Саратов прибыл латышский красногвардейский отряд, который вынужден был покинуть Украину при приближении германской оккупационной армии. В Саратове к отряду примкнули находящиеся здесь латышские рабочие и другие эвакуированные латыши и образовали Саратовский особого назначения латышский полк. В городе двоевластие — большевиков и анархистов с эсерами. Существовала и тайная офицер-

ская организация „Союз фронтовиков”. Латышские особисты решили такому двоевластию положить конец. Они начали изгонять из городских учреждений эсеров и анархистов, а по ночам производили аресты неблагонадежных и обыски в зажиточных домах, не забывая конфисковать ценные вещи.

Такая конкуренция анархистам, которые имели сильный боевой отряд, пришлась не по душе. 18 мая они с наганами и ручными гранатами в руках разогнали большевистские Советы, выгнали коммунистов из учреждений и объявили, что все советские постановления, и вообще какие бы то ни были законы, отменяются — на то и анархия. Эсеры и население их поддерживали — лучше никаких законов, чем советские. Латышские особисты не решились вступить в бой и осторожно отступили за город, но командир полка Озолин немедленно связался по телефону с Москвой и сообщил о захвате Саратова бандой анархистов и эсеров, прося прислать в помощь воинские части.

В тот же день был послан карательный Московский латышский боевой отряд и батальон с пулеметной командой 2-го Рижского латышского стрелкового полка; а из Пензы — Интернациональный латышский-русско-чешский отряд. 19 мая, соединившись ночью вблизи Саратова, стрелки на заре ворвались в город, сметая все на своем пути. Анархисты и эсеры забросали стрелков гранатами из окон домов. К ним присоединились офицеры из „Союза фронтовиков”. Завязались уличные бои, но сопротивление их было сломлено в течение дня. Начались, как обычно, аресты и расстрелы по одному подозрению в симпатиях к бунтовщикам. А пока стрелки наводили порядок в городе, в деревнях Саратовской губернии начались крестьянские восстания. На усмирение непокорных мужиков отправился Саратовский особого назначения латышский полк. Для несения гарнизонной службы в Саратове, был оставлен батальон Рижского латышского стрелкового полка и интернациональный отряд. 1-ый Московский латышский боевой отряд был

послан в соседнюю Пензу для усиления тамошнего гарнизона.

23 июня в Петрограде пытались было поднять восстание юнкера и студенты. Не получив поддержки населения, восстание было быстро ликвидировано прибывшим с Финляндского фронта 7-ым Бауским латышским стрелковым полком, который воевал с белофиннами с 13 апреля 1918 г.

ГОТОВЯТ БОЛЬШЕВИКАМ СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР

Ликвидация антисоветских выступлений и сравнительно небольших крестьянских восстаний не обескуражила противников большевиков. Слухи о победах Белой армии на Юге России и выступление против большевиков Чехословацкого корпуса, а на Урале казаков атамана Дутова, укрепляли уверенность, что советская власть долго не продержится. К началу лета 1918 г. в городах центральной России, в том числе и в столице — Москве, антисоветские тайные организации начали готовить большевикам смертельный удар. Бывший террорист, а во время Временного правительства военный министр, Борис Савинков создал боевую организацию Союз Защиты Родины и Свободы, цель которой была, организовать боевые офицерские отряды, с помощью которых поднять одновременно восстания во многих городах, свергнуть советское правительство и, аннулировав заключенный Лениным с кайзеровской Германией Брест-Литовский мир, возобновить с нею войну и изгнать германские войска из отданной под германскую оккупацию российской территории.

К тому времени офицерские тайные организации насчитывали около 5000 офицеров и юнкеров. В одной Москве было 12 таких офицерских организаций, причем некоторые действовали под видом анархистов. Как пишет генерал К. Гоппер (бывший командир 1-ой Латыш-

ской стрелковой бригады) в своих воспоминаниях „Четыре катастрофы”¹⁷:

„Такому положению очень содействовали клубы анархистов, которых большевики хотя и не любили, но не преследовали. Не помню, кто подал мысль воспользоваться этой идеей, но она была одобрена, и к началу апреля у нас было около 60—70 человек, размещенных под видом анархистов. Это очень облегчало дело организации...”

Союз Защиты Родины и Свободы действовал под стражайшей конспирацией. Чтобы не подвергать всю организацию опасности в случае предательства чекистских провокаторов, она была разбита на сотни и десятки. Рядовые десятки знали только своих десятников, да и то иногда под чужим именем. Десятники непосредственно были связаны только с сотниками, а те, в свою очередь, подчинялись главным руководителям, настоящего имени которых тоже часто не знали, знали лишь условную кличку. Эта цепь не могла быть уничтоженной, если даже одно звено — десятка или сотня — попадало в руки чекистов.

Довольно сильным звеном была группа латышских офицеров, которые, не желая служить большевикам, после Октябрьской революции покинули свои части или были изгнаны из них. В оккупированную германскими войсками Латвию они не могли вернуться и, очутившись в Москве, объединились в национальную латышскую группу, насчитывавшую около 60 офицеров. Возглавил ее бывший командир 1-го Усть-Двинского латышского стрелкового полка, кавалер ордена Св. Георгия, полковник Ф. Бриедис. Его помощниками были соратники по латышским бригадам — полковники Гоппер, Болштейнс, Поммерс, капитан Рубис и штабс-капитан Пинка. Полковник Бриедис находился в контакте с главнокомандующим Белой армии ген. Алексеевым, с которым был хорошо знаком по войне с Германией.

Положение в Москве осложнялось тем, что здесь были сосредоточены верные Ленину латышские стрелко-

вые полки. Охрана Кремля была поручена 9-му латышскому стрелковому полку; стрелки 2-го Рижского полка несли охрану Верховного Военного Совета, разных комиссариатов и иностранных посольств; охрану Чрезвычайной Комиссии нес 1-ый Усть-Двинский латышский стрелковый полк. Профессор С. Пушкарев писал¹⁸:

„В донесении германского посла в Москве имперскому канцлеру, граф Мирбах сообщает 30 апреля 1918 г.: „Власть большевиков в Москве поддерживается главным образом латышскими батальонами и большим количеством автомобилей, реквизированных правительством, которые постоянно носятся по городу и могут доставить солдат в опасные места, если нужно (док. — 124) ”.

Преследуя почти одну и ту же цель, что и русские офицерские организации, офицеры латышской национальной группы пытались было перетянуть своих бывших подчиненных — стрелков — на свою сторону и повели среди них агитацию: не защищать Ленина с его коммунистической бандой, не слушать своих комиссаров, не вмешиваться в русские внутренние дела, а прежде всего подумать о своей родине — Латвии, которую Ленин отдал немцам, и которая нуждается в их помощи для избавления от векового врага латышей — германских империалистов. Но патриотически настроенные латышские офицеры старались напрасно — стрелки оставались верными Ленину... делу мировой революции. За антисоветскую агитацию в латышских полках были схвачены и погибли в чекистских застенках поручик Пуппа и поручик Рубис. Оставаться в Москве дольше латышской группе было опасно. Полковник Гоппер уехал в Ярославль, полковник Бриедис — в Рыбинск, другие латышские офицеры — кто-куда. Позднее, уже после подавления Ярославского восстания, полковник Бриедис был опознан стрелками в Москве, арестован и расстрелян как контрреволюционер в ночь на 28 августа.

Но свергнуть Ленина с его коммунистической партией и захватить власть готовились и вожаки партии левых социал-революционеров или, как они коротко называ-

лись — эсеры. Левые эсеры помогли Ленину захватить власть и тесно сотрудничали с большевиками, несмотря на некоторые идеологические расхождения. Однако, когда советское правительство переехало в Москву, то левые эсеровские вожаки — Прошьян, Александрович, Саблин, Спиридонова и другие — почувствовали, что Ленин и его большевистское окружение их терпят лишь до поры до времени и всяческими путями пытаются их вытеснить из советской администрации. Считая себя обойденными и обманутыми Лениным и его окружением, эсеры затаили обиду. Кроме того, их возмутило заключение Лениным с империалистической кайзеровской Германией „похабного” Брест-Литовского мира, который Троцкий с Иоффе подписали, несмотря на их протесты. Еще в начале июня на одном тайном заседании в доме Морозова в Трехсвятительском переулке, где находился штаб партии левых эсеров, было решено захватить власть вооруженным выступлением, арестовать, коммунистическую головку вместе с Лениным и Троцким, аннулировать Брест-Литовский мир и возобновить войну с германскими империалистами.

Левые эсеры имели довольно много сторонников в Красной армии и не без основания надеялись на поддержку московского гарнизона или, во всяком случае, на нейтралитет красноармейских полков. Соблюдая тонкую конспирацию эсеры повели интенсивную пропаганду против Ленина и Троцкого, как предателей российских рабочих и крестьян, отдавших их на оккупированной германскими войсками российской территории в кабалу немецким империалистам.

Чекистам удалось обнаружить нити заговора против Ленина, но они обрывались, не доводя до конца. Дзержинский неоднократно доносил Ленину, что эсеры имеют много сторонников в частях московского гарнизона, и потому, в случае их вооруженного выступления, — а то, что эсеры к нему готовятся есть тоже сведения — на лояльность красноармейцев положиться нельзя.

Ленин принял это во внимание и дал приказ команди-

ру Латышской дивизии Вацietису сосредоточить латышские стрелковые полки в Москве. Несмотря на то, что на Северном Кавказе и на Дону велись упорные бои с белогвардейцами и донскими казаками, с Южного фронта в Москву в спешном порядке были переброшены 3-ий Курляндский латышский стрелковый и Латышский конный полки. Таким образом, к началу восстания в Москве находилось 5 латышских полков, 2 артиллерийских дивизиона и инженерный батальон. Правда, некоторые полки не имели полного состава, так как некоторые их подразделения несли гарнизонную службу в других городах.

Когда был назначен 5-ый Съезд Советов в Москве, то партия левых эсеров пыталась было назначить для охраны Съезда эсеровскую рабочую дружину, однако председатель ВЦИКа Яков Свердлов настоял, чтобы охрана была поручена латышским стрелкам как более дисциплинированным и лучше обмундированным, чем разношерстные эсеровские дружинники, не имеющие определенной военной формы. Конечно, это была отговорка, главное же, что большевики на латышских стрелков могли всецело положиться.

Восстание эсеры запланировали на 6 июля. Уже третий день в Большом Театре заседал 5-ый Съезд Советов. 6 июля заседание началось в бурной обстановке. Когда на сцену поднялся Свердлов и, брызжа чахоточной слюной, начал яростно доказывать, что необходимо поддерживать мир с Германией, то эсеровские делегаты, поскакав с мест, начали выкрикивать: — Долой диктатуру Ленина! Долой похабный Брест-Литовский мир! Долой лакеев графа Мирбаха!..

Ленин прохаживался вдоль сцены и похихикивал в кулак, как будто бы все это его не касается. Не дожидаясь закрытия Съезда, эсеры с шумом демонстративно покинули зал.

После короткого перерыва, около 12 часов дня Свердлов опять поднялся на сцену и, попросив присутствующих ярославских делегатов подняться на сцену, со-

обшил им, что Ярославль захвачен восставшими белогвардейцами. По его распоряжению, ярославские делегаты выехали в район Ярославля с группой войск: 2-ым Московским советским полком, 3-им Венгерским Интернациональным полком, под командованием Лайона Гавра, и отрядом московских коммунаров Придатченко. Группу войск возглавили старые коммунисты — К. Бабич, Янис Берзиньш и Симанис Бергис.

По причине резких политических разногласий, у офицерских организаций не было контактов с левыми эсерами, и, скорее всего, поднятые офицерскими организациями при посредничестве Бориса Савинкова восстания в Ярославле и Рыбинске не были запланированы одновременно с поднятием эсерами восстания в Москве. Но не исключено, что эсеровские вожаки Прошьян и Александрович какими-то путями узнали о готовящемся восстании в Ярославле и потому назначили свое вооруженное выступление одновременно с восстанием в Ярославле — утром 6 июля, но потом отложили его на поздний вечер. Дело в том, что Александрович узнал, что на вечер 6 июля выпадает большой латышский традиционный праздник — Яню Диена (Иванов день). В этот вечер, по древнему обычаю еще с языческих времен, латыши отправляются на лоно природы, где разжигают костры, вокруг которых поют песни и выпивают колоссальное количество крепчайшего самодельного пива. Александрович с Прошьяном подсчитали, что когда латышские стрелки отправятся вечером за город и там перепьются, то Ленина с его коммунистической головкой защищать будет некому. Они знали отлично, что единственно на кого могут положиться Ленин с Троцким — это латышские стрелки. Еще за несколько недель до восстания эсеровские вожаки пытались лишить Ленина его верной лейб-гвардии, о чем свидетельствует сам Вациетис в своей статье „Мятеж левых эсеров в июле 1918 г.“, опубликованной на латышском языке¹⁹:

„Вопрос о том, был ли мятеж левых эсеров неожиданностью для большевиков, окончательно не выяснен еще

и сегодня. Но мы, конечно, предчувствовали, что в Москве готовится что-то недоброе.

Недели за три до мятежа я заметил, что какая-то могущественная рука старается очистить Москву от латышских стрелков, так как последних стали посылать в различные провинциальные города якобы для оказания поддержки Советской власти.

Ордера по отсылке латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя Чрезвычайной комиссии Александровича. Дней за десять до мятежа я получил от Александровича приказ немедленно послать один батальон 1-го полка в Нижний Новгород в распоряжение исполкома. Я выполнил это распоряжение, но вскоре получил сообщение, что исполком в Нижнем весьма удивлен прибытием латышских стрелков, так как Советская власть там упрочена и никто не просил присылать латышских стрелков. Аналогичное сообщение я получил от командира посланного таким же образом на юг батальона 2-го полка.

Александрович хотел выслать из Москвы и меня, ибо без моего ведения занес меня в список работников штаба Муравьева. Штаб Муравьева 16 июня должен был выехать на Восточный фронт. Я протестовал, и мне удалось остаться на своем месте в качестве начальника Латышской дивизии (...).

Позднее оказалось, что мои подозрения возникли как раз вовремя: помощник председателя Чрезвычайной комиссии Александрович, возглавлявший заговор левых эсеров, понемногу высылал латышских стрелков из Москвы, чтобы в момент мятежа у большевиков не было надежных воинских частей..."

Итак, раз не удалось избавиться от латышских стрелков их отправкой в другие города, то Александрович решил воспользоваться их выездом за город на празднование Иванова дня. Как следует из воззвания партии эсеров, по их заданию, Блюмкиным и Андреевым в 3 часа дня был убит в германском посольстве посол, граф Мирбах. Подъехав на автомобиле к посольству в Денежном

переулке, Блюмкин и Андреев предъявили охраннику удостоверение за подписью Дзержинского и попросили приема посла по неотложным делам. Посетители были проведены в салон и представились Мирбаху как уполномоченные Дзержинского. При приеме присутствовали советник посольства д-р Рицлер и адъютант посла Мюллер.

О том, как было произведено убийство, обстоятельно рассказал адъютант Мирбаха лейтенант Мюллер в своем описании покушения²⁰ (приводится с сокращениями) :

„ (...) Д-р Рицлер покинул приемную и вернулся в сопровождении посла. Блюмкин вынул из своего портфеля большое количество подлинных документов и объяснил, что он должен поговорить по поводу дела некого графа Роберта Мирбаха, лично графу незнакомого члена отдельной, венгерской ветви его семьи. Этот Роберт Мирбах будто бы замешан в каком-то шпионаже. Разговор, касающийся этого дела, продолжался около пяти минут (...) Когда д-р Рицлер предложил графу Мирбаху прекратить переговоры и дать письменный ответ через комиссара Карахана, — второй посетитель сказал, что мы, по-видимому, хотим узнать, какие меры будут приняты со стороны Трибунала по делу графа Роберта Мирбаха, на каковой вопрос граф Мирбах ответил утвердительно.

Со словами „это я вам сейчас покажу” стоящий за большим столом Блюмкин опустил руку в портфель, выхватил револьвер и выстрелил через стол справа в графа, а потом в меня и д-ра Рицлера. Мы были так поражены, что остались сидеть в своих глубоких креслах.

Граф Мирбах вскочил и бросился в зал, причем его взял на прицел другой спутник; второй направленный в меня выстрел я парировал тем, что внезапно нагнулся. Спустя один момент последовал взрыв первой бомбы... Оглушительный грохот раздался вследствие падения штукатурки стен и осколков стекол. После нескольких секунд мы бросились в зал, где граф Мирбах, обливаясь кровью из головной раны, лежал на полу. Оказалось, что

злоумышленники тем временем выскочили в окно в ранее подготовленный и находящийся в движении автомобиль.

Мюллер

Лейтенант запаса, прикомандированный в качестве военного атташе при немецком дипломатическом корпусе в Москве. (Перевод) ”.

СРАЖЕНИЕ ЗА МОСКВУ

Как только Ленину донесли об убийстве Мирбаха, он сразу обвинил партию левых эсеров в организации покушения и отдал приказ арестовать эсеровских вожаков. Покушению Ленин придавал настолько большое значение, что поручил вести следствие известному латышскому коммунисту, народному комиссару юстиции Петерису Стучке. Узнав о ленинских распоряжениях и учитывая, что большевики не замедлят принять против эсеров репрессивные меры, в эсеровском штабе на срочном совещании было решено выступить немедленно, то есть 3—4 часами раньше, чем было запланировано.

Уже к 6 часам вечера по московским улицам понеслись переполненные эсеровскими дружинниками грузовики и броневые машины. На подножках автомобилей, в боевых позах с перекрещенными на груди пулеметными лентами, распластались матросы из отряда Попова. Не поспевая за автомобилями, загрохотали по мостовым упряжки с орудиями. Прогревели первые тревожные выстрелы. Ошарашенные прохожие бросились в подворотни, улицы опустели, трамваи остановились.

По всей Москве разбрасывалось наскоро отпечатанное воззвание партии левых социал-революционеров²¹.

„В борьбе обрешь ты право свое.

Ко всем рабочим и красноармейцам.

Палач трудового русского народа, друг и ставленник

Вильгельма гр. Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Ц. К-та партии левых социал-революционеров.

Как раз в этот день и час, когда окончательно подписывался смертный приговор трудящимся, когда германским помещикам и капиталистам отдавалось в виде дани земля, золото, леса и все богатство трудового народа, когда петля затянулась окончательно на шее пролетариата и трудового крестьянства, — убит палач Мирбах.

Немецкие шпионы и провокаторы, которые наводнили Москву и частью вооружены, требуют смерти левым социалистам-революционерам. Властвующая часть большевиков, испугавшись возможных последствий, как и до сих пор, исполняют приказы германских палачей.

Все на защиту революции.

Все против международных хищников-империалистов.

Все на защиту борцов против германских насильников.

Вперед, работницы, рабочие и красноармейцы, на защиту трудового народа, против всех палачей, против всех шпионов и провокационного империализма”.

Всего эсеровские повстанцы насчитывали в своих боевых дружинах около 2500 бойцов при 8 орудиях, 4 броневых машин и 64 пулеметах. Выскакивая из грузовиков, эсеры с револьверами и гранатами в руках, врывались в советские учреждения в районе Мясницкой и Лубянской улиц и, обезоружив растерявшуюся охрану, брали ее под свой контроль. К наступлению сумерек были захвачены Главный Почтамт, Телеграфная станция и здание Чрезвычайной Комиссии, в котором в это время находились председатель Московского Совета Смидович, только что прибывший из германского посольства, обер-чекист Дзержинский и его главный помощник

чекист Лацис. Их заперли в подвальные камеры, которые Дзержинский оборудовал для своих жертв.

Отданный Троцким приказ по московскому гарнизону* выступить против восставших, был выполнен только одним Комендантским полком и Школой военных курсантов. Остальные красноармейские части отказались оставить казармы и объявили нейтралитет.

Вскоре в Кремле было получено тревожное известие, что Комендантский полк, посланный в захваченный эсерами район, позорно бежал от бросившегося на него в штыки матросского отряда Попова, и что расположенный в Покровских казармах полк Венглинского примкнул к восставшим. Положение большевиков ухудшалось с каждым часом. Ленин дал приказ о назначении Я. Вацietиса командующим всеми войсками, находящимися в Москве. Ему было поручено составить план защиты Кремля и ликвидации восстания в кратчайший срок. Передавая приказ Ленина, коммунистический вождь Муралов сказал:

— Товарищ Вацietис, Владимир Ильич просил передать вам, что вся его надежда на ваши стрелковые полки.

Облачное небо способствовало преждевременному наступлению темноты, и эсеровские руководители почему-то не решились броситься на приступ Кремля в темноте. Это была роковая ошибка — момент был упущен. В этот вечер большевики не имели в районе Кремля верных латышских частей. Только один 9-ый Латышский полк охранял Кремль. Другие латышские полки были разбросаны по московским окраинам: 1-ый Усть-Двинский полк был расположен на Девичьем поле; 2-ой Рижский полк находился на Ходынском поле; части 3-го Курляндского и 4-го Лифляндского полков — в Замоскворечьи; Латышский конный полк стоял лагерем в 40 км от Москвы — в Павловом Посаде. Вместо того, чтобы

* Не включая латышские части, Московский гарнизон насчитывал 14 тысяч бойцов и командиров.

с налета захватить Кремль со всей находящейся в нем коммунистической головкой, эсеры начали возводить вокруг захваченных ими кварталов баррикады и проводочные заграждения.

Нерешительность эсеровских вожakov полностью использовал новый командующий Вацietис. После короткого совещания в штабе Латышской дивизии, командиры латышских полков приступили к концентрации под покровом ночи своих частей вблизи Кремля, у Храма Христа Спасителя, на Арбатской и Страстной площадях. Из Павлова Посада на рысях мчался Латышский конный полк

Сведения о силах восставших были неполными и Вацietис всю ночь посылал разведчиков в тыл противника. В течение ночи никаких стычек не произошло, только иногда кое-где раздавались одиночные выстрелы. К наступлению утра 7 июля латышские стрелки и красные курсанты заняли позиции вблизи эсеровских баррикад. Сюда же перенесен оперативный штаб Латдивизии.

С рассветом москвичи проснулись от оружейной канонады — это Александрович дал приказ начать обстрел Кремля. Битва за древнюю столицу началась. В это утро город закутал на редкость густой туман; в районах реки Яузы и Москва-реки ничего не было видно за двадцать шагов. Это смутило повстанцев и они все еще медлили с наступлением. Вскоре Латышская тяжелая батарея открыла из своих шестидюймовых орудий огонь по эсеровским позициям.

Туман понемногу рассеялся и теперь Вацietис бросил своих стрелков на штурм эсеровских позиций. Батальон 1-го Усть-Двинского полка с пулеметной командой и красные курсанты артиллерийского училища с двумя орудиями наступали с Варварки по Велико-Ивановской улице; 2-ой Рижский полк наступал с Арбатской площади; два батальона 3-го Курляндского полка двинулись с Таганки на мост через Яузу; командир 9-го Латышского полка Озолс послал часть своих стрелков в сторону Ильинки. В резерве на Девичьем поле находился латыш-

ский инженерный батальон и Латышский артиллерийский дивизион.

По всему фронту забили пулеметы, с визгом и грохотом понеслись броневые машины. Установив максимы и льюисы на балконах и крышах, черноморские матросы поливали свинцовым дождем наступающих. Латышские стрелки, петляя, короткими перебежками приблизились к баррикадам, но здесь, неся большие потери от пулеметного огня, им пришлось залечь. Увидев, что лобовой атакой прорвать баррикады не так-то просто, стрелки стали задворками проникать в тыл противника. Бой велся не только на улицах, но и на лестницах и крышах, куда бросились стрелки, чтобы выбить матросов с их пулеметами. Каждый коридор, каждая лестница брались с боя.

Командиру Латышского артиллерийского дивизиона Э. Берзину Вацietис дал приказ сокрушить цитадель эсеров в доме Морозова. Прямой наводкой граната попала в окно зала, где в это время происходило совещание руководителей восстания. От страшного разрыва задрожал дом, обвалились рамы и на совещающихся посыпались стекла и обломки кирпича. Растерявшиеся эсеры выскочили на улицу и, спасаясь от взрывов снарядов и свистящих пуль, разбежались кто куда.

В тыл повстанцам Вацietис бросил резервы. Подоспевший из Павлова Посада Латышский конный полк и Латышский Образцовый полк прорвали эсеровские баррикады. Разбитые эсеровские дружинники бежали к Курскому вокзалу. Стрелки 1-го Усть-Двинского латышского полка взяли приступом здание Чрезвычайной Комиссии и освободили запертых в погребе Дзержинского, Лациса и Смидовича. Вскоре весь район был занят латышскими стрелками. Сражение за Москву закончилось. Поспешно убирались трупы и раненые. Сколько было убитых — осталось невыясненным, ибо большевики не сообщили ни о своих потерях, ни о потерях противника. Однако Вацietис в своей статье „Мятеж левых эсеров в июле 1918 г.” отмечает:

„В более тяжелом положении находились 1-ый Латышский стрелковый и Образцовый полки, которым пришлось действовать в узких переулках под прицельным огнем неприятеля. Войска эсеров разместились в окопах, за баррикадами, на крышах и балконах. Оба упомянутых полка понесли значительные потери (...) 1-ый Латышский стрелковый полк попал под пулеметный огонь и понес значительные потери”.

Но если потери латышских стрелков исчерпываются убитыми в уличных боях, то жертвы повстанцев — не только павшими в сражении. Ленин немедленно передал телефонограмму Московскому Совету:

„Передать всем волостным и уездным Совдепам Московской губернии.

Разбитые банды восставших против советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе. Возле них сосредоточить вооруженные отряды. Есть сведения, что один броневик, который был у восставших, бежал за город. Принять меры к задержанию броневика.

Написано 7 июля 1918 г.

Председатель Совнаркома Ленин”

Весь июль по Москве и ее окрестностям шли аресты. Тысячи людей были схвачены по подозрению, по наговору. Бесперывно, днем и ночью, со скрежетом открывались железные ворота Бутырской тюрьмы. Эсеровские вожаки — А. Александрович, Б. Камков, Б. Саблин и другие были расстреляны без суда.

Трудно представить с исчерпывающей полнотой, что произошло бы в России, если бы Москву захватили хотя и революционные, но антикоммунистические силы. Но если принять во внимание, что к этому времени на всех окраинах России образовались антисоветские фронты и были подняты восстания в Ярославле и других городах, то вряд ли большевики удержались бы у влас-

ти. Как бы там ни было, попытка сбросить в Москве советскую власть, была ликвидирована чужой силой. Об этом свидетельствует уже упомянутый латышский публицист Я. Порьетис в своей книге „Легендарные пути стрелков”²²:

„В ликвидации эсеровского восстания самыми активными были 1-ый и 2-ой латышские полки с артиллерийским дивизионом. Другие латышские части несли охранную службу. Все эти латышские стрелковые полки и латышская артиллерия была той реальной силой, которая ликвидировала восстание. В ликвидации подобных антибольшевистских восстаний латышские полки принимали участие также в других городах России: 3-ий полк — в Калуге; 5-ый полк в Бологое; 6-ой полк — в Петрограде; 7-ой полк — в Старой Руссе; 8-ой полк — Вологде и Ярославле и т. д.”.

Заслуга подавителя восстания Я. Вацietиса была оценена Лениным. Через несколько дней, 12 июля, он назначается главнокомандующим Восточного фронта.

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

В Москве восставшие эсеры смогли продержаться неполных два дня. Поднятое офицерской организацией восстание в Ярославле ночью на 6 июля, было поддержано всем населением города и сопровождалось исключительным героизмом и упорством восставших. Только на шестнадцатый день непрекращающихся боев на подступах к объятому пламенем городу оно было подавлено во много раз превосходящими силами большевистских войск.

По создавшемуся после революции политическому положению, Ярославль, расположенный на Волжской водной магистрали с узлом железных дорог, был исключительно важным городом. Здесь был центр советского военного округа, интендантство, артиллерийские склады; Ярославская пристань была крупным перевалочным

пунктом для грузов, отправляющихся с Нижнего Поволжья в Петроград. Все это определило намерение офицерской организации захватить город.

В середине июня, из разных мест и разными путями, в Ярославль стали прибывать маленькими группами переодетые рабочими и крестьянами офицеры. Здесь уже находился полковник Гопшер, а в конце июня прибыл назначенный командующим Ярославским отрядом и руководителем восстания полковник Перхуров. 2 июля в Ярославль прибыл Борис Савинков и на совещании штаба был разработан план захвата города в ночь на 6 июля. Кроме прибывших офицеров, у Перхурова было много офицеров, находящихся на службе у красного командования в инженерных, артиллерийских и интендантских складах, так как большевикам их заменить было нечем. В заговоре участвовала и вся команда авто-отряда с двумя броневиками под командой поручика Супонина. Советский гарнизон в Ярославле состоял из одного полка, который вряд ли оказал бы сопротивление восставшим, так как в нем было много командиров и бойцов, явно настроенных против большевиков. Надежными и стойкими красными частями были: отряд венгерских интернационалистов и особый коммунистический отряд в 200 штыков.

До конца июня заговорщикам удалось сохранить конспирацию и только за неделю до восстания, прибывший в Ярославль политический комиссар латышских стрелков Семен Нахимсон, назначенный председателем Военного Штаба Северного фронта, пронюхал о подготовке восстания и затребовал от народного комиссара по военным делам срочной посылки в Ярославль верных частей. 2 июля со станции Бологое направился 8-ой Вольмарский латышский стрелковый полк. Однако полк прибыл в Ярославль с запозданием, уже после того, как город был в руках белогвардейцев, так как железная дорога в районе Рыбинска была повреждена организаторами восстания в Рыбинске во многих местах.

Как позднее выяснилось, Нахимсон отдал приказ об

аресте полковника Перхурова, полковника Гоппера, полковника Масло и многих офицеров, находящихся на советской службе, но аресты были отсрочены на день-другой, так как чекисты хотели одновременно захватить и Б. Савинкова, но не знали его местонахождения.

В час ночи, как было запланировано, заговорщики собрались на Леонтьевском кладбище. Здесь Перхуров разделил людей на два отряда. Один отряд проник в расположение оружейных складов и захватил его, не встретив сопротивления. Другой отряд подошел незаметно к дому губернатора, где происходило совещание комиссаров. Офицеры ворвались в зал, где собрались комиссары, так внезапно, что те не успели выхватить своих маузеров и были арестованы. По улицам уже патруировали броневики и автомобили с пулеметами из автороты поручика Супонина. После короткого боя был уничтожен коммунистический отряд и заняты все советские учреждения. В гостинице „Бристоль” был схвачен Семен Нахимсон и тут же на месте убит.

К утру вокзал, железнодорожный мост и пристань на Волге были заняты белогвардейцами. На многих домах взвились трехцветные русские флаги. В городе воцарилось праздничное настроение. На улицах ярославцы обнимались и поздравляли друг друга с избавлением от большевистского ига. Как на Пасху зазвонили во всех церквях колокола. Полковник Перхуров провозгласил отмену всех советских законов. На стенах расклеены воззвания:

„Российские граждане! Советская власть в Ярославской губернии свергнута во имя свободной России. Долой большевиков!”

Силы восставших быстро увеличивались притоком добровольцев. Громадные толпы осаждали штаб Перхурова с целью записаться в формирующиеся отряды. В первый день записалось несколько тысяч, в том числе около 700 фабричных рабочих и 300 железнодорожников. Матросы Волжской флотилии арестовали своих комиссаров и послали Перхурову делегацию, которая

заявила, что они примыкают к восстанию и берут на себя охрану моста через Волгу. На второй день из окрестных волостей прибыла крестьянская делегация, прося выдать оружие для борьбы с большевиками. В село Яковлевское были направлены офицеры, где их дожидались около 800 крестьян, готовых вступить в бой. Часть из них была направлена в Ярославль, другие отправились очищать от большевиков свои деревни.

Еще ранним утром в первый день восстания, большевикам удалось связаться по телефону с Москвой и сообщить о захвате Ярославля Перхуровым. Посланные из Москвы войска заняли позиции вокруг Ярославля. 8 июля подошел бронепоезд с морскими дальнобойными орудиями и открыл ураганный огонь по городу. На следующий день красные войска повели наступление. 2-ой Московский и 3-ий Венгерский Интернациональный полки двинулись со станции Всполье на штурм городского вала. Их густые цепи, поддержанные артиллерийским огнем, продвигались по Угличской улице к Сенному рынку. Их встретили огненным шквалом из десятков пулеметов, установленных на чердаках и колокольнях, и наступление красных захлебнулось в крови. В то же время командир 8-го Вольмарского латышского стрелкового полка, прапорщик Лаубе повел своих стрелков через огороды и сады на штурм северного предместья города. Здесь на них бросился в контратаку офицерский отряд. После ожесточенной штыковой схватки, оставив на поле боя несколько десятков заколотых стрелков, латыши отступили. Смертельно был ранен полковой комиссар Петерсонс.

Через два дня, подтянув резервы — 1-ый Варшавский Революционный полк и отряды китайских наемников, — советские войска пытались было переправиться через реку Которосль, чтобы ворваться в город с фланга. Поставленная у Демидовского лица артиллерийская батарея и установленные на верхних этажах семинарии пулеметы открыли ураганный огонь и советские бойцы,

устлав берег Которосли сотнями трупов и раненных, в панике бежали.

8 июля было поднято восстание и в соседнем Рыбинске. В городе была довольно сильная офицерская организация, готовая выступить в любое время. К несчастью, организатор восстания капитан Смирнов за день до восстания был предан. Он отправился с 16 другими заговорщиками в расположенное вблизи Рыбинска большое село Ивановское, чтобы заручиться поддержкой крестьян. Здесь он был предан провокатором и схвачен чекистами. Он был расстрелян на месте с другими заговорщиками. Один крестьянин верхом на коне прискакал в Рыбинск и сообщил о гибели Смирнова. Отряд повстанцев немедленно бросился на приступ казармы, где находился батальон латышских стрелков 2-го Рижского латышского стрелкового полка. Латыши яростно отстреливались. Всю ночь шел бой, но утром на помощь стрелкам подошел советский кавалерийский полк, который ударил в тыл повстанцам и решил исход сражения. Повстанцам все же удалось избежать полного уничтожения и уйти за Волгу, чтобы, добравшись до Ярославля, опять вступить в бой.

13 июля к Ярославлю подошел второй бронепоезд, вместе с которым прибыла пулеметная команда 1-го Усть-Двинского латышского стрелкового полка. Вместе с отрядом коммунистов из города Данилова, латышским пулеметчикам удалось овладеть западным концом железнодорожного моста. 15 июля пришел еще один бронепоезд. Теперь все три бронепоезда и советская Путиловская батарея открыли по городу непрекращающийся артиллерийский огонь, не считаясь с тем, куда падают снаряды. Запылали Городская, Терапевтическая и Детская больницы. В пламени погибли десятки не успевших высочить больных.

18 июля из Петрограда прибыл 6-ой Тукумский латышский стрелковый полк, и сразу из эшелонов бросился в атаку на предместье Тверицы. По несколько раз в день бросались стрелки на штурм зданий, пытались вы-

бить укрепившихся в них белогвардейцев, но каждый раз вынуждены были отступить.

Поднимая восстание, полковник Перхуров надеялся на помощь находящихся на севере белых отрядов. Еще в середине июля удалось наладить связь с Мурманском, где образовалось Верховное Управление Северной Областью, которое сообщило, что в самом ближайшем будущем в Архангельск войдет английская эскадра и высадит войска для совместной борьбы с русскими белыми отрядами против большевиков. Однако, расчет на английскую помощь был необоснован: во-первых, английские корабли вошли в Архангельский порт только 2 августа, то есть когда восстание было уже подавлено; во-вторых, английский десант был слишком малочисленным, чтобы вести военные действия в широком масштабе. Главной целью британского правительства была не столько борьба с большевиками, сколько захват английских военных грузов, посланных в Архангельск еще до революции.

Отсутствие помощи извне не смутило восставших и они продолжали ожесточенно сопротивляться. Бои не прекращались ни на один день, затихая только к ночи, чтобы с рассветом возобновиться с новой силой. Особенно кровопролитные бои развернулись в районе железнодорожного моста, в западном конце которого укрепились латышская пулеметная команда. Председатель Ярославского ревкома К. Бабичев сообщил в Москву, что в сражении за обладание мостом пало столько красных бойцов, что их трупы грузили полными вагонами.

После недолгого затишья у предместья Тверицы, стрелки 6-го Тукумского полка, вместе с батальоном китайских наемников, снова бросились в ожесточенное наступление. Четыре дня шли атаки и контратаки, и только на пятый день, после жаркого боя, во время которого пали почти все защитники, Тверицы были заняты латышскими стрелками. С потерей этого аванпоста, положение восставших сильно ухудшилось.

После короткого совещания в штабе восставших, Перхуров решил отправиться с несколькими офицерами на пароходе вверх по Волге, чтобы попытаться поднять крестьян и ударить в тыл красным войскам. Пароход отчалил ночью и ушел не замеченный большевицкими постами. Однако, хотя крестьяне в большинстве были настроены против власти, браться за оружие они не хотели.

На исходе второй недели восстания 8-ой Вольмарский латышский стрелковый и 3-ий Интернациональный венгерский полк прорвали оборону и бои перекинулись на окраинные улицы города. В этих ожесточенных уличных боях обе стороны несли громадные потери. Но в то время, как у белых были исчерпаны все резервы, в красные войска все время поступали пополнения. Как стойко бы ни держались защитники Ярославля, но не только превосходящая численность красных войск, а и усталость от страшного напряжения давала себя чувствовать. Видя невозможность продолжать дальнейшее сопротивление, генерал Карпов, которому Перхуров передал командование, поверил провокационному предложению лейтенанта Балка прекратить борьбу и сдаться в плен... ему как представителю германской армии. Лейтенант Балк был действительно представителем Германской Военной Комиссии и прибыл в Ярославль еще до восстания, чтобы принять под свое командование около 1000 германских военнопленных, находившихся в Ярославле. Согласно Брест-Литовскому мирному договору, германские военнопленные освобождались из плена и переходили на положение дружеских военных частей, временно находящихся на территории России до эвакуации в Германию. Они получали статус неприкосновенности и подчинялись только Германской Военной Комиссии, которая в свою очередь подчинялась германскому посольству.

Предложение лейтенанта заключалось в том, что восставшие, объявившие себя частью Русской армии, не признающей Брест-Литовского мира, и продолжающие

считать себя союзниками Англии и Франции (как это декларировал полковник Перхуров) и, следовательно, находящиеся в состоянии войны с Германией, сдались бы в плен Германской Военной Комиссии и, таким образом, обрели бы статус пленных, находящихся под стражей германских солдат. Балк гарантировал восставшим неприкосновенность и заверял, что у него имеются права и полномочия не выдать их советским властям.

Был ли Балк провокатором или невинным простачком — осталось невыясненным, но, как и следовало ожидать, эта замысловатая комбинация закончилась трагически. Узнав, что повстанцы перешли на положение „военнопленных“, советское командование повело генеральное наступление по всему фронту. Однако часть офицеров, не поверившая Балку, в последний день оказала красным самое ожесточенное сопротивление, не позволив им в тот же день ворваться в центр города. Член Военно-революционного Комитета Янис Берзиньш в оперативной сводке, переданной в Москву, характеризовал итог последнего боя так:

„Наступление 20 июля, подготовленное огнем тяжелой артиллерии, вследствие усталости наших частей не привело к занятию города, но отдало в наши руки главные подступы к нему”.

В ночь на 21 июля небольшой части повстанцев удалось прорваться через Романовскую заставу и разойтись по деревням, где их скрывали крестьяне, чтобы позднее, переодевшись в крестьянскую одежду, пробраться на Урал и присоединиться к армии адмирала Колчака.

21 июля советские войска, не встречая сопротивления, заняли весь город. Дымящиеся и заваленные горами кирпича и битого стекла улицы были покрыты трупами и стонущими ранеными, которых красные янычары тут же приканчивали штыками. Латышские стрелки, венгерские интернационалисты и русские коммунары врывались в уцелевшие от пожаров дома, выискивая своих врагов, гонялись по дворам и садам за скрывающимися, хватали их и уводили на берег Волги, где их расстрелива-

ли и бросали в воду. Сдавшиеся в плен лейтенанту Балку, были выданы большевикам по их требованию в первый же день. Об их судьбе откровенно и цинично позднее сообщила „Красная книга ВЧК” (1-ый выпуск) :

„Председатель Германской комиссии лейтенант Балк приказом за № 4 от 21-го июля 1918 г. объявил гражданскому населению г. Ярославля, что Ярославский отряд Северной добровольческой армии сдался вышеозначенной Германской комиссии. Сдавшиеся были выданы большевистской власти и в первую очередь 428 из них были расстреляны”.

Знаменательно, что исход сражений за Ярославль, как в Москве и Казани, был решен *чужой силой*. Об этой *силе* красноречиво сказано в брошюре „Солдаты революции”²³.

„Латышские красные стрелки были решающей военной силой в подавлении левозэсеровского мятежа в Москве и белогвардейского мятежа в Ярославле. Они участвовали в разоблачении и ликвидации заговора Локкарта. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Казань, 5-ый Латышский стрелковый полк был первым в Красной Армии награжден почетным знаменем В Ц И К”.

Однако нужно отметить и то, что в Ярославском восстании приняла участие и группа латышских контрреволюционных офицеров (около 30), и, как упомянуто выше, главным помощником полковника Перхурова был латыш, кавалер ордена Св. Георгия полковник Гоппер. Волею судеб, большинство латышских офицеров во главе с капитаном Скраббе пали смертью храбрых от пуль или штыков своих же соотечественников — латышских стрелков.

Один из руководителей подавления восстания, Янис Берзиньш был оценен самим обер-чекистом Дзержинским, сделавшим его своим главным помощником. В 1924 г. Я. Берзиньш возглавил советскую военную разведку; а во время Испанской гражданской войны организовал отделы НКВД в Мадриде и Барселоне.

(Продолжение в „Вече” № 5)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. J. Porietis, "Strelnieku Legendaras Gaitas". Lincoln, Nebr. USA, 1968, cc. 451—452.
2. Andres Küng, "Kas Notiek Baltija". GRAMATU DRAUGS, Sweden, 1974, c. 114.
3. Latvijas PSR. Maza Enciklopedija. Riga, 1968 (Latvijas revoluc. strln.), c. 253.
4. Edgars Andersons, "Latvijas Verture 1914—1920". Stickholm, c. 86.
5. C. Grimm, "Jahre deutscher Entscheidung im Baltikum 1918—1919". Essen, 1939, c. 44.
6. J. Seskis, "Latvijas valsts izcelsanas". Riga, Latvija, 1938, c. 103.
7. Великая Октябрьская социалистическая революция, БСЭ. Москва, 1977, c. 290.
8. J. Porietis, "Strelnieku Legendaras Gaitas". Lincoln, Nebr. USA, 1968, c. 344.
9. Latvijas PSR, Maza Enciklopedija, Riga, 1968, c. 251.
10. J. Porietis, "Strelnieku Legendaras Gaitas". Lincoln, Nebr. USA, 1968, c. 420.
11. Pavils Klans, "Karsta Dzels". GRAMATU DRAUGS, Sweden, c. 12.
12. Stanley W. Page, "The Formation of the Baltic States". Harvard University Press, Cambridge, 1959, c. 85.
13. Latvijas PSR, Maza Enciklopedija, Riga, 1968, c. 251.
14. И. И. Вацетис, „Моя жизнь и мои воспоминания”. Журнал „Даугава”, Рига, 1980. №№ 3, 4, 5.
15. Там же.
16. Газета „Правда” № 73, 16.4.1918.
17. Ген. К. Гоппер, „Четыре катастрофы”. RITI, Riga, Latvija. c. 25.
18. С. Пушкарев, „Тайный союз Ленина с Вильгельмом”. „Новое Русское Слово” от 24 января 1962 г.
19. "Latvijas strielnieku vesture" (Т. 1, d. 2). "PROMETEJSS", 1928.
20. „Красная Книга ВЧК”. Москва. Сс. 146 и 147.
21. Там же, c. 178.
22. J. Porietis, "Strielnieku Legendaras Gaitas". Lincoln, Nebr. USA, 1962, c. 374.
23. „Солдаты революции” — брошюра. Издана „Музеем революции” в Риге, 1970 г.

Наша непримиримость

Непримиримость!

Строгое, нелегкое слово. Как памятник, как лампада неугасимая напоминает и предупреждает слово, что есть незабываемые преступления и несмываемая кровь, что примирение со злом невозможно.

С чем мы не примиримся?

Мы не примиримся с ужасом, слезами, кровью, уже 64 года проливаемыми на русской земле.

Мы не примиримся с поруганием и разрушением святынь русского народа.

Мы не примиримся с уничтожением десятков миллионов русских людей, цвета и славы нашего отечества.

Мы не примиримся с палачами новых мучеников и исповедников российских

Мы не примиримся с убийцами Русского Царя.

Мы не примиримся с заключением, выдачами, казнию доблестных воинов — борцов за свободу России.

Мы не примиримся с прокурорами, судьями, тюремщиками о. Глеба Якунина, Игоря Огурцова, Владимира Осипова, о. Дмитрия Дудко, и многих иных ратоборцев за веру и истину.

Мы не примиримся с соловецкими, колымскими, пермскими, и многими сотнями других островов архипелага ГУЛага.

Мы не примиримся с безбожием, преследующим беззащитных верующих в их родной стране.

Мы не примиримся с унижением и растлением нашего народа, с грабежом его достояния, с оклеветанием его истории и культуры.

Мы не примиримся с властью узурпаторов, предателей

России, ежечасно заявляющих о своей верности интернационалу, а не российскому государству.

Наша непримиримость прежде всего выражается в плане духовном. Большевизм прежде всего — проявление абсолютного, метафизического Зла. Только так можно объяснить смертоносные бури разрушения, лжи, духовной отравы, веющие над нашим отечеством. Примирение с этим Злом невозможно не только для православного христианина, но и для всякого человека, еще не потерявшего образ и подобие Божии. Из нашей духовной непримиримости со Злом, вытекает и наша душевная, умственная непримиримость.

Даже по скудным сведениям, попадающим за рубеж, можно судить, какую титаническую, часто невидимую, духовную борьбу ведет наш народ со Злом, опутавшим Россию. Герои духа ведут эту борьбу в условиях голода, бесправия, произвола, лжи, пропаганды о бесполезности и даже вреде сопротивления. Мы, живя в условиях свободы и сравнительного достатка, мы — плоть от плоти и кровь от крови народа-узника, народа-мученика — мы не имеем ни морального, ни исторического права примириться с мучителями и с их преступлениями.

Примириться не имеет морального права ни один честный человек на Земле, желающий заслуживать это звание. Для нас, российских эмигрантов, непримиримость — дело совести, долга, чести.

Мы русские *политические* эмигранты. О нас сказано, что „мы не в изгнании — мы в послании”. Россию мы покинули не ради благополучия или наживы. Россию мы покинули ради борьбы.

Русская борьба с большевизмом — наша борьба — началась в 1917 году. Белое Движение служило борьбе со злом, борьбе за сохранение государства российского. Были ошибки, были промахи — но было и самопожертвование, были успехи, и враг наш трепетал в Москве 1919 года.

Борьба продолжалась в изгнании. Партизаны-герои ген. Кутепова делали глубокие рейды в логово зверя,

несли возмездие палачам России. Хоть мало принесли они физического вреда врагу, но опасность режиму была не в широте или многочисленности сопротивления, а в духовной силе этих воинов за Землю Русскую. Много потратил враг сил, пытаясь сломить нас. Но не сломил. И при первой возможности, эмиграция — уже „старая” с „новой” снова берется за оружие, снова бьется за Россию, за честь русского народа.

Мы свидетельствуем, что не рабского духа наш много-страдальный народ, что при первой возможности он готов с оружием в руках бороться за свободу и справедливость.

Мы свидетельствуем, что коммунизм не вычурная причуда таинственной для всех „русской души”, а воплощение исторического, метафизического Зла, дух смерти и тления захвативший нашу родину.

Мы свидетельствуем, что русский народ — первая жертва и первый противник кровожадного, безбожного интернационала.

Мы боролись и боремся по сей час, где можем, как можем. Одна, преданная бывшими своими союзниками, борется с мировым Злом наша Россия. Соратники наши — все честные русские люди и представители народов Российского Содружества. Боремся и за спасение того мира, который предал Россию, который хочет забыть ее, который торгует сегодня с ее поработителями, скупая награбленное.

Борьба наша не обязательно „автоматы, пушки, гранаты”. Борется за Россию простая женщина на Полтавщине, отстаивающая православную часовню. Борется рабочий, крестивший своих детей. Борется ребенок, не снимающий Креста Христова, несмотря на побои в школе. Борется скромный труженик эмигрант, отдающий последний грош на церковь. Борется каждый из нас, молясь за „страждущую страну российскую и православных людей ея, в отечестве и рассеянии сущия”.

Вспомним, что коммунизм прежде всего — враг духовный. Против духовного врага — нужно применять

оружие духа. Злу противостоит добро. Проклятию — молитва. Ненависти — любовь. Смерти — жизнь.

Враг наш это превосходно знает. И не так боится он наших пуль и гранат, как боится нашей веры, нашей молитвы, нашего слова, нашей правды.

Мы — часть исторической России. Это не предмет выбора. Национальность, предков, вероисповедание не сменяешь как перчатку. Есть малодушные, что хотят забыть, затерять свое наследие. Но тысячелетняя наша русская порода не исчезает, не забывается. Да и как смеем мы изменить в трудную годину отечеству нашему, променять тысячелетнюю культуру и славную историю на чуждое нам, пусть прекрасное, но пустое „здесь и сегодня”.

Нет. Хотим мы этого или не хотим, мы — часть русского народа; мы по мере сил наших ему со-страдаем, и по мере сил со-боремся.

Мы не отказываем в лояльности зарубежным странам, приютившим нас, гражданами которых мы являемся. Но у нас есть духовный долг перед Россией и родным нам народом. Каждый человек, каждый житель Земли имеет моральную ответственность борьбы со злом. И если многие дружественные нам иностранцы идут на борьбу с коммунизмом, захватившим наше отечество, на путь борьбы за свободу нашего народа, то мы, *русские*, тем более обязаны непримиримо бороться за Россию.

Наш долг — долг свободных русских людей. Если герои духа, вроде Игоря Огурцова, Владимира Осипова, и многих, многих других чувствуют долг борьбы и находят силы для этой борьбы в условиях жесточайших преследований, лжи и унижений — то какое моральное право на примирение и пассивность имеем мы, живущие на свободе и в безопасности?

Боремся оружием духа: верой, молитвой, словом. Пусть каждый из нас сделает, сколько может, как может, явно или тайно. Главное: делать, бороться. Да не угаснет свеча наша. Уже одно то, что мы *есть*, что *есть* зарубежная Россия, что сохранены память и свидетельство — уже одно это — великая победа и великая надежда.

Истина — понятие качественное, а не количественное. Пусть миллионы охвачены мраком лжи, пусть большинство зовет белое черным, и пусть лишь один человек знает и исповедует истину — истина от этого не изменится, белое не станет черным. Истина не зависит от человека, а наоборот: человек зависит от истины. Вера одного праведного человека движет горами. Пусть нас мало, но мы верим в правоту нашего дела. Мы на стороне истины. Мы с истиной. И если будем иметь веру, сдвинем горы. Но даже если ни одного камня не сдвинем по маловерию и малодушию нашему, то и это не умалит истины, которой служим, Истины, которая является конечным мерилом всех наших дел.

Сегодня человечество подходит к некоему великому рубежу. Даже нечуткие люди все чаще задаются вопросом: „Быть или не быть человечеству, быть или не быть вере на Земле?“ Лишенное веры в Бога, потерявшее Удерживающего, опустошенное преступным двадцатым веком, человечество стремительно несется к пропасти небытия. Напрасно даются рецепты благополучия, напрасно подписываются договоры; грозные тучи на горизонте все растут — призраки Смерти, призраки гибели вырисовываются все резче и острее.

Надежный, спасительный путь для человечества лишь один: моральное, духовное очищение. Уже раздаются голоса, что это моральное очищение человечества, это возрождение духа невозможно без участия русского народа; что настоящее освобождение человечества от векового кошмара зла, смерти и тления невозможно, пока в плену Россия. Мы добавим: освященная и очищенная страданием, новая Святая Русь принесет свет миру, как предсказывал великий Достоевский.

Мы верим, что воскресение России возможно. Мы знаем, что воскресение России *необходимо* для духовного оздоровления человечества. Наши вера и сознание основаны на вере в Господа Бога, на надежде, что образ и подобие Божие человека восторжествуют над силами мрака.

Наступает рубеж эпохи. Крепнет российский дух, освобождаясь от идейных оков. Все громче раздается голос веры, добра, справедливости в отечестве нашем. Идеологическая тюрьма не сдерживает более все ширящееся сознание коренной, исторической России. Остается физическое принуждение — но штыками и наручниками не сдержать той лавины свободы которая — мы видим — растет с каждым годом.

В то же время, хиреют и чахнут чуждые нашей самобытности идеи и идейки, по существу родственные марксизму, так же, как и марксизм мертворожденные и мертвящие. Радостно видеть, что доминантой в хоре современного русского возрождения все ярче проявляется принцип почвенничества, основанного на православии и русскости, без которого немислимо освобождение русского народа от гнета безбожного интернационала. Русский народ обретает свой голос и сознание.

Не в укор, унижение или угрозу другим народам России говорим мы это. Но всем нам, переживающим и пережившим болезнь марксизма очевидно, что без деятельного, ведущего участия народа Великой, Белой и Малой России, освобождение *всех* народов России невозможно. Более того: в современной геополитической обстановке, русский народ — единственный залог выживания многих народов Российского Содружества.

Исторический долг русского народа не легок. Выстрадав болезнь коммунизма, Россия выработала в себе могущественный потенциал подвига и святости. Это только еще потенциал, ему нужно еще проявиться, он потребует еще много жертв, но этот потенциал есть, и реальная сила его — залог будущей победы добра.

Недавно мы, свободная часть русского народа и русской Церкви, прославили новых мучеников и исповедников российских. Прославляя их мы не „делаем” их святыми, как говорят некоторые — святыми их сделал Господь Бог и их мученичество и исповедничество. Мы же всенародно, от лица всей России признали их свя-

тость, отдали должное им поклонение. Эта святость подвига, мученичества и исповедничества есть тот камень, который ляжет в основание нового государства российского.

Прославление новомучеников и исповедников российских напоминает нам, что мы — нераздельная часть русского народа, плененного большевиками. Мы на свободе, на нас лежат великая ответственность и долг: не посрамить Земли Русской. Зарубежная Россия свидетельствует, что народ наш и государство наше не по доброй своей воле терпят владычество узурпаторов в Кремле. Это свидетельство — неотъемлемое наше оружие и право.

Долг наш и ответственность наша объединяют нас. У каждого из нас есть личные идеалы о том, какой должна быть свободная Россия. Есть среди нас и монархисты и республиканцы; но общее движение наше, за свободную, национальную, христианскую Россию соединяет нас в одно целое.

День Непримируемости — день памяти, день самооценки, день самоотчета. В 64-ю годовщину революции, как и в первую, мы — дети России — не примиримся с врагами нашего народа, нашей веры, нашего государства.

Каждый день нашего бытия, пока в России коммунистическая власть — каждый из этих дней — день нашей непримируемости. Мы знаем, что и в отечестве нашем есть многие подобные нам, болеющие судьбой России, борющиеся за ее свободу. Сегодняшний день — и их день. Непримируемость наша — непримируемость всего русского народа, где бы он ни находился.

Борьба продолжается. Соппротивление, начатое на полях гражданской войны, продолженное и в мирное и в военное время, преобразуется, но не иссякает. Мы верим, что с помощью Божией, Россия снова будет свободна. Мы надеемся, что сроки близки. Но если даже

придется долго бороться и ждать, не ослабнет наша любовь к России, не устанет наша вера в ее будущее, не иссякнет наша непримиримость.

В. Н. Беляев

День Непримиримости, 7 ноября, 1981

„Национальная идея опирается не только на этнографические и исторические основания, но прежде всего на религиозно-культурные, она основывается на религиозно-культурном мессианизме, в который с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство. Так оно было у величайшего носителя религиозно-мессианской идеи — у древнего Израиля, так оно остается у всякого великого исторического народа. Стремление к национальной автономии, к сохранению национальной, ее защите есть только отрицательное выражение этой идеи, имеющее цену лишь в связи с подразумеваемым положительным ее содержанием. Так именно понимали национальную идею крупнейшие выразители нашего народного самосознания — Достоевский, славянофилы, Вл. Соловьев, связывавшие ее мировыми задачами русской Церкви или русской культуры. Такое понимание национальной идеи отнюдь не должно вести к националистической исключительности, напротив, только оно положительным образом обосновывает идею братства народов, а не безнародных, атомизированных „граждан” или „пролетариев всех стран”, отрекающихся от родины. Идея народности, таким образом понимаемая, есть одно из необходимых положительных условий прогресса цивилизации”.

С. Н. Булгаков. „Героизм и подвижничество”. Сборник „Вехи”. Москва, 1909.

Новогоднее пожелание на 1982 год тем, кто еще не ушел в благоденствие

В русской зарубежной и даже иногда в туземной печати появляются отчеты о выступлениях организаций в защиту имени РУССКИЙ, против его смешения с „советским” и даже конкретно указывающих западному миру пути ко всеобщему миру, через Возрождение Свободной России. Наиболее значительным выступлением такого характера мы обязаны Конгрессу Русских Американцев. Оно содержится в резолюции пятого съезда этой организации, принятой 24 мая 1981 года в городе Сиракузы, Н.-Й., США. Привожу несколько выдержек из резолюции:

„... Наблюдается очернение доброго русского имени, от которого мы, русские американцы, терпим моральный и материальный ущерб. Это очернение создается средствами массовой информации, членами законодательных учреждений и администрации, отождествляющих Россию с СССР, а русских — с коммунистами...”

„... Закон 86—90 о „порабощенных” нациях не упоминает русский народ среди наций, порабощенных коммунизмом. Мы считаем это оскорбительным по отношению к нам, русским американцам, и к русскому народу — первой жертве международного коммунизма. Закон 86—90 несет в себе шовинистическое стремление возложить вину за злодеяния международного коммунизма на русский народ и отвлечь внимание от угрозы коммунистической идеологии, чуждой традициям русского народа. Русофобия во всех ее проявлениях должна осуждаться так же, как осуждаются расизм и антисемитизм...”

„... Во внешней политике существующее положение требует полного возрождения и применения доктрины

Монро для предотвращения дальнейшего захвата международным коммунизмом государств в западном полушарии. Очаги коммунизма в западном полушарии должны быть обезврежены и ликвидированы...”

„... США и их союзники должны по мере сил поддерживать антикоммунистическое сопротивление. Эта борьба должна вестись, прежде всего, на идеологическом фронте — против марксизма-ленинизма как порочных и анти-человеческих идей, с разоблачением применения этих идей на примере многострадального русского народа...”

„... В СССР существует жестокая дискриминация русских. Это выражается в самом низком экономическом уровне жизни среди русских по сравнению с другими народами СССР...”

„... После десятилетий безбожной советской тирании среди русского народа стихийно растет чувство самосознания. Это самое отрадное явление из современных событий. Рост национального самосознания пугает коммунистов и их приспешников, оно содержит в себе полный отход русского народа от коммунистической идеологии, вырождение и крушение коммунизма в СССР и освобождение мира от неуверенности и опасений за свое будущее...”

„... Внешняя политика США по отношению к СССР должна быть ясна — русский народ должен быть заверен в том, что США являются его другом. Русскому народу нужно протянуть руку дружбы через головы советского правительства. Без свободной России не может быть свободного мира!...”

Из резолюции Конгресса Русских Американцев те, кто еще считает своим долгом служить Родине, должны выделить главные положения. Их мы должны всеми доступными способами внушать руководителям пока еще свободных стран.

1. КТО ВАШ ВРАГ? — Конечно, не „русские”, которых вы неосмысленно ставите на место „советских”.

Анголу, Мозамбик, Южный Йемен, Эфиопию, Вьетнам,

Камбоджу, Лаос и другие страны оккупировали не русские, а международные КОММУНИСТИЧЕСКИЕ силы и в этих странах не русские колониальные режимы, как когда-то были английские, а чисто КОММУНИСТИЧЕСКИЕ режимы. От того, что мозги и центральное управление мировым коммунизмом находятся в Москве, ваш враг — коммунизм, не становится русским, а остается интернациональным. И вы видите, как он стремится к власти над всем миром, охватывая, как щупальцами, все жизненно необходимые для вас районы, богатые нефтью и сырьем.

Ваше спасение только в одном:

— осознать, что враг свободного мира, это — КОММУНИЗМ и

— иметь мужество, силу и умение сказать это вашим народам. (Даже через противление ваших же капиталистов, наживающих барыши на торговле с Советами, при вашей же помощи бесконечными кредитами, которые дают ваши государства Советскому Союзу для обогащения беспринципных торгашей!)

2. КТО ВАШ СОЮЗНИК? — В тот день, когда вы перестанете обвинять „русских” во всех злодеяниях мирового коммунизма, русский народ (больше всех пострадавший от коммунистического режима) перестанет подозревать вас в захватнических целях и в разжигании „третьей мировой”, которой он боится гораздо больше вас.

Протяните ему руку, скажите и докажите, что вашей целью является только сопротивление распространению коммунистической власти на земле и что вы готовы поддержать всякого, кто будет за это бороться. И вы обретете САМОГО МОЩНОГО СОЮЗНИКА!

Одновременно, помните всегда, что сторонники „расчленения” России (самостийники украинские, белорусские, грузинские и т. п.) имеют одну цель — САМИМ ЗАХВАТИТЬ ВЛАСТЬ в облюбованных ими районах России, попав туда на ВАШИХ танках и самолетах.

И еще раз, помните, что три четверти населения этих

областей (Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и др.), гордясь своей землей и любя ее, все же считают себя россиянами. Поэтому, не оскорбляйте их, приписывая им, первым жертвам коммунизма, все его злодеяния.

В. Песец

... А вот и пришлось окунуться по горло в языческую, механическую жизнь чужих народов, и вспоминаешь свой родной, домашний мир, как прекрасный детский сон. Где еще есть такая жизнь? Нигде, как на Родине. Будет она там, когда люди наши очистятся от греха, и когда возвратятся к Богу. И как просто это понять, когда воспитан добрыми родителями, что все — в Руке Божьей, и что ничего без Его Воли не бывает. Так просто видеть Волю Божью в делах и вещах. И даже больше, нет жизни, нет счастья без сознания Бога. Самая жизнь была бы невыносимым издевательством, если бы не было Высшей Силы и Света Разума в мире. Для чего быть лучшим, добрым, если нет совершенного Добра в мире? Для чего любить людей, если нет Любви над ними? Можно жить в мире, имея Мир над собой, любить других, имея Бога Любви и верить в лучшее, имея всяческое лучшее над собой. Только так можно жить на земле. Остальные виды жизни — не жизнь, а одна суета. В суете жить, так, не стоит того!..

*Ю. Миролубов. „Бабушкин сундук”.
Сборник рассказов. Мадрид, 1974.*

Открытое письмо соратникам и друзьям

... Много кривотолков слышно сегодня по вопросу о Прославлении Новомучеников; отнюдь не меньше распространяется с некоторого времени по вопросу о нашем отношении к Ветхому Завету; третьей „злойбой дня“, несомненно, является распространяемая ныне новая волна „совпатриотизма“ в связи с якобы уже принявшим широкие формы движением „возрождения“ у нас в Отечестве. На все эти вопросы мы должны дать один, общий ответ.

Наша цель есть возрождение Русского Православного Царства. Наш девиз: „За Веру, Царя и Отечество!“. Вот почему на первом месте стоит Православие. Мы должны не только сохранить, но и нашим потомкам передать, неизблемую верность нашей РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЕ, которая выкована на основе Ветхого и Нового Заветов, в том толковании, которое нам заповедано Отцами нашей Церкви. Поэтому все новые толкования Библии нам неприемлемы. Огромный грех берут на себя новые толкователи Ветхого Завета — они самонадеянно берутся исправлять учение Церкви, полагаясь на свой ум, забывая, что если была Святая Русь, то она возростала именно на тех истинах, которые они теперь пытаются ниспровергнуть. Они подлинно уподобляются богоборцам.

Мы твердо стоим за нашу Русскую Православную Церковь Заграницей, свободную от всяких уз с коммуниз-

Примечание редакции: Письмо Н. И. Сахновского, суровые суждения которого (например о русских женщинах) разделят, видимо, далеко не все читатели, мы публикуем с сокращениями. Редакция рассматривает это письмо как своего рода ответ или отклик на статью И. Иванова „С кем мы?“

мом и еретиками. Не следует судить в излишне категорических формах ни духовенство, ни прихожан, находящихся под пятою большевизма. Мы верим и признаем, что и там и тут, как среди духовенства, так и среди мирян, есть подлинные праведники и подлинные отступники. Так было всегда, но Церковь Христова устояла и устоит до конца мира.

Великое дело прославления Новомучеников совершенно Зарубежной Церковью. Все истинно верующие твердо верят в подлинную Святость прославленных Новомучеников. Отступники не признают Святым и Отца Иоанна Кронштадтского!!! Не будем смотреть на отступников и предателей, а будем молиться Святым Угодникам и Мученикам и просить их помощи и молитв перед Престолом Всевышнего. И в первую очередь Святого и Благочестивого Царя-Мученика Николая...

... Пришло время серьезно взвесить положение дел у нас в нашем Отечестве. Если мы вспомним положение дел перед началом 2-й мировой войны, то мы не пройдем мимо той волны т. н. „совпатриотизма“, которая захватывала широкие массы эмиграции. „Младороссы“, „евлогианцы“, „Последние Новости“ Милюкова масса просоветских клубов, все т. н. „демократические“ круги — все было за Сталина, который, якобы, защищал „нашу Родину“ против нашествия „фашизма“. В России — мол — произошла „эволюция“...

Как же думал сам русский народ? Это стало очевидно с первых дней начала войны: советские войска сражаться не хотели и сотнями тысяч, с оружием в руках, переходили на сторону немцев, поверив что немцы идут НЕ ПРОТИВ РОССИИ, а против КОММУНИЗМА. Настроение переменялось только, когда население России убедилось в своей ошибке — только тогда начались настоящие бои и наступил немецкий разгром. Но Сталин поймал народ на новом, чисто сатанинском, обмане. Какова была судьба всех возвращавшихся военнопленных??? Поголовное уничтожение!!! „Союзнички“ и „демократы“ занимались репатриацией. Разве нам неизвестна судьба вы-

данных казаков и власовцев??? У национальной России оказались только враги! Так было во времена 2-й мировой войны. Каково же положение сегодня?

Никаких друзей у национальной России не появилось. Вместо друзей американские газеты говорят о „стальном обруче“, окружающем СССР. Этот обруч составлен из США, стран Европы, Израиля, Китая и Японии. Это окружение направлено отнюдь не против коммунизма, но именно против России и русского народа. С коммунизмом идет оживленная торговля, развивается „существование“, идет „культурный обмен“ и заключаются различные договоры. Против России идет травля. Только это мы и видим во всем „свободном мире“! Демократическая погань только и ожидает момента, когда будет возможно разрезать Россию на 100 „самостийных“ республик.

Каково же истинное положение *сегодня* у нас в Отечестве? Все население ненавидит коммунистическую власть, конечно кроме членов администрации, то есть коммунистов, которые дрожат за свое личное будущее и защищают поэтому существующее положение. Но население знает по опыту, что все обещания и заверения властей *всегда основаны на обмане и лжи*. Поэтому все, что говорит власть и вся пропаганда выслушивается даже без возражения — раз говорит партия, значит надо понимать наоборот! Отсюда ненависть к партии, но никакого ответа пропаганда не получает. Люди против партии и против всякого „социализма“, но не имеют ясного понятия за что следует бороться. Несомненно, есть проблески духовного возрождения, но они еще сравнительно слабы. Если бы появился Вождь — 80% населения поддержало бы его, но пока Вождя не видно.

Поэтому, пока положение не изменилось, даже если начнется война, наше место может быть только в стороне. Становиться в ряды „Красной“ армии, пока она остается „красной“, нам никак нельзя. Становиться в ряды „демократов“ и иже с ними — нам не к лицу. По меньшей мере пока ясно не сказано, *какая истинная цель* пре-

следует. Немцы кричали против коммунизма и демократии, но оказалось, что они просто лгали, а эти *открыто идут просто против России*. Поэтому мы можем только ожидать слово самого русского народа.

Что же видим мы в рядах национальной эмиграции? Огромная, подавляющая масса просто ушла в быт. Вина за это на все 100% лежит на русских женщинах. „Только не занимайся политикой!“, „Зачем ты идешь на собрание?“, „Вот лучше займись делом — подмети двор!“, „Если у тебя есть деньги — поедем отдохнуть, а о России и о старом давно пора забыть!“ Оглянитесь вокруг себя и посчитайте дам, которые говорят своим мужьям что-либо иное... Веками мужья опирались на жен и стояла Святая Русь!!! Теперь женщины сеют только плевелы. Нет ничего удивительного, что дети этих жен растут без основ морали и становятся ворами и убийцами. Единственный интерес и подлинный смысл жизни — деньги и деньги. Причем деньги не для дела, но только для удовлетворения своих страстей... Вот истинное положение наших дел.

Скажем прямо: нас могут интересовать только те, для кого слова Вера и Верность не потеряли еще своего смысла. Наша задача, чтобы наш голос доходил до них...

Н. Сахновский
Ген. представитель Российского
Имперского Союза-Ордена в
Южной Америке

Письма редакции альманаха „ВЕЧЕ“
направлять по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e.V.

O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

Его Превосходительству
Президенту Соединенных
Штатов Америки
Рональду Рейгану
Белый Дом, Вашингтон

29 марта 1982 г.

Ваше Превосходительство! Господин Президент!

Недоумение, боль и тревогу вызывает появление в американской печати статей, в которых ставится вопрос об атомном геноциде русского народа. Не о ядерной стратегии, как таковой. Не о разрушении военных объектов противника. А именно об убийстве русских.

Один из примеров тому — статья бывшего начальника объединенных штабов вооруженных сил США генерала Максвелла Тайлора — „Новый критерий обороны” — в газете „Вашингтон пост” от 14.1.1982 г. Генерал Тайлор, ставя перед американскими вооруженными силами задачу поражения „достаточного количества целей врага для уничтожения Советского Союза, его правительства, общества и экономики” предписывает: „По возможности эти цели должны находиться в областях, населенных преимущественно *русскими* по происхождению людьми, чтобы не причинить вреда нерусским республикам”. Генерал считает, что задачу окончательного уничтожения остатков русского народа, переживших американский ядерный удар, охотно возьмут на себя соседи России и нерусская часть населения СССР. Он пишет: „То, что останется (*от русского народа*, разрядка наша), достанется на расправу враждебным соседям, мстительным сателлитам и нерусским элементам населения страны. На наличие такого этнического фактора обратил мое внимание профессор Гари Л. Гуртнер своей статьей

„Стратегическая уязвимость многонационального государства: устрашение Советского Союза” в журнале ”Political Science Quarterly”.

Тридцать шесть лет назад американские судьи участвовали в Нюрнберге в осуждении на смерть нацистских деятелей, в частности, за совершение геноцида. Теперь печать демократической Америки считает возможным откровенно писать о планах, которые даже Гитлер в своей книге „Моя борьба” и Розенберг в книге „Миф двадцатого века” стеснялись упомянуть прямо.

Мы отдаем себе отчет в том, что в условиях существующей в США свободы, в органах печати могут высказываться самые чудовищные и бредовые воззрения без того, чтобы на них обращала внимание правительственная администрация. В данном случае, однако, налицо мнение человека, недавно занимавшего один из ключевых постов американского правительства, который, даже находясь в отставке, представляет взгляды высокопоставленных американских кругов.

Генерал Тайлор отмечает, что на ход его мысли оказала влияние работа профессора Г. Л. Гуртнера. Нам известны и другие работы некоторых американских ученых, даже лиц, занимающих ныне высокие посты в администрации, возглавляемого Вами, Господин Президент, правительства, провоцирующие „логику” следуя которой политические и военные деятели США могут пойти по стопам генерала Тайлора и осуществить его призывы на практике. И именно поэтому, мы ожидаем от Вас, что Вы обратите внимание на наше письмо, найдете возможность и пути для пресечения тенденций, толкающих не только Соединенные Штаты Америки, не только Россию, но весь мир, все человечество в бездну гибели.

Мы имеем в виду, прежде всего, пагубную тенденцию отождествления русского народа с коммунизмом. Эта тенденция — есть следствие, как бездумно-легкомысленного, так и преднамеренного искажения множества фактов истории России и почти 65-ти летней истории Советского Союза, многими американскими

учеными и политиками, оказывающими влияние на определение генеральной линии внешней политики США. Они не только искажают исторические факты, но и умалчивают о борьбе русского народа с коммунизмом — вооруженной в первый период коммунистического владычества в России, а затем подспудной, длящейся на протяжении шести последних десятилетий, продолжающейся поныне. В частности, эта тенденция отложила злобещий отпечаток на деятельность некоторых государственных инстанций США, таких например, как радиостанция „Свобода”, которая, в сущности, превращена в орган, вызывающий глубокую неприязнь русского народа к Америке и американцам.

Мы ожидаем от Вас, Господин Президент, не только ответа на цитируемый в этом письме призыв отставного генерала, рассуждающего о возможности уничтожения русского народа, но и четкой формулировки американской политики по отношению к этому народу и коммунизму. Мы считаем, что одна из моральных основ этой политики должна базироваться на сознании исторической вины западных союзников в первой мировой войне, в том числе Соединенных Штатов Америки перед Россией и русским народом за то, что не пришли на помощь ей, когда настал самый тяжелый час ее истории — захват власти международной кликой большевиков.

Ваше Превосходительство, Господин Президент!

В современном мире сложилась такая обстановка, что на Ваши плечи ложится ответственность, миновавшая многих Ваших предшественников на высоком посту главы американского государства. И только Вы можете взять четкий курс на разрушение коммунизма, угрожающего всем народам, всему человечеству. Только Вы можете принять стратегию союза, в этой решающей дальнейшие судьбы мира борьбе, с поработенными коммунизмом народами, главным образом, с русским народом. Только Вы можете практически воплотить в жизнь политику, предоставляющую русскому народу место первого и главного союзника американцев

в этой борьбе; политику, помогающую русскому народу, сплотившись вокруг своих национальных и религиозных ценностей и воодушевившись своей национальной гордостью и чувством долга перед своим же отечеством, сбросить своих поработителей.

Что было возможно в Венгрии в 1956 году — возможно и в России. За исключением того, что не будет чужих танков, чтобы подавить восстание.

Что было возможно в Чехословакии в 1968 году — возможно и в России. И сил стран Варшавского Договора не хватит, чтобы прекратить процесс высвобождения.

Что было возможно в Польше в 1980—81 годах — возможно и в России. И даже китайских танков не хватит, чтобы вновь подавить раз поднявшийся народ.

Все это возможно лишь при одном условии — при условии честной американской политики, при которой не будет места для русофобии, для взваливания вины за преступления коммунизма на русский народ.

Это — один вариант. Другой — война. Ядерная война. И не просто ядерный геноцид русских, безопасное для США уничтожение 150.000.000 людей в России! Они свою жизнь продадут дорого!

Путь союза с русскими требует от Вас, Господин Президент, и от Америки, ее народа, очень многого. Долгого дыхания, ибо многое уже упущено. Ясного видения будущего и готовности к отказу от оппортунистических шагов, которых будто бы требует „здравая”, „реалистическая” политика сегодняшнего дня, подсказываемая Вам и Вашей администрации советниками, мысли и действия которых определяются их ненавистью к русскому народу, наряду с терпимостью к коммунизму. А самое главное — христианской честности с самими собой и по отношению к задаче, перед которой Вас и Вашу великую страну поставил Господь Бог!

С глубочайшим уважением
О. Красовский
(Председатель РНО в ФРГ)

О СЕПАРАТИЗМЕ

Многоуважаемый г-н редактор!

В надежде, что на страницах вашего журнала найдется и место для правого крыла российского зарубежья, позвольте мне коснуться весьма злободневного вопроса об украинском сепаратизме.

Пропаганда украинских сепаратистов на Западе почти не встречает противодействия. Особенно в последнее время десяткам украинофильских брошюр и статей едва можно противопоставить скудное количество материала, объективно освещающего вопрос о возможности расчленения России. В связи с этим следует указать, что одной из основных, а может быть и главной ошибкой западного мира является ложное представление о многоплеменной и многонациональной России, как о стране колониальной, как о государстве, в котором господствовал в прошлом и господствует в настоящее время один народ — великороссы.

Иностранцам трудно, а зачастую и почти невозможно, разобраться в непрерывном потоке свидетельств, фальшивок и тенденциозно подобранных материалов, текущих из сепаратистских кругов, а также, к сожалению, и из рядов многочисленных „прогрессивных” представителей последней эмиграции, нахлынувшей на западный мир. Как и сепаратисты, они берут на себя смелость предлагать „декларации” от имени русского и украинского народов, о возвращении „национальной” независимости исконным органическим частям России; иными словами, стремятся к расчленению страны, которая ходом истории и общностью интересов уже 1100 лет связана в единое *содружество*. Невероятным кажется, что украинские сепаратисты и новоявленные расчленители

из рядов последней эмиграции не желают понять, что за более чем полстолетия коммунистической власти все же не удалось убить душу народную, не удалось полностью выправить из нее ни Православия, ни любви к отечеству, ни здорового инстинкта национального самосохранения. И вот именно теперь, когда русский народ в своей массе, за исключением подавляющего большинства эмигрантов из „3-ей волны”, потянулся к своему историческому и культурному прошлому, от которого он был изолирован властью от 1918 до середины 30-х годов, расчленение России и связанное с этим полное уничтожение российской государственности (по словам почти всех знакомых мне русских людей из Советского Союза, — „Режимы уходят и приходят, а Россия остается”), отклика у русских людей в Советском Союзе не найдет, а лишь сблизит народ с властью для защиты единства страны.

Без всякого сомнения, против расчленения народ пойдет даже с ненавистным ему режимом как это произошло во время 2-й мировой войны. Национальное чувство оказалось сильнее, чем ожидали Гитлер и Розенберг и разгром немецкой армии есть, безусловно, результат именно патриотического чувства в его самом реальном виде.

Итак, для этих „пальмерстонов” нашего времени, с таким азартом указательным перстом делящих Русь на карте, может быть полезна следующая выдержка из немецкого документа о положении дел на Украине в марте 1918 года. Автор документа, Колин Росс, широко известный немецкий публицист, служил в военном отделе немецкого министерства иностранных дел и был прикомандирован к штабу Восточного Фронта, когда немецкие войска в марте 1918 года заняли Украину. Доклад, представленный Россом начальнику оперативного отдела об обстановке на Украине, характеризует ее в следующих общих выражениях:

1. Явно выраженный социальный характер смуты и революции на Украине, как например, „опоясанные око-

пами деревни, ведущие друг с другом войну за помещичью землю”.

2. Отсутствие корней у украинской самостоятельности, защитником которой, по определению автора доклада, является лишь „небольшая группа политических идеалистов”, как и „отсутствие интереса в народе к национальной самобытности”.

3. Большевистские настроения не только рабочих в городах, имевших русскую прослойку, но и украинского населения, жаждущего мира и помещичьих земель, обещанных большевиками.

4. Нахождение большевиками опоры не только в расположенных на территории Украины воинских частях старой русской армии или посланных из центра красной гвардейских отрядов, но и в многочисленных сторонниках из самого украинского населения.

5. Отказ украинских войск „Рады” от борьбы с большевиками, в виде объявления ими нейтралитета при занятии большевиками Киева, так же, как и отсутствие поддержки „Рады” в широких кругах украинского населения*.

Доклад отмечает, что „бежавшие из Киева от большевиков члены „Рады” не были приняты в Житомире и вынуждены были рассеяться”. Доклад Колина Росса являлся в то время ушатом холодной воды для немецкого командования. То, что этот доклад не искажал обстановки тогдашнего времени на Украине, свидетельствовали дальнейшие события. Полная импотентность — политическая и административная — привезенного немцами с собой правительства „Рады”, заставляет вскоре организовать новую власть. „Рада” разгоняется. Немцами инспирируется переворот „хлеборобов”, — правых украинских кругов, — не встречающих никакого сопротивления в населении. Русский генерал царской свиты Скоро-

* Доклад Колина Росса заимствован из „Архива русской Революции”, издававшегося Гессеном. Берлин, 1922, том 1, сс. 288—294.

падский, потомок прежних гетманов, выдвигается в гетманы Украины в надежде, что украинская военная диктатура заменит недостающие политические предпосылки для существования нового сателлитного государственного образования.

Однако, и эта попытка создания правой украинской государственности не дает успеха. Скоропадский не находит опоры ни в русских антибольшевистских силах, которым он широко открывает двери на севере для перехода на Украину из большевистского центра, ни в украинских кругах. Для русских сил более мощным центром притяжения оказывается Добровольческая армия генерала Деникина, ведущая бескомпромиссную борьбу с большевиками под лозунгом „Единой России“, сохраняющая верность западным союзникам. Украинские же силы не оказывают поддержки правой украинской государственности, как они не оказали таковой и до того левой „Раде“. Скоропадский имеет возможность опираться лишь на немецкие оккупационные войска.

Начало же заката военной мощи Германии летом 1918 года, сначала на Балканах, затем и на западном фронте, кладет конец этой поддержке. В связи с этим изменением обстановки Скоропадский берет курс на сближение с Добровольческой армией, ведущей в то время тяжелые бои на Северном Кавказе. Из его правительства удаляются „щирые“ самостийники и вводятся политически менее профилированные лица, как старые царские чиновники Гербель и Афанасьев.

В манифесте Скоропадского по случаю данного изменения политики указывается, что *Украина всегда считала себя „дочерью России“*. В ответ на это изменение политического курса население Украины безмолвствует. Лишь Петлюра, опираясь на отряды галичан, составленные из бывших солдат австрийской армии, поднимает восстание против Скоропадского. Борьба этих двух течений (украинских) не захватывает широких масс и ведется не самими украинцами. Опорой Скоропадского являются слабые русские офицерские отряды генера-

ла Кирпичева, которых одолевают отряды галичан, подчиняющиеся Петлюре. Однако, сам Петлюра удерживается в Киеве лишь два месяца. Он без боя сдал столицу продвигающейся Красной армии, в составе которой важную роль играют украинские полки левобережной Украины. Петлюра, Коновалец, Левицкий и другие деятели украинского движения *бесславно отступают за Впнярку, Жмеринку и Каменец-Подольск под защиту поляков*. Так кончается к концу 1918 года этап попытки становления самостийной, „незалежной” Украины.

Оставляя вне рассмотрения дальнейшие перипетии гражданской войны на территории Украины, можно лишь вкратце отметить, что в 1919 г. власти большевиков над Украиной, через 9 месяцев после изгнания Петлюры из Киева, пришел конец, когда наступлением Добровольческой армии была освобождена сначала левобережная, а затем и значительная часть правобережной Украины. Интересно, что, когда под напором Добровольческой армии с востока 12-ая советская армия очищала Киев, к городу подошли с запада отошедшие в свое время в Польшу галицийские отряды, сформированные польским генералом Галлером. Город был занят одновременно обеими сторонами: двумя русскими батальонами с трехцветным русским знаменем Добровольческой армии и галичанами. На чьей стороне были симпатии населения? Они оказались не на стороне галичан. Русские части были засыпаны цветами и, как только два слабых батальона добровольцев двинулись для занятия Киева, украинские части без боя ушли из западной половины города. Их командование поняло, что боя принять было нельзя, так как симпатии населения были на стороне России, представленной добровольцами, а не на стороне украинцев-галичан. Когда впоследствии в тылу Добровольческой армии на Украине возникает, в силу политических ошибок руководителей Добровольческой армии, партизанское движение, его руководители: Махно, Шуба, Григорьев и другие, — не выдвигают националистические лозунги, а только крайне социаль-

ные, направленные против Добровольческой армии не как против русской, а социально-реставраторской, помещицей.

К слову, многие сепаратистские публицисты и историки ссылаются на банды батьки Махно, как на проявление украинского патриотизма. Но это чистой воды мистификация. Что Махно получал финансовую поддержку и от петлюровцев и от большевиков, чтобы вести партизанскую войну в тылах Деникина, это вполне вероятно; но появление его шаек было вызвано отнюдь не националистическими побуждениями; они порождены войной, разорением, голодом и развалом государства, и лозунг махновцев — „Власть царю, земля народу”, звучит отнюдь не по-украински, а уже совсем по всероссийски.

Так же и в Белых армиях Юга России людской состав наполовину, если не больше, состоял из украинцев, сыновей крестьян и трудовой интеллигенции. В борьбе против большевиков они выбрали Белую армию, а не сепаратистские формирования Петлюры. А на стороне красных боролись массы зараженных большевизмом украинцев. Известные Таращанская и Богунская дивизии, выбросившие за Збруг малочисленные остатки петлюровцев — состояли из украинцев, равно как и отряды Щорса и Котовского. Выбирали не Петлюру, а Белую или Красную армию потому, что сепаратизм тогда, как и по всей вероятности теперь, был чужд подавляющему большинству украинского народа. Повторим, что к петлюровской аванюре украинцы отнеслись вполне безразлично. И когда немцы убрали свои войска, защищать „незалежную” Украину было некому. Как пишет Колин Росс *здесь как и по всей России шла борьба между белыми и красными, а не между русскими и украинцами.*

Когда же отгремела гражданская война, наступило относительное затишье и началось „построение” коммунизма в мирной обстановке, бежавшие за границу вожди сепаратизма „покаялись”, вернулись на родину и при-

няли активное участие в этом „построении” — президент самостийной Украины Грушевский, главнокомандующий Тютюнник, два премьера — Голубович и Винниченко. Все это подтверждает, насколько неглубоки, несерьезны были сепаратистские настроения даже у вождей.

Кто же строил коммунизм на Украине? Русские-великороссы, как утверждают с пеной у рта сепаратисты?

История, однако, показывает другое. Начиная с председателя украинского большевистского правительства еще времен гражданской войны — Коцюбинского и его близких сотрудников Затонского, Любченко, Скрыпника, Чубаря и им подобных крупных вождей, и кончая деятелями районного масштаба и комсомольцами, проводившими раскулачивание и коллективизацию своих же украинцев по селам и хуторам. Кстати расстрелами занимался чекист Саенко — тоже не великоросс.

Итак, можно с уверенностью сказать, что народы теперешней России стремятся не к разрушению веками созданного и кровью спаянного единого государства, а к освобождению от коммунистической кабалы и неволи. И несмотря на то, что сепаратисты и их многочисленные подголоски из последней эмиграции хотят представить Западу, что украинцы и другие народы России это „порабощенные”, на самом деле они ни в чем не отличаются от русских в рабстве и нищете.

В связи с этим, для сведения сепаратистов, следует также указать на весьма существенный факт в истории России. Ни одна нация в истории человечества не строила и не постигла такой государственности, при которой все, втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя — одинаково удобно или неудобно, — но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно, то всем, если было неудобно — то тоже всем. Это и есть основная черта русского государственного строительства. Она может называться интернационализмом, космополитизмом, универсализмом или „вселенскостью”, — но она про-

ходит определяющей чертой через всю русскую историю.

В своем усердии балканизировать Российское государство на веки вечные, уничтожить содружество народов на великой равнине сепаратистские горе-геополитики показывают, мягко выражаясь, полное непонимание исторического процесса российской государственности.

В связи с этим приведем для них несколько событий из истории России, широко известных мало-мальски образованному россиянину. Попытка польского короля Сигизмунда III, поддержанного императором Священной-Римской Империи Рудольфом II, шведским королем Карлом IX и Папой, разделить Русь, закончилась таким разгромом в 1613 году, от которого Польша никогда уже не оправилась и в конце концов потеряла свою независимость. Карл XII кончил Полтавой, Бендерами и преждевременной могилой под стенами Фредрикстена 30 ноября 1718 года, а Швеция из мировой державы превратилась в не имеющее значение государство.

Великий Наполеон кончил Бородиным, Малоярославцем, Березиной и одинокой могилой на св. Елене, маленьком затерянном в океане островке, а Франция потеряла свое значение как вершительница судеб Европы. Адольф Гитлер и его самая мощная армия в мире была разбита не коммунистической партией, а именно российским народом, боровшимся против расчленения России.

Я закончу пророческими словами из труда князя А. М. Волконского „Историческая правда и украинофильская пропаганда”, написанного 60 лет назад, но не потерявшими свою актуальность:

„Что ж, делите Россию! Но помните, что ваши решения для нас не указ. Вы (совещание держав Согласия в Сан-Ремо. — Л. Б.), к счастью, нас не пригласили на ваши совещания. Окрепнув, мы будем свободны решать нашу судьбу по своей воле. Помните еще, что пример заразителен, и что в наш век нельзя безнаказанно будить или поддерживать разрушительные инстинкты в чужой хотя

бы и далекой стране. Вы не убили большевизма у нас, когда он был в зародыше; не прошло двух лет и его уродливые и страшные щупальцы заползают через все щели в ваши дома; вы поддерживаете центробежные силы у нас — они проснутся и в ваших странах. Кто знает, не пожалеете ли вы уже в ближайшие годы, что посягнули на целость Русской земли и на единство русского народа”.

С уважением,

Леонид Барат-Баранов

*Представитель Тройственного Союза
Казakov Дона, Кубани и Терека в
Западной Германии и Австрии*

Часовой

ЗА РОДИНУ, ЧЕСТЬ И СВОБОДУ !

Орган связи Российского
Национального Движения
под редакцией В. В. ОРЕХОВА

Годовая подписка: страны Бенелюкса 450 бельг. фр.
Франция 60 фр. фр. Германия 40 НМ, США, Канада и
другие неевропейские страны 15 ам. долларов. Воз-
душная почта дополнительно 3 ам. доллара в год.

B. Orekhoff, 26 avenue Everard
B 1190 Bruxelles, Belgique

„Ч А С О В О Й”

Стоит на посту 52 года!
Он ждет Вашей поддержки!

„... Гитлеровские войска, старательно уничтожавшие русские культурные ценности в петербургских пригородах, в Новгороде, в Париже и в Праге, выдали факт живучести на Западе давнишней неприязни к сочетанию слов: „культура” и „Россия”. За двести лет наше западническое лицо ничего кроме плевков или снисходительных усмешек не получало от Европы. Но мы стали пользоваться бешеным успехом как только обернулись к ней „своею азиатской рожей”. Оказалось, что это то и есть истинный европеизм. Теперь уже не одни миллионные толпы распропагандированного темного люда, но добрая половина ученого, литературного, артистического Запада сделала Москву своей Меккой. Презиравшаяся и ненавидимая столица национальной России поднята ныне на щит как столица мирового коммунизма. Запад любит советский коммунизм — создание своего духа, но ненавидит Россию историческую. От его первоначальной антисоветской идеологии ничего не осталось, она вся подменена идеологией антирусской. Ошеломляющая эпопея космических полетов приписывается не русскому гению, а победам коммунизма. Когда за границей гастролит русский балет, в газетах можно прочесть выражения восторженной благодарности: „Spasibo Nikita Sergeevich!” Но все коммунистические перевороты в Китае, в Индокитае, в Лаосе, в Индонезии единодушно относятся за счет „извечного русского империализма”. Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России. Нам приходится быть свидетелями триумфального шествия советского имени по всему свету и небывалого поношения имени русского. Ни в СССР, ни за границей нет ему заступников...”

Н. Ульянов. „Исторический опыт России”. Сборник статей „Скрипты”. Анн Арбор/США: „Эрмитаж”, 1981.

Е. Вагин

«Правда об убийстве Царской Семьи»

Недавнее прославление новомучеников российских и, в первую очередь, членов Царской Семьи, вызвало во всем мире новую волну интереса к их трагической судьбе.

На Западе, где давно специально интересуются этими темами, кино и телевидение предложили зрителям давние фильмы и инсценировки (как правило, весьма беспомощные по исполнению, безвкусные, а порой оскорбительные для русских — по содержанию); в прессе появились статьи и материалы, посвященные торжествам в Нью-Йорке.

Откликнулась на это событие — поразительно быстро — и советская пресса, что представляется особенно важным: ведь для подавляющего большинства сегодняшних русских в нынешней России она остается единственным источником информации (при том, что западные радиостанции на русском языке посвятили этому не столь уж много места). Так, например, при всей обычной глумливости тона и издевательских „комментариях” корреспондент газеты „Советская Россия” из Нью-Йорка в своем „репортаже” дал довольно детальное описание прошедшей торжественной церемонии — в номере от 5 ноября, как раз под „октябрьские праздники”!

Совпало по времени с прославлением Царственных Мучеников и появление на экранах нового советского кинофильма „Агония”. Фильм посвящен, разумеется, „агонии кровавого царского режима”, но — судя по отзывам западной печати — кое в чем он отходит от прими-

тивных схем советского Голливуда; главное же, в нем появляется Государь Николай Александрович, и, как будто, не в карикатурном виде. А я хорошо помню тот энтузиазм, который с некоторого времени вызывает в зрительных залах (так было и в мордовских политических лагерях) появление на экране *белых* офицеров, то видимое удовольствие, с каким молодые советские актеры исполняют роли „золотопогонников”, помню даже слова некоторых „белогвардейских” песен, исполнявшихся в такого рода фильмах, и потом получивших большое распространение.

При наличии подобных настроений на Родине одной из настоятельных задач российского Зарубежья становится — максимально помогать нашим соотечественникам объективной, нефальсифицированной информацией о подлинной исторической России — национальной, самодержавной.

За время существования антикоммунистической русской эмиграции на Западе, особенно — в первые годы, появилось большое количество публикаций, посвященных царствованию и личности Императора Николая Второго, убийству Царской Семьи и членов Дома Романовых. В последнее время некоторые из этих книг, являющихся поистине первоисточниками для восстановления исторической правды, были вновь переизданы (хотя и в ограниченном количестве экземпляров).

С благодарностью следует отметить деятельность, к сожалению, прекратившего свое существование издательства „Русское Слово” в Буэнос-Айресе и его возглавителя Н. И. Сахновского: им были переизданы две основополагающие книги о екатеринбургской трагедии — „Убийство Царской Семьи” Н. А. Соколова (1969) и „Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале” М. К. Дитерихса (1979). Вне всякого сомнения, переиздание таких книг, ставших практически недоступными не только в Советском Союзе, но и в свободном мире, нужно всячески приветствовать.

Такого рода переизданиями занимается и недавно ос-

нованное в Париже издательство „Лев”. Первая же книга, которой оно ознаменовало начало своего существования, была переизданная ценнейшая книга Пьера Жильяра — воспитателя Наследника Алексея Николаевича: „Тринадцать лет при Русском Дворе (Петергоф 1905 год — Екатеринбург 1918 год) — Трагическая Судьба Николая II и Царской Семьи” (1978). К сожалению, в перепечатанной фототипическим способом с русского перевода книге нет многочисленных фотографий, которыми снабжено оригинальное парижское издание воспоминаний Жильяра.

Издательство „Лев” опубликовало (1980) и „Книгу Воспоминаний” Великого Князя Александра Михайловича, в которой содержится много важнейших сведений о личности Государя Николая Александровича и дается замечательно точная характеристика той исторической эпохи.

Трудно удержаться от искушения процитировать одно место, столь характерное для „настроения” этих мемуаров:

„Императорский строй мог бы существовать до сих пор (книга была написана в 1933 году. — Е. В.), если бы „красная опасность” исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но — носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершен-

но напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах" (с. 196).

Вел. Князь Александр Михайлович с горечью отмечает: „Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могло бы составить толстый том..." (с. 197).

Такой „толстый том", право, следовало бы составить и издать — в назидание нынешним „образованцам", духовным наследникам радикальной и либеральной (в каком-то смысле это — одно и то же) интеллигенции, погубившей Россию. Тогда российской интеллигенции пришлось тяжело расплачиваться за революционные увлечения юности, но ныне — их внуки и правнуки — снова заводят все ту же опасную игру...

Наконец, говоря о переизданиях, нельзя не обратить внимание наших читателей на осуществленное Обществом распространения русской национальной и патриотической литературы в Вашингтоне второе издание капитального труда С. С. Ольденбурга „Царствование Императора Николая II" (1981). Первое издание двух томов этого замечательного исследования (Белград, 1939; Мюнхен, 1949) стало большой редкостью, и потому инициатива Г. А. Мейера, осуществившего переиздание, заслуживает высокой признательности всех тех, кто хочет знать правду о России Николая II.

Перейдем теперь непосредственно к книге, давшей повод для написания этой статьи. „Правда об убийстве Царской Семьи" — так озаглавил проф. П. Н. Пагануцци свой „историко-критический очерк", фрагменты которого публиковались в журналах „Перекличка" и „Православная Русь" и который теперь напечатан в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле.

„С начала шестидесятых годов на Западе усилился интерес к судьбе Царской Семьи и появился целый ряд книг с довольно фантастическим содержанием, — отме-

чает проф. Пагануцци во Вступлении к своему очерку. — Что в таких работах поражало — это какая-то острая неприязнь к Романовым...” (с. 22).

Автор оговаривается, что его работа „не является попыткой реабилитировать Императора Николая II, как человека и государственного деятеля, остановить 60-летний поток ложных обвинений, искусно направляемых большевицким режимом по нужному им руслу” (с. 23) — но при всем своем умеренном монархизме, он с глубоким уважением пишет и о Государе и о всей Царской Семье. Такое *непредубежденное* отношение к последнему русскому монарху представляется нам необходимейшим условием для каждого автора, который берется за эту труднейшую историческую эпоху... Проф. Пагануцци выражает надежду, что его „скромный труд проникнет за железный занавес, в Россию” и поможет восстановить исторический ход событий тех лет, фальсификация которых продолжается и в настоящее время в последних советских публикациях, типа книг М. Касвинова, В. Пикуля и др.

С точки зрения этих возможных читателей книги „Правда об убийстве Царской Семьи” и хотелось бы оценить ее содержание, представляющее попытку синтеза предыдущих исследований (в конце приводится библиографический список литературы на русском и английском языках). Автор смог воспользоваться, помимо основных печатных источников — книги Н. Соколова, М. Дитерихса, Р. Вилтона, С. Мельгунова — двумя копиями следственного Дела об убийстве Царской Семьи, находящимися в США, — что помогло ему в опровержении вздорных „гипотез” некоторых современных западных писателей.

Правда, на наш взгляд, эти оригинальные документы можно и нужно было использовать много полнее, не боясь повторения „общеизвестного”. Автор замечает, например: „В нашей работе мы не будем говорить о самом злодеянии (убийстве Царской Семьи. — Е. В.) и об уничтожении тел: оно слишком чудовищно и подроб-

ности его всем давно известны” (сс. 65—66). Он забывает, кажется, кому в первую очередь адресовал свою книгу во введении. Подробности этого чудовищного злодеяния никак не могут быть „давно известны” читателям книги в сегодняшней России (особенно — молодым): ведь у них нет под рукой подробных описаний Н. Соколова.

Обязывающее название книги прямо требовало от ее автора исключительной точности и конкретности как в изложении фактов, так и в ссылках на печатные источники. Проф. Пагануцци показывает себя прекрасным знатоком литературы предмета, но — опять же — он забывает, что читателям его книги (и не только советским) известны далеко не все вскользь и как бы между прочим упоминаемые им имена и заголовки статей, брошюр и книг, как правило, очень специальных и малодоступных.

Например, на с. 39 его книги читаем: „Н. Свитков в своей брошюре дает список масонов-большевиков: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Литвинов, Свердлов и др.” Утверждение многозначительное, для многих читателей — холодный душ на голову. Но что же это за „брошюра”, где, когда и кем она была издана? И кто такой этот таинственный Н. Свитков? Читателю об этом не сообщается ровным счетом ничего — никаких ссылок.

На с. 131 автор поместил в примечании (мелким шрифтом) еще более ответственное утверждение: „Интересно отметить, что Ю. М. Одинзгоев писал следующее о Сараевском покушении, вызвавшем мировую войну: „Убийство Австрийской наследственной четы было делом рук масонов; и не даром, во время суда над убийцами, было установлено с документальной точностью, что убийцы являлись масонскими агентами. Это как-то замолчали, как обстоятельство, не стоящее внимания („Крестный Путь”, с. 300)”.

Кто такой Ю. М. Одинзгоев? В Указателе личных имен нет никаких пояснений. Нам известна книга Ю. М. Один-

згоева, которая называется „В дни царства антихриста. Сумерки христианства” (без обозначения года и места издания). Что касается книги под названием „Крестный Путь” — отсутствующей в перечне литературы — она (по крайней мере, „Часть первая: Корни зла” — Мюнхен, 1921) принадлежит Ф. Винбергу, имя которого стоит на обложке. Приведенная цитата, действительно, находится здесь на с. 300—301.

Еще пример подобной библиографической небрежности, могущей навлечь упреки в недобросовестности. На с. 68 проф. Пагануцци сообщает, что „в Британском музее находится брошюра Энеля „Жертва”, переведенная на русский Верным” — в этой брошюре расшифровывается значение четырех каббалистических знаков (воспроизводимых в рецензируемой книге), обнаруженных в подвальном помещении Ипатьевского дома, где было совершено подлое убийство. „Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: „Здесь, по приказанию тайных сил, царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы”.

Максимальная точность в ссылках на такого рода литературу абсолютно необходима, так как из содержания книги явствует, что и сам ее автор поддерживает сходную точку зрения на убийство Царской Семьи. Он сочувственно цитирует Н. Соколова (опять же, без указания источника): „Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане), причем самым первым из них по времени погиб Вел. Кн. Михаил Александрович. За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии. Вопрос о жизни и смерти членов Дома Романовых был, конечно, решен до смерти тех, кто погиб на территории России” (с. 30).

В последней, Девятой главе своей книги, подводя итоги, проф. Пагануцци резюмирует: „Участь всех членов Дома Романовых была решена в центре” (с. 142). И так

расшифровывает дальше это свое утверждение: „У нас нет никакого сомнения, что описанные в этой главе чудовищные преступления большевиков, превзошедшие все меры жестокости (имеются в виду убийства в Перми и Алапаевске. — Е. В.), были совершены по приказанию из центра-Москвы, и главная ответственность за них лежала на Свердлове, на первом месте, а затем на Ленине, Крестинском и Зиновьеве” (с. 143).

Мы тоже несколько не сомневаемся, что убийство членов Дома Романовых и самого Русского Царя вовсе не могло быть самовольным актом местных уральских властей. Однако, представленные в книге материалы все же не документируют с последней степенью убедительности представленную иерархию палачей: „на первом месте” (?) Свердлов, „затем” Ленин, Крестинский (?) и Зиновьев (о котором в Указателе личных имен сообщается: „Он же: Апфельбаум, Овсей Гершон Аронов”).

Особенный интерес представляют те страницы книги „Правда об убийстве Царской Семьи”, где проф. Пагануцци полемизирует с авторами на шумевшей книги „До сье на Царя” Антони Саммерсом и Томом Менгольдом. „Авторы этой книги, — пишет он, — предложили читателям свою гипотезу, правдоподобную в свете „свидетельских показаний”, о том, что большевики перевезли куда-то почти всех членов Царской Семьи из Екатеринбурга живыми... Авторы книги думают, что только царские слуги были убиты в доме Ипатьева и их тела уничтожены...” (см. с. 82).

„Гипотеза” эта не нова, ею питалось целое поколение самозванцев, выдававших себя за „выживших” или „чудесным образом спасенных” Великих Княжен Анастасию, Татьяну, Марию, и даже — за Наследника Престола Цесаревича Алексея Николаевича! Странно, что всегда находились люди — в том числе и высокопоставленные, — которые из непонятных соображений поддерживали проходимцев, и тем самым — миф о спасении Семьи Романовых.

Проф. Пагануцци указывает, что для подкрепления

этой фантастической гипотезы ее создателям необходимо было „как можно больше дискредитировать следственную работу Соколова” и его самого, как человека (которого „неожиданная смерть, при загадочных обстоятельствах, унесла... в могилу” — см. с. 30). И вот испытанный в прошлом метод дискредитации оказывается еще более действенным сегодня: по словам Керенского, следователь Соколов был „стойким, крайним монархистом” (с. 84). Что должно предполагать, что он не мог честно и добросовестно вести следствие об убийстве Царской Семьи!

Вместе с тем авторы английской книги рассыпаются в комплиментах по адресу главного исполнителя преступления — Янкеля Юровского: „То что мы знаем о его поведении до и во время исполнения должности, с трудом может подтвердить, что он является сторонником насилия” (см. с. 88). Напомним, что занимавшаяся Юровским должность была — „член Уральского Областного Совета и областной комиссар юстиции” (Н. Соколов, с. 135). Конечно, трудно себе представить, чтобы глава областной ЧК был „сторонником насилия”!

В полемике с Саммерсом и Менгольдом проф. Пагануцци приводит факты, „в значительной мере подкрепляющие вероятность гибели Царской Семьи и их верных приближенных в Екатеринбургском застенке” (с. 95). Подчеркнутая академичность этой фразы звучит почти кощунственно — особенно теперь, после церковного прославления Мучеников. Но, по-видимому, автор был прав, откликнувшись в своей книге на произвольные домыслы, которым предаются на Западе досужие литераторы, спекулируя на естественном интересе читающей публики к судьбе членов Дома Романовых.

Существуют, условно говоря, два уровня интереса к прошлому в его „монархическом” аспекте — и не только на Западе, но сейчас и в Советском Союзе. Один — чисто обывательский, снобистский: извечное жадное любопытство толпы к аристократической жизни „на верхах”, с неизбежной завистью и недоброжелательством, скры-

ваемым или выставляемым напоказ. В угоду этому любопытству интеллектуальной черни были в свое время пиратски изданы, без разрешения на печатание со стороны близких родственников Царской Семьи Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II — „темное и подлое дело”, по словам писателя А. И. Куприна. Можно предполагать, что и в СССР искусно эксплуатируется этот обывательский интерес в „воспитательных” целях: выпускают фильмы — с крупными полу-правды и обычными горами лжи, книги — типа „23 ступеньки вниз” М. Касвинова — где надоевшую, не лезущую в глотку пропаганду „подслащивают” какими-то цитатками, фактиками: кое-кому этого вполне достаточно.

Но, слава Богу, существует и крепнет серьезное и пытлиное внимание к прошлому, желание восстановить попираемую бессовестно историческую правду, восстановить опороченные репутации, вернуть достоинство национальной России.

Книга проф. Пагануцци идеально адресована именно этому типу читателей; поэтому естественно предъявлять к ней высокие требования. Поэтому и досадны встречающиеся в ней огрехи: приблизительные формулировки, неточные цитаты, слишком субъективные оценки некоторых исторических личностей. Например, при всем том, что участие А. Блока в работе Чрезвычайной Следственной комиссии Временного Правительства можно оценивать, по меньшей мере, двояко, — недопустимым представляется называть великого поэта „певцом большевизма”, и утверждать, будто он „призывал большевиков уничтожать духовенство и разрушать храмы”! (см. с. 161). Не вполне точно называть Маяковского „советским поэтом-футуристом” (с. 168). Конечно, легко можно перепутать имена двух диссидентов-близнецов Роя и Жореса Медведевых (с. 168 — в Лондоне проживает не Рой, а Жорес Медведев); но никак не следовало называть — даже по недосмотру — „автором романа „Доктор Живаго” Леонида Пастернака

(с. 169), тем более, что в тексте книги говорится о „советско-русском писателе Борисе Пастернаке” (с. 58). И не слишком ли субъективно определять Ленина — „внуком крупного капиталиста из поволжских немцев” (с. 101)?

Несомненным и большим достоинством рецензируемого издания является то, что книга снабжена множеством фотографий, некоторые из них публикуются впервые. Воспроизведены они вполне удовлетворительно. Разве что можно было обойтись без репродукции картины худ. И. Джембулата. В целом книга издана превосходно.

Кульминационный момент русской трагедии — убийство Царской Семьи — вечно будет обжигать болью русские сердца. Расследование этого преступления было произведено — усилиями Н. Соколова, М. Дитерихса, Р. Вильтона; предпринята была попытка научного описания Судьбы Императора Николая II после отречения — С. Мельгуновым. Хочется надеяться, что появится в недалеком будущем и настоящее, серьезное историческое исследование на эту тему, одним из подступов к которому можно считать книгу проф. Пагануцци „Правда об убийстве Царской Семьи”.

«МАРИЯ»

Ежеквартальный журнал
Издание российского независимого женского
религиозного клуба „Мария”

Цена отдельного номера: 8 нм
Годовая подписка: 28 нм

Зарубежное представительство клуба „Мария”:

Klub „Maria“, Kaiserstraße 72
6000 Frankfurt a. M. 1, BRDeutschland

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VETCHE"
P. O. Box 68
Mid. Vill. New York, N. Y.
Flushing 11379

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства
имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Важный исторический документ

Книга эта, первая из серии воспоминаний кн. Гр. Н. Трубецкого, имеет первостепенное значение для изучения истории гражданской войны на самом ее главном театре действий — на Юге России.

Автор воспоминаний, назначенный Государем в качестве чрезвычайного посла в Сербию, на место неожиданно скончавшегося Гартвига (1914), прошел с королем Петром и Сербской Армией „Албанскую Голгофу”¹ и увлек за собой дипломатический корпус союзных держав при сербском дворе.

Как говорит сам издатель князь М. Г. Трубецкой в начале книги, этот очерк является очень важным историческим документом, а в предисловии Солженицын пишет:

„Как свойственно Григорию Николаевичу — высокий уровень понимания и изложения проблем, четкая политическая и бытовая обстановка, четкие образы исторических деятелей. Много дают для общего понимания гражданской войны, добровольческой армии, казачества, союзников и чудесные картинки помещичьего быта 1918 года”.

Первая глава книги начинается описанием Поместного Собора Русской Православной Церкви который, после 200-летнего перерыва, выбирает Патриарха Московского и всея Руси. Трубецкой присутствует на Соборе

Князь Гр. Н. Трубецкой. „Годы смут и надежд. 1917—1919”. С предисловием А. Солженицына. — Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского 1981. 263 с. Склад издания: М. Troubezkoï, 4364 Wil-son Av., Montreal H4A 2V2, Canada (P. Q.).

¹ Так был назван переход Сербской армией, во время отступления 1915 г., суровых Албанских гор. Сербская армия тогда была во второй раз спасена нашим Государем от полного поражения и уничтожения!

как его член и произносит речь. Ссылаясь на „Вечернее Время”, он цитирует знаменательные слова одного члена собора, простого русского человека-крестьянина:

„У нас нет больше Царя. Нет отца, которого бы мы могли любить... поэтому нам нужен патриарх. С этим меня на Собор и послали”.

Говоря об этом Церковном Соборе К. Можаяев совершенно справедливо обвиняет всех его участников в том, что они предали заключенного Царя, не подумав об его участи:

„Несмотря на то, что в то время была неограниченная свобода слова, из всего состава Собора, ни со стороны священнослужителей, ни со стороны мирян, не раздалось ни одного голоса в защиту заключенной Царской Семьи. Собор как бы умыл в этом вопросе руки. И этим предоставил право Керенскому решать вопрос по его личному усмотрению. Вскоре, вся Царская Семья, без единого протеста, была сослана в последний крестный путь — в Тобольск”².

После захвата власти большевиками кн. Трубецкой становится видным членом ПРАВОГО ЦЕНТРА (в Москве, Киеве и на территории Вооруженных Сил Юга России), который ведет переговоры и изыскивает возможности при помощи союзников или немцев свергнуть кровавый большевистский режим.

Автор дает яркие и меткие характеристики военным, политическим и общественным деятелям, с которыми ему пришлось встречаться. В ярком калейдоскопе проходят перед читателем, как живые, образы вел. кн. Николая Николаевича, П. Н. Милюкова, генералов Алексеева, Деникина, Корнилова, Каледина, атаманов Краснова и Богаевского, гетмана Скоропадского, террориста Савинкова и других.

В конце 1917 года на Юге России создается Добровольческая Армия (Доброармия) и московский Пра-

² „Часовой” № 633, сентябрь-октябрь 1981, с. 18.

вый Центр старается обеспечить денежные средства на нужды этой армии.

С возмущением отзываясь автор о недавних „доблестных” союзниках России и их дипломатических представительствах, теперь при большевиках „в то время находившихся в состоянии страха перед Троцким и жалкой растерянности”. Дипломаты даже побаивались ареста и казематов Петропавловской крепости³. Больше всех перетрусила жена самоуверенного британского посла Бьюкенена.

26 декабря 1917 года кн. Трубецкой, вместе с П. Б. Струве, едут на Дон и на глазах у автора воспоминаний зарождается Добровольческая Армия. Глава 11 книги является, фактически, апофеозом молодежи Белого Движения:

„В Добровольческую армию и многочисленные партизанские отряды шли мальчишки 14, 15 лет. Они дрались с большим одушевлением. Среди равнодушной, инертной и запуганной толпы взрослых, эти дети горели святым огнем и радостно умирали за родину. В них одних можно было искать залогов будущего возрождения России, но смерть беспощадно косила их... И в каком виде подбирали убитых! — Замученных, искалеченных, порою со следами кощунственного издевательства над трупами! Но все эти ужасы неспособны были запугать, потушить в ее груди святое пламя. Наоборот!”

В Новочеркасске кн. Трубецкой встречается, в частности, и с Савинковым, к которому он питает какое-то чувство гадливости. Ген. Алексеев, пишет он, не имел никакого доверия к Савинкову, но ген. Корнилова ему удалось „окрутить”. Савинков всегда знал, чего он хочет, замечает про него автор:

„Я чувствовал неодолимое отвращение к его холенным рукам, которые невольно притягивали к себе взгляд, — руки террориста-убицы. Они контрастировали с его энер-

³ Куда по их милости Временное Правительство заточало преданных им государственных деятелей царского режима.

гичным лицом, на котором отразилось движение страсти. В маленьких глазах светился холодный блеск. В нем чувствовалась сила человека, для которого не существует никаких моральных задержек. Террорист, авантюрист, шантажист и патриот, несомненно одаренный и умный, но едва ли способный на великое, потому что лишен всяких нравственных устоев”!

После ухода Доброармии из Ростова, Трубецкому приходится бежать с Дона и он опять, по делам Центра, едет в Москву, где в это время идет борьба трех ориентаций: союзнической, немецкой и нейтральной.

Автор негодует на президента Вильсона, пославшего „свой привет тому самому большевистскому съезду, который ратифицировал Брестский договор”⁴.

Между тем Правый Центр, поддерживаемый большинством кадетской партии, склоняется к мысли зондировать почву о возможности помощи от немцев в ликвидации большевиков, под условием не связывать себя никакими обязательствами. И задача выяснить это ложится на кн. Трубецкого.

Но события на Украине, создание самостийного, марионеточного правительства, хотя и при помощи русских помещиков и правых, охладил намерения Центра. Он решает консультировать союзников. Кн. Трубецкой встречается с французским генеральным консулом, но эта встреча не приводит ни к чему.

Между тем граф Мирбах, всесильный представитель державы, навязавшей Брестский мир, не брезгует поддерживать самые оживленные сношения со своими

⁴ И разве могло быть иначе, когда американский президент распорядился отправить немецкого шпиона Троцкого в Россию делать там революцию. „Историки не должны никогда забывать, что Вудро Вильсон, вопреки попыткам британской полиции, дал возможность Леону Троцкому въехать в Россию с американским паспортом” — пишет Антони Саттон, автор книги „Волл Стрит и большевистская революция”. Кстати, в этой книге автор утверждает, что ее (то есть революцию) организовали в России американские капиталисты, называя их по именам.

вассалами-большевиками. Более того, немецкая разведка нередко снабжает Чрезвычайку списками членов Центра после чего следуют аресты и расстрелы⁵.

Летом 1918 года московский Правый Центр решает послать одного из своих членов в Киев и Ставку Доброй армии. И выбор опять падает на кн. Трубецкого. Под защитой немецких штыков в столице самостийной Украины бурлит политическая жизнь. Настоящие самостийники, ратующие за отделение Украины, принадлежат к левым партиям. Совершенно особую позицию занимают киевские кадеты. Согласившись участвовать в правительстве, они входят в него сплоченной группой. Приехавший с Дона Милюков одобряет действия своей партии на Украине.

В книге публикуется крайне интересное письмо лидера кадетской партии от 11 августа 1918 года, в котором он выражает свои мысли и взгляды на окружающую обстановку, набрасывая программу действий. Кн. Трубецкой едет в имение Коростовцева под Киевом для встречи с Милюковым, а затем они вместе возвращаются в Киев. Вот что пишет в своих воспоминаниях кн. Трубецкой о вожде кадетской партии:

„В Милюкове была ценная черта — его силы воли и самостоятельности суждения... В более ранние годы его упрекали в заигрывании с левыми, теперь такой упрек был бы положительно несправедлив. Он совершенно не считался с вопросом личной популярности и с левыми течениями... Это был человек боевой и любивший бороться. Со времени переворота во мне не раз вызывал уважение его самостоятельный образ мысли, но я дол-

⁵ Генерал Деникин писал об этом: „В Москве была разгромлена одна тайная военная группа германофильского Правого Центра. Старший советник германского посольства Рицлер и начальник немецкой контрразведки Мюллер находились в тесном сотрудничестве с Караханом и Дзержинским и снабжали их списками адресов, где должны быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики против советской власти”. Деникин. „Мировые события и русский вопрос”. Париж, 1919, с. 82.

жен признать, что к этому ценному качеству прибавлялся и сильный недостаток чутья и такта”.

Далее Трубецкой говорит, что Милюков не только допускал возможность соглашения с немцами, но и поверил, что оно непременно состоится. Милюков полагал, как и Правый Центр, что в целях скорейшего освобождения от большевиков и восстановления неделимой России, возможно соглашение с немцами, приблизительно на тех же условиях, какие были определены Центром. Украинский переворот он одобрял как первый этап к воссозданию единой России. Краеугольным камнем переговоров с немцами, как и у центра, у Милюкова было условие: отказ Германии от похабного Брестского мирного договора.

В своем письме Милюков представляет будущую Россию конституционной монархией. Поэтому он предлагает немедленно выяснить место пребывания вел. кн. Михаила Александровича для того, чтобы вступить в контакт с ним⁶.

Из Киева кн. Трубецкой пробирается на Дон и, в конце августа, попадает в Екатеринодар. К этому времени Доброармия представляет уже грозную для большевиков силу, и освобождение Северного Кавказа от красных идет быстрыми темпами.

„Добровольческая Армия является носительницей русской государственной идеи во всей ее чистоте. Без нее и вне нее я совершенно не представляю себе возрождение России. Добровольческая Армия гордится тем, что не связала себя никакими обязательствами”, — пишет автор воспоминаний.

Однако общая обстановка к началу октября, показала, что о соглашении с Германией не может быть и речи! В глазах вождей Доброармии немец оставался врагом, притом врагом нечестным... В Ставке ген. Деники-

⁶ Милюков не предполагал, что почти что за месяц до его письма великий князь был зверски убит чекистами в тайге между Пермью и Кунгуром.

на кн. Трубецкой помогает организовать гражданскую власть и выполняет ряд дипломатических поручений.

Осенью 1918 года кн. Трубецкой посетил Крым, побывал у вел. кн. Николая Николаевича, а также встретился с „патриархом” кадетской партии И. И. Петрункевичем. Его внук, молодой человек, еще недавно слышавший „левым, чуть не эсером” решил поступать в Добровольную армию: „Только я поступлю с одним условием, если они хотят царя посадить”!

Кроме Петрункевича в Крым бежали и другие члены кадетской партии: В. Набоков, М. Винавер, А. Тесленко. В Гаспре они созвали небольшое совещание, вызвавшее такую реплику кн. Трубецкого:

„У кадетских лидеров были иллюзии насчет программы Вильсона. Они готовы были наивно поверить, что наступает новая эра в международных отношениях, конец войнам. Самые умные из них были все-таки теоретики-утописты!”

В конце книги помещается, впервые публикуемый, помеченный *Совершенно секретно*, документ: *Очерк взаимоотношений Вооруженных Сил на Юге России и представителей Французского Командования*.

Этот обширный документ, занимающий 32 страницы, недвусмысленно показывает как недавние союзники России — французы коварно предали Добровольческую Армию, открыв фронт большевикам и намеренно оставив красным огромные склады всевозможного оружия и боеприпасов, принадлежавших императорской армии и приготовленных для победоносного наступления русской армии весной 1917 года.

Кончаются воспоминания трогательным послесловием издателя, сына автора книги, кн. М. К. Трубецкого:

„Мой брат, Константин, домой не вернулся. Ему только что минуло восемнадцать лет, когда он был ранен на Перекопе при отступлении армии ген. Врангеля. Его полк трижды посылал за ним лошадей, но мой брат, каждый раз уступал свое место более тяжело раненым...”

С последним раненым он послал прощальное письмо своим родителям, с просьбой не печалиться, так как „я страшно рад за такое дело положить жизнь”, молиться за него и служить заупокойные панихиды.

Его орлиному племени один добровольческий поэт, Е. Заленский, тоже мальчиком принявший участие в вооруженной борьбе с большевиками, посвятил такие строки:

Я не знаю — десять или двадцать,
Сколько шло их тихо умирать,
Каждый был до боли рад стараться,
Словно жить и жить ему опять!
И была потеха им лихая —
Умирать, так умирать шутя,
И металась в пулеметном лае
Злая смерть, мальчишек не щадя!
И лежали пламенем объаты
Маленькие мертвецы,
Господа последние солдаты,
Самые надежные бойцы!

Пройдет много лет после окончания революции и гражданской войны, и не белогвардеец или белоэмигрант, а русско-советский писатель, у себя на родине, опять воспоеет героизм молодежи Белого Движения в своем романе „Доктор Живаго” (сс. 342—344).

П. П.

Вермонт 1981

Нам пишут...

... „Вече” — хороший русский журнал! Уже давно не видно было такового и Ваше предприятие очень своевремененно и нужно. С нетерпением ожидаю следующего выпуска...

... Посылаю Вам первый чек за Ваш исключительно интересный журнал, одновременно обязуюсь быть его постоянным подписчиком...

Ю. Г. — Нью-Йорк

... Позвольте поздравить Вас с изданием истинно русского национального журнала и выразить надежду, что распространение „Вече” не будет ограничено только зарубежьем, но дойдет и до читателей в нашем отечестве...

Л. Б. — Мюнхен

... Считаю, что ваш журнал необходим, но по-моему можно было бы его сделать более эффективным:

1) К каждой статье придать „резюме” на немецком, английском или французском языке. Ведь вы же хотите заинтересовать и публику по-русски не говорящую.

2) Считаю излишним и малополезным вести споры между разными группами эмиграции, дескать, они такие, а мы — сякие. Конечно, это не мешает подчеркнуть вашу позицию, спросить насчет односторонности теперешней диссидентской эмиграции и т. д. Так, например, людям на заводе совершенно непонятно, почему теперешние критики режима почти все евреи, отцы которых даже часто занимали в иерархии советского государства видные места. Объяснение, конечно, весьма простое, но надо его и открыто написать. Так что, если уж спрашиваете и защищаетесь, то пожалуйста, не мало кому по-

нятными деликатными намеками (стр. 123, строчка 10 — только один из бесчисленных примеров), а уж, пожалуйста, открыто...

В. О. — Базель

... Большое спасибо за „Вече” № 2. Прекрасный номер Вашего альманаха. К сожалению, не могу подписаться сам: меня сокращают. Чтобы не быть пустоцветом, я сделаю перевод в 40 НМ, но не как подписку, а как единовременную помощь. Ваш журнал, не только этого стоит, но и требует такой поддержки...

В. М. — Льеж

... „Вече” исключительно интересный и содержательный журнал, причем — что сегодня редкость — полностью *русский*...

А. Г. — Брюссель

... Второй номер получил. Спасибо. Ценные есть материалы...

В. С. — Нью-Йорк

... Искренне благодарен Вам за внимание, за „Вече”, а еще больше, за то благородное дело, которое Вы начали. Альманах я перечел несколько раз „запоем”. Содержание — безупречно. Говорят, одна похвала не конструктивна, так как не выявляет недостатков. Но как быть, когда недостатки не найдены...

В. М. — Сан Франциско

... Насчет „Вече”: я считаю, такой журнал не стоит издавать, это надо быть миллионером. Русские не привыкли платить за книги и журналы, они хотят получать бесплатно. Кроме того, в Америке из русских, умеющих читать по-русски, становится все меньше и меньше: умирают и слепнут. А молодежь на 98% не умеет читать и даже говорить по-русски. Их отцы и матери все время „свергали большевиков” и „устраивали новые порядки в послебольшевистской России” и потому у них не было времени заняться воспитанием детей. Вот и получается: что посеяли, то и пожинают...

К. Я. — Нью-Джерси

... Не сомневаюсь в успехе Вашего альманаха. Примите искренние пожелания преуспеть в Вашей борьбе...

М. В. — Нью-Йорк

... Поздравляю с выходом интересного и прекрасно изданного „Вече” № 1. Посылаю плату. Не скрою: это очень дорого... Но поддержать Ваше начинание — просто необходимо. Цель альманаха и „двойная направленность” его — прекрасны и правильны...

Т. К. — Онтарио

... Альманах мне очень понравился своим умеренным российским консерватизмом-национализмом...

И. Г. — Гамбург

... Посылаю 100 НМ на сколько Вам хватит. Если у Вас туго с „грошами” постараюсь присылать чаще, как хватит моих пенсионных сил...

А. Д. — Мельбурн

... Бог в помощь! Продолжайте в том же духе. Только чтобы статей хватило. Желаю всего наилучшего...

Е. З. — Сан Франциско

... Спасибо за надежду и за дерзание. Но знаете ли Вы на что идете?..

М. П. — Париж

... Ваш журнал — луч света в „континентальном” мраке. Действительно „русская мысль” и настоящее „русское слово” (хорошо, что не новое!). Да помощи Вам Бог в Вашем замечательном начинании...

В. В. — Вашингтон Д. С.

... Правильно Иванов пишет, раздолбают наши Иваны и в следующей войне Запад. Они костыми за родину лягут, иного им не дано...

Ф. К. — Кельн

... Странно, необыкновенно, парадоксально — о русских делах говорят русские люди. Откуда такая прыть и кто Вас финансирует?...

Л. А. — Вена

... Ваш журнал прекрасен и очень правдив, спасибо Вам, а главное полезен...

В. Е. — Гаага

... Поздравляю Вас с выходом второго номера Вашего прекрасного журнала „Вече”. Искренне надеюсь, что Вам удастся и впредь преодолевать встречающиеся трудности и продолжал это большое дело...

Н. С. — Буэнос Айрес

... Благодарю Вас за журнал „Вече” № 2. Я его прочитал и считаю его содержание весьма интересным. Однако в данное время, мне, как новоиспеченному пенсионеру, к сожалению, трудно оформить подписку...

Н. Л. — Вена

... Вчера получил я № 2 „Вече”, сходно с № 1 и идет верным путем...

Р. П. — Бостон

... С удовольствием познакомилась с вашим прекрасно изданным, содержательным журналом. Посылаю подписную плату за год, но прошу не высылать его мне, а отправлять в Советский Союз. Я думаю, что там он гораздо нужнее и полезнее. Вы ведь, кажется, делаете это... С пожеланиями Вам и всем сотрудникам успеха...

А. З. — Сан Франциско

... Обязательно заведите отдел как живут русские во всех странах мира. Это заинтересует многих...

К. К. — Нью-Джерси

... Журнал мне очень понравился. Вкладываю на Ваше имя чек на 50 долларов. Вычтите из этой суммы стоимость подписки и присылки на один год, остаток — на нужды редакции...

И. С. — Адельфи, США

... Нам нравится Ваш журнал; это то, что нужно нам русским за границей. Конечно, по одному номеру судить трудно, но впечатление очень хорошее. Однако прав был кто-то из Ваших подписчиков, что журнал дорог. Главным образом он дорог для нас — пенсионеров... Но чтоб

поддержать Вас в таком хорошем начинании, помочь Вам „взять разгон”, мы решили выписать первые четыре номера журнала... Ждем остальных номеров и надеемся, что и в дальнейшем, как в присланном Вами номере, обойдется без участия так называемой „третьей волны” и что с журналом не случится то, что случилось с нашей газетой „Новое Русское Слово”, которой постепенно почти полностью овладевает эта чересчур предприимчивая публика...

Т. А. — Нью-Йорк

... Хочу помочь Огурцову, Осипову и всем другим мученикам за Свободу и Справедливость, за Веру и Россию национальную... Предложу подписаться на „Вече” моим друзьям. У нас в Париже есть редакция „Континента”. Почему он молчит об Огурцове? Не понимаю. Я их подписчик (и „Р. М.” также) и спрошу их, по какой причине они обходят истых и больших патриотов. Это не нормально... Желаю успеха на благородном пути...

Б. Ф. — Париж

... При мне прошла вся история постепенного закрепощения несчастного русского народа (я второй эмиграции, меня вывезли из родины немцы). И интересно, но больно мне было читать о том, что было и остается болью моей души, и, конечно, я буду выписывать Ваш альманах, но только, если Вы позволите платить Вам за каждый номер, а не сразу за все...

Т. И. — Нью-Йорк

... От всего сердца спасибо за неожиданную большую радость. Я думал, все русское, так ненавистное этому свободному миру, окончательно загнано в такое подполье, что уж не найдется смельчаков выступить открыто и во всеуслышание в нашу защиту. Спасибо вам еще и еще раз. Спасибо за русскую душу, за смелость, за подвиг. Дай Бог вам сил и выдержки, пусть наше „Вече” превратится в мощный русский журнал, будет глаша-таем русской совести и мысли, на страх врагам...

Л. Ф. — Париж

... Вы обращаетесь к президенту США. Но Россия была и будет, независимо от того, что о ней думают, знают и чего от нее хотят американские президенты. Они — на 4 года. Россия же — на вечность...

А. Г. — Лондон

... Уже давно и с большим интересом прочел Ваш журнал „Вече”. Оформлен он бесподобно, хотя содержание некоторых статей весьма спорное и даже неприемлемо моим представлениям...

Н. Т. — Нью-Йорк

... Вы начали большое, нужное дело. Наше русское дело...

В. С. — Нью-Йорк

... Во всем разделяю Вашу позицию, приветствую Ваше начинание и искренне желаю успеха в Вашей деятельности. Бог в помощь!..

И. З. — Нью-Йорк

... Поскольку вы по направлению хотите быть выше обычных журналов, то вы должны быть выше и по тону разговора... Одно дело полемизировать с солидными западными учеными, что сразу ставит вас на их уровень; другое дело, полемизировать с эмигрантской мелочью или подсоветскими демагогами. А красивее, всю эту „мелкую птичью сволочь” просто не замечать...

Б. — Нью-Йорк

... Я прочел еще не все статьи, но то, что прочел, мне показалось весьма интересным и содержательным... Оформление и вообще весь вид, по-моему, весьма удачные. Желаю Вам дальнейшего успеха...

А. Х. — Мюнхен

... По прочтении сборника — „от крышки, до крышки” — прекрасно! Восторг! Полное созвучие!..

Т. К. — Торонто

... Надеюсь, что ваш журнал получит широкое распространение и даст вам возможность перебросить его в Россию...

Н. П. — Сан Франциско

... Конечно, „просмотреть” — просмотрел все, но до внятной возможности сказать что-либо дельное еще не дошел. С Вашего разрешения, попытаюсь в следующий раз. Однако уже сейчас: формат, обложка и печать — очень хорошие; объем — хороший с запасом (принимая во внимание цель биместрального издания); материал (чур меня! еще рано...) чувствуется, несколько „календарных” тем, заметно, что есть „порох” на другие (не дай Бог иссякнуть, не дай Бог дадим иссякнуть!) ... По всей вероятности, заметная доля тиража предусмотрена на пересылку в Россию, но остальное — для „местного” потребления. Так вот, об этом последнем: думается, что было бы не плохо уделить эмиграции более или менее определенное место...

О. Б. — Каракас

... Ваш первый номер журнала очень хороший, как по содержанию, так и по внешнему оформлению. Нужда в таком журнале чувствовалась уже давно. Распространять журнал будет делом не легким, так как русская публика инертна, а круг людей читающих — очень небольшой. (У большинства русских в Америке мозги размыты газеткой „Новое русское слово”. Ее особенности и тенденции Вам, вероятно, известны) ...

Г. Г. — Нью-Йорк

... Журнал прекрасный и во всем соответствует нашим взглядам и чаяниям. Слава Богу, наконец-то свои люди пишут, русские патриоты и православные люди, а не отродье, набившее нам оскомину своим русофобством...

В. Т. — Чикаго

... Очень Вам благодарен за бесплатную подписку для наших пенсионеров. Некоторые из наших членов собрались вместе и просят еще одну подписку — на этот раз платную — чтобы иметь возможность читать Ваш журнал без задержки...

Г. И. — Париж

... Вы пишете, что есть желающие „задушить”, но велик Господь. Им хотелось задушить и Русь, но Господь не дал свинье „позобать Свой виноград”...

А. Д. — Мельбурн

... Присылкой Вашего журнала „Вече” Вы доставили мне большое удовольствие. Я прочел журнал с огромным интересом и могу сказать, что в общем и целом вполне согласен с представляемыми им политической линией и взглядами. Такого рода русский журнал национального характера с углубленным философским и религиозным направлением — это то, чего в последнее время не доставало...

Г. С. — Канзас

... Признаюсь в том, что ваш журнал мне, действительно, очень понравился, даже некоторые недостатки его мне милы, потому что от них веет молодостью, свежестью и уверенностью в будущем...

А. М. — Сидней

... Спасибо за „Вече” № 2, который Вы недавно послали мне. Я, признаться, слышал, что появился новый журнал, но подумал, что это наверно что-нибудь вроде „Континента” (на который я однажды по ошибке подписался) и целого ряда других, „русских” журналов, издающихся „третьей волной”. Но увидев разницу, решил подписаться на год...

В. Ц. — Торонто

... Оба номера „Вече” я получил и содержание и общий дух всецело одобряю. Остается открытым вопрос о том, как долго вы сможете преодолевать трудности финансирования. Решающим является число подписчиков, причем постоянных... Мне кажется, что „Вече” могло бы иметь большой успех в Советском Союзе, но беда в том, что ожидать возврата денег при засылке туда не приходится...

Ю. М. — Вашингтон

... Я готов поддержать *любое* антикоммунистическое издание или даже организацию. Повторяю: *любое*. И „Голос зарубежья” и „Марию” и „Посев”, и „Грани”. Ведь все они (и для меня это главное) антисоветские по сути. Но смогу ли я это сделать своими горбовыми крохами? Конечно, нет. Да и глупо было бы и бессовестно

перед семьей отрывать немалые деньги на указанные выше (и интересные для меня) издания. Ведь приехали навсегда, с пустыми руками. Начинаем с нуля. Хочется и того, и этого. Всего полно. А мы ни черта и никогда ничего не имели. Я костюма *ни разу в жизни* не купил. Ну вот, я сейчас скажу Тане: „Дай мне 80 долларов на „Континент“, 70 долларов на „Посев“ (читать то и их хочется!) и 50 долларов на „Вече“. И, естественно, Таня в праве воскликнуть: „Ты, политик, хватит грабить семью! Жить-то когда будем?!“

Я преклоняюсь перед логикой. А согласно логике я должен бы стать и подписчиком (то есть поддержателем) „Вече“. А как же иначе!.. Ну какой же я политический противник власти в нашей стране, какой же я ваш единомышленник, если не поддерживаю своей подпиской, своими деньгами такое антисоветское издание, как „Вече“. Это было бы *нелогично* с моей стороны. А „рождение“ „Вече“ я встречаю не враждебно. Наоборот. Я рад, если будут выходить журналы еще и еще, любые: монархические, националистические и т. д., лишь бы они расшатывали хоть как-то ненавистную мне идеологию, открывали глаза нашим отупевшим соотечественникам. Но — не за мои деньги. *Хватит!* Считал бы нормальным и справедливым и главное — логичным, если бы мне, Вам и таким, как мы с Вами, все антисоветские издания (и „Вече“ в том числе) опускались бы в почтовые ящики *бесплатно*. Так же, скажем, как коммунисты Советского Союза *бесплатно* доставляют эмигрантам газету „Голос Родины“ и чудесно оформленный (имею в виду только качество бумаги) журнал „Отчизна“. Носят назойливо. Люди порой брезгливо выбрасывают эти сгустки лжи, а они носят и носят...

Знаю, что Вы сейчас скажете: „Ну, знаете, антисоветчики на Западе не располагают такими средствами, как коммунисты, чтоб бесплатно отправлять журналы даже активным противоборцам с советским режимом“. А я готов ответить: А не имея средств, не начинайте дела. Все равно потухнете. На подачках меценатов не протяне-

те долго. Вот, если займете такого „мецената”, как Шпрингер — другое дело. Как мне писал в свое время Н. Н., максимовский „Континент” только и живет благодаря „подогрева” этого дяди...

В. П. — Мельбурн

Редакции альманаха „Вече”

ИСПРАВЛЕНИЕ

В Вашем альманахе „Вече” № 2, 1981 г. в статье Л. Бородинна „Профессиональный провокатор” на стр. 142 содержатся между прочим следующие утверждения:

1. Что журнал „Голос Зарубежья” обвиняет „целое политическое направление у себя на родине” в „агентуризме”.

Это неверно: „Голос Зарубежья” не обвиняет никакое политическое направление в „агентуризме”.

2. Что журнал „Голос Зарубежья” ведет „серьезный и деловой обмен мнениями” с А. Гидони.

Это неверно: журнал „Голос Зарубежья” не ведет с А. Гидони ни серьезного, ни не серьезного, ни делового, ни не делового обмена мнениями.

Согласно германским законам Вы должны поместить это исправление (Berichtigung od. Gegendarstellung) в следующем номере Вашего альманаха. В случае отказа мне придется обратиться к судебным инстанциям.

(В. Пирожкова)

Р. С. Исправление должно быть напечатано на таком же видном месте, как была напечатана выше означенная статья.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя выдержки из некоторых, адресованных редакции „Вече” писем, мы вместо подписей оставили лишь инициалы их авторов, ибо не все писали для публикации.

Однако одно из полученных писем мы публикуем целиком и с полной подписью его автора. Содержащаяся в этом письме угроза судебной расправы над нашим альманахом придает ему особый колорит. Считаем необходимым подчеркнуть, что не страх перед германскими судебными инстанциями побудил нас опубликовать письмо госпожи Пирожковой, а желание раскрыть перед российским зарубежьем, еще один из существенных штрихов автопортрета человека, усердно имитирующего голос этого зарубежья.

Волею Божией 24 марта 1982 г. в Мюнхене после продолжительной болезни на 82 году жизни, скончался известный общественный деятель Российского Зарубежья, талантливый публицист

**АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ
МИХАЙЛОВСКИЙ**

о чем с глубоким прискорбием извещает
редакция альманаха „ВЕЧЕ”

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на латиноамериканские страны

DYTA

Apartado del Correo 51.241

Zona Postal 1050-A, Caracas, Venezuela

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для всех стран Латинской Америки через Генеральное Представительство, по указанному адресу

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в латино-американских странах просим обращаться в Генеральное Представительство

Художник и Россия

Единственная в своем роде книга, в которой опубликованы доставленные на Запад отзывы многих тысяч посетителей двух выставок известного художника Ильи Глазунова в Москве, в июне 1978 г. и в Ленинграде, в октябре 1979 г. Отзывы эти приподнимают тяжелый занавес, которым не только коммунистическая дезинформация, но и субъективные суждения разного рода и разного калибра „знатоков“ советской действительности, прикрыли истинное общественное мнение нынешней России.

Книга представляет собой уникальный документ, свидетельствующий как о бурном возрождении русского национального самосознания, так и о катастрофической деформации сознания многих людей, принадлежащих к различным социальным слоям советского общества, вызванной долголетним непрерывным воздействием коммунистической пропаганды.

Книга „Художник и Россия“ издана форматом 22 x 32 см., на меловой бумаге, в твердом переплете. В ней 22 иллюстрации, в том числе цветные репродукции картин И. Глазунова, часть которых публикуется впервые — „Возвращение блудного сына“, „За ваше здоровье“, „Былина“, „Портрет А. Солженицына“. Цена книги — НМ 54. —

С приложением цветной репродукции „Возвращение блудного сына“ (104 x 73 см) — НМ 69. — С двумя приложениями: репродукция „Возвращение...“ и репродукция „Мистерия XX века“ (120 x 84 см — НМ 94.

Заказы направлять на адрес генерального представительства книги:

Russischer Nationaler Verein e. V.

Theresienstr. 118-120

8000 München 2

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный
национальный орган
Четвертый год издания
Главный редактор Г. А. ХОМЯКОВ

ПОДПИСКА НА 4 НОМЕРА

Рассылка журнала:	из Нью-Йорка	из Парижа
1. Подписка с пересылкой обыкновенной почтой	19 ам. долл.	75 фр. фр.
2. Подписка с пересылкой воздушн. почтой	29 ам. долл.	100 фр. фр.
3. Цена в розничной продаже	5 ам. долл.	25 фр. фр.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просят увеличивать подписную плату на сколько кто может.

Подписную плату чеками или почтовыми переводами
посылать:

„1000 Anniversary Committee”, 322 W. 108 St.,
New York, N. Y., 10025, USA

Или в Европе секретарю редакции:

Mlle Nathalie Semenoff
rue Delaporte,
94700 Maisons-Alfort, France

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Стоимость подписки на 4 номера:
в издательстве — 48 н. м.
через магазины — 60 н. м.

ПОСЕВ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Стоимость подписки на 12 номеров:
в издательстве — 72 н. м.
через посредников — 84 н. м.

«НАДЕЖДА»

Христианское чтение

За 3 выпуска при подписке:
непосредственно в издательстве — 60 н. м.
через представителей — 72 н. м.

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:
«ГРАНИ» — 15 н. м., «ПОСЕВ» — 7 н. м.
«НАДЕЖДА» — 24 н. м.

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG
D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15
или же банковским переводом на
Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/Main
или на почтовый счет
Postscheckkonto 334 61-608, Frankfurt/Main.

Книги Ю. П. Миролубова

„Бабушкин сундук”	175 стр. — 12 НМ
„Родина-мать”	190 стр. — 15 НМ
„Прабкино учение”	112 стр. — 10 НМ

Книги напечатаны на хорошей бумаге,
в мягкой обложке, размером 15 x 21 см.

Заказы направлять:

Frau J. Miroluboff
Heinrichsallee 35
D 5100 Aachen

АЛЬБОМ РАЗРУШЕННЫХ И ОСКВЕРНЕННЫХ ХРАМОВ

(Москва и Подмосковье — «Золотое кольцо»)

Художественное оформление. Специальная бумага. Твердый переплет.
Большой формат (29 x 21 см). 224 страницы. 250 фотографий храмов
до и после разрушения. Большое послесловие неизвестного автора —
«Пределы вандализма. К истории российских храмов в XX веке».

Два пути, ведущие к Небу, ближе всего русской душе — Святость и Красота. На пересечении этих дорог возникло одно из высших проявлений гения нашего народа — русские церкви. Почти тысячелетие строили их наши предки, не только для себя, но и для нас и для наших детей. Но большинства их ни мы, ни дети наши уже не увидим, разве что на фотографиях, как в этом альбоме. Зато, может быть, эти фотографии помогут нашим детям разгадать загадку: что за существа посетили тогда нашу страну, для которых жизнь на одной земле с этой красотой была невозможна? И почему весь народ не схватил их за руки?

(Из «Альбома»)

*Альбом посвящен Александру Солженицыну, а в Самиздате был выпущен
к его шестидесятилетию. Альбом открывает его рассказ
«Путешествия вдоль Оки».*

Стоимость альбома — 45 нм + 3 нм за пересылку.

**Жертвуйте также на отправку альбома в Россию
(30 нм на экземпляр)**

Заказы и пожертвования направлять непосредственно в Издательство.

POSSEV-VERLAG, Flurscheideweg 15, D- 6230 Frankfurt/M - 80

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

12 нм

подписка на 4 номера

40 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

7 ам. долл.

подписка на 4 номера

25 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“

Фамилия, имя

Адрес

.

.

Оплату произвожу

приложенным чеком

почтовым чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**